

Э.Я. БАТАЛОВ

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ

В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XX ВЕКА

Эдуард Баталов

**Проблема демократии
в американской
политической мысли XX века**

«Прогресс-Традиция»

Баталов Э. Я.

Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э. Я. Баталов — «Прогресс-Традиция»,

Проблема демократии всегда занимала важное место в политической мысли Соединенных Штатов Америки. Но в условиях XX века с его политическими и экономическими кризисами, войнами, революциями, ставившими под вопрос устойчивость и само существование демократических режимов, эта проблема становится одной из центральных и привлекает внимание широкого круга американских исследователей. В работе прослеживается эволюция взглядов американских политологов и философов на демократию на протяжении минувшего столетия, рассматриваются идеи и концепции таких крупных демократологов, как Гэбриел Алмонд, Сидни Верба, Роберт Даль, Энтони Даунс, Гаролд Лассуэлл, Сеймур Липсет, Чарлз Мерриам, Йозеф Шумпетер, и других. Книга завершается разделом «Проблема демократии в свете НТР», в котором рассматриваются представления американских политологов о возможности использования современных технических средств для развития демократии и практические успехи США в формировании электронного правительства. Работа построена на основе анализа широкого круга источников и представляет интерес для всех, кто интересуется проблемой демократии. Может быть использована в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов, изучающих историю политической мысли.

© Баталов Э. Я.

© Прогресс-Традиция

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава первая	15
Вехи традиции	15
Общие контуры поля исследования	30
В борьбе за «новую демократию»	37
Демократия, политика, общество	47
Пионеры из Чикагской школы	53
Демократия: планы на будущее	68
Глава вторая	79
Общие контуры поля исследования	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Эдуард Яковлевич Баталов

Проблема демократии в американской политической мысли XX века

ВВЕДЕНИЕ

Одна из самых известных и глубоких книг о Соединенных Штатах была написана более полутора веков назад и называлась «Демократия в Америке». Ее проницательный автор, молодой француз Алексис де Токвиль, обнажил на страницах своего труда¹ нерв всей политической – да и не только политической – жизни США. Причем сделал это в тот момент, когда феномен национальной демократии еще не находился в центре внимания американских исследователей, да и само слово «демократия» не пользовалось большой популярностью. Должно было миновать не одно десятилетие, чтобы оно не просто вошло в политический обиход, но и стало чуть ли не вербальным символом Соединенных Штатов. И не только Соединенных Штатов. «Сегодня идея демократии получила всеобщее признание. Большинство режимов претендует на право обозначаться словом *демократия*», – констатирует известный американский обществовед Роберт Даль².

И все же, когда заходит речь о демократических странах, или, как теперь часто говорят, о «демократиях», на ум первым делом приходят именно США. И не без оснований. Именно там появилась первая в истории Нового времени демократическая республика, а ее политические институты достигли высокой степени развития. Именно там была выработана первая в мире Конституция, которая (с учетом Билля о правах) при всех ее недостатках была проникнута демократическим духом.

В советское время доброжелатели Америки непременно подкрепили бы эту оценку цитатой «из Маркса». Но почему бы не сделать этого и сегодня, если цитата по делу, а Маркс как был, так и остается одним из крупнейших мыслителей XIX века? Так что уместно напомнить, что в приветствии Международного Товарищества Рабочих Аврааму Линкольну, написанном Марксом по случаю победы республиканцев на президентских выборах 1864 года, Соединенные Штаты характеризовались как страна, «где возникла впервые, около ста лет назад, идея великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века...»³.

Демократия, открывавшая перед гражданами США широкие возможности самоуправления и политической самореализации, немало способствовала – в сочетании с либерализмом – превращению Америки в передовое буржуазное общество. К этому следовало бы добавить, что со временем именно Соединенные Штаты возложили на себя (хотя никто их об этом не просил) бремя гаранта мировой демократии, а с конца XX века – еще и промоутера глобальной демократизации.

Многое сделала Америка и для теоретического осмысления феномена демократии и распространения выработанных в стране демократологических теорий и концепций за пределами

¹ Сами американцы столь высоко оценивают исследование Токвиля, что удостоили его – явление исключительное – отдельной статьи в «Encyclopedia Americana». И хотя ее автор, крупнейший историк Генри Коммаджер находит в нем некоторые недостатки, творение молодого европейского юриста характеризуется им как «классическая интерпретация демократических и эгалитарных институтов в Соединенных Штатах...» (Encyclopedia Americana, у. 4. P. 692).

² Даль Р. Демократия и ее критики. Пер. с англ. М., 2003. С. 8.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 17. Можно оспаривать буквальную точность этой характеристики, но сама идея превенства США в деле развития современных демократическо-республиканских институтов бесспорна.

США, особенно после Второй мировой войны. Правда, некоторые крупные мыслители, внесшие весомый вклад в их создание, имели европейское происхождение и образование. Но они трудились на американском научном «поле» и их творения составляют органическую часть американской политической мысли.

Автор этих строк в целом разделяет высказанный профессором В.В. Согриным, сделавшим больше, чем кто-либо из отечественных историков для изучения американской демократии, взгляд на периодизацию ее истории. Демократические формы, пишет он, «зародились в Северной Америке уже в колониальный период, но оформились в систему только с образованием Соединенных Штатов. В последующем эта система постоянно обновлялась, причем время от времени изменения носили радикальный характер. В целом же история американской демократии, насчитывающая уже без малого четыреста лет, может быть разделена на пять периодов: 1) XVII–XVIII вв. – этап генезиса; 2) 1770–1810-е годы – этап первой радикальной трансформации; 3) 1820–1860-е годы – этап второй радикальной трансформации; 4) 1870–1920-е годы – этап консервации и застоя; 5) с 1930-х годов до наших дней – современный этап, включивший качественные нововведения и их консолидацию»⁴.

Возникает, однако, вопрос, можно ли события 1870–1920 годов рассматривать в рамках одного периода и характеризовать его как консервативный и застойный. Как известно, в начале XX века прогрессисты добились заметных успехов на поприще демократических реформ. В 1913 году была принята XVII поправка к Основному закону США, передавшая право избирать сенаторов рядовым избирателям, а в 1920 году – XIX поправка, предоставившая избирательное право женщинам. Да и сам Согрин пишет, что в 1900–1914 гг. – в так называемую Прогрессивную эру удалось «восстановить пошатнувшиеся позиции демократии» и произошло «возрождение демократии»⁵.

Затем в процессе демократических преобразований наступил некоторый спад (связанный, в частности, с Первой мировой войной), но вскоре реформы рузвельтовского «Нового курса» открыли новый этап эволюции американской демократии. В итоге «серьезным образом расширились и упрочились институциональные, нормативные и процессуальные основы демократии» в США⁶.

Как и в других странах, демократическая практика в Америке в целом опережала развитие демократического сознания. Исследовать всерьез в теоретическом плане феномен демократии как таковой и национальной демократии в частности американцы начали не ранее второй половины XIX века. Могут возразить, что рассуждения о демократии мы находим уже на страницах «Федералиста», а к мыслям Джефферсона и Мэдисона о демократическом идеале теоретики обращаются и по сей день. Всё так. Отцы-основатели Американского государства сформулировали базовые *принципы* демократии, как они ее понимали, однако никто из них не предложил, как это сделал, скажем, Руссо, целостную *теорию (концепцию)* демократии, да и не претендовал на роль теоретика. Более того (мы вернемся к этому вопросу позднее), они характеризовали Соединенные Штаты Америки не как демократию, а как республику. Теоретики, пусть и уступавшие Джефферсону или Мэдисону по масштабу личности и глубине проникновения в политику, но профессионально занимавшиеся политической наукой и целенаправленно исследующие феномен демократии, стали появляться в США лишь ближе к концу XIX века, да и число их было в то время сравнительно невелико.

⁴ Согрин В.В. Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // «США – Канада: экономика, политика, культура», 2002, № 5. С. 5.

⁵ Согрин В.В. Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // «США – Канада: экономика, политика, культура», 2002, № 5. С. 20.

⁶ Согрин В.В. Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // «США – Канада: экономика, политика, культура», 2002, № 5. С. 21.

В XX столетии ситуация меняется существенным образом. Практически на всем его протяжении американская политическая мысль, в том числе на теоретическом уровне, проявляет *неизменный интерес к феномену демократии*: демократии *per se*, демократии американской, а со второй половины столетия – демократии в других регионах и странах и, наконец, демократии в глобальном масштабе.

При этом само понятие демократии приобретает во многих случаях широкое толкование и порой отождествляется со всеми мыслимыми добродетелями, включая свободу, прогресс, эффективность и т. п. и начинает рассматриваться едва ли не как панацея от всех политических, социальных и экономических зол. Нередко оно становится главным критерием оценки политических режимов, государственных и общественных деятелей, моделей поведения, политических, экономических и культурных ориентаций, равно как и отдельных высказываний и оценок и т. п. Происходит *фетишизация демократии*. А демократизация других стран (с помощью или даже под руководством США) превращается в одну из главных стратегических целей Америки.

Этот интерес к проблеме демократии и эта фетишизация, проявившаяся как на практическом, так и на теоретическом уровнях, определялись совокупностью причин – политических, экономических, социальных, причем как внутренних, связанных с развитием американского капитализма, так и внешних, вызванных процессами общемирового развития.

Современная состязательная демократия, предполагающая конкурентные выборы должностных лиц и/или конкурентное замещение руководящих постов, вполне согласуется с принципами капитализма как конкурентной рыночной системы. Более того, важным условием функционирования свободного (либерального) рынка экономических товаров и услуг становится существование свободного (либерального) рынка политических товаров и услуг в форме состязательной демократии. Именно по этой причине *возрождение демократии* как политического явления, после почти тысячелетнего перерыва⁷, *происходило параллельно становлению капитализма в Европе и Америке и в тесном сопряжении с ним*.

Одним из стимулов роста научного интереса в США к феномену демократии становится массовизация американского общества, т. е. ломка традиционных барьеров между социальными классами, возрастание социальной и политической роли масс как трансгрупповых общностей и появление на социально-политической арене «человека массового». Как свидетельствует исторический опыт XX века, существуют два способа более или менее эффективного политического управления массой: ее подавление сверху с помощью системы тоталитарных механизмов и ее более или менее широкое вовлечение в политический процесс (точнее говоря, создание возможностей для такого вовлечения) и открытие для отдельных ее представителей доступа во власть, включая высшие эшелоны последней. Такого рода вовлечение в политику и доступ во власть осуществляются с помощью демократических механизмов. Соединенные Штаты пошли именно по этому пути.

На протяжении минувшего столетия численность американского электората постоянно возрастала за счет предоставления избирательных прав женщинам и национально-этническим меньшинствам, так что сегодня те их представители (как и представители белого мужского населения), которые располагают необходимыми финансовыми средствами – собственными либо предоставленными в целевом порядке определенными заинтересованными группами и/или лицами – имеют возможность попытаться вполне законным способом «купить» властный мандат. Осуществить такую «покупку» в условиях развитого капитализма можно с помощью демократической системы конкурентных выборов. Это не может не привлекать на сторону

⁷ «С падением республики в Риме “народные правительства” полностью исчезли в Южной Европе. О демократии, если не считать того, что она оставалась политической системой немногочисленных, разбросанных по территории Италии племен, забыли почти на тысячу лет» (Даль Р. О демократии. Пер. с англ. М., 2000. С. 20).

демократии представителей самых разных социально-профессиональных групп, рассчитывающих получить личный доступ во власть или обеспечить в ней групповое представительство.

В том же направлении действуют *бюрократизация и сциентизация* американского общества. Гигантский рост властно-бюрократического аппарата ведет к созданию сотен тысяч «теплых местечек», которые в условиях капитализма могут быть получены преимущественно демократическим (состязательным) путем. Добавим к этому, что в поддержке демократических механизмов заинтересованы не только те, кто в состоянии «купить» (затратив более или менее солидные суммы на проведение избирательной кампании) властный мандат, но и те, кто, не располагая средствами, но, обладая необходимыми профессиональными знаниями и навыками, может рассчитывать на место в аппарате многочисленных представителей власти – от президента и членов Конгресса США до губернаторов, членов легислатур и т. д. и т. п.

Если учесть, что в условиях научно-технического прогресса и развития информатизации борьба за власть и просто за политическое влияние невозможна без соответствующего научного и технического обеспечения (деятельность политтехнологов, специалистов по рекламе, исследователей общественного мнения, представителей массмедиа и т. д. и т. п.), то станет очевидным, что институт демократии как состязательного процесса открывает возможность для «кормления» множества людей, которые в массе своей не найдут себе применения при недемократическом режиме.

Коротко говоря, в условиях развитого капитализма, где политические отношения становятся одной из разновидностей (хотя и разновидностей специфических) *рыночных отношений*, демократия выступает в роли *товара*, который в некризисных ситуациях пользуется большим или меньшим спросом. А наступающая при определенных условиях вышеупомянутая фетишизация демократии (с которой мы столкнулись в США второй половины XX века) есть не что иное, как одна из разновидностей *товарного фетишизма*.

Конечно, по мере развития политической и политологической мысли многое менялось: методика и методология исследований, их направления, проблематика и даже тип исследователя. Но во всех случаях это были попытки предложить идейно-теоретический (с более или менее отчетливой политической окраской) «отзыв» (response) на «вызов» времени (challenge)⁸. Менялся характер «вызова» – изменялся характер «отзыва», в результате чего на передний план выступали новые теории и концепции демократии, позволяющие оптимизировать политическое управление бюрократизированным массовым обществом.

После Второй мировой войны у Соединенных Штатов Америки появляется новый мощный стимул развития национальной демократологии. Успешную борьбу с мировым коммунизмом можно было вести лишь при наличии эффективного идейного оружия. Таким оружием, способным противостоять социалистическому идеалу, мог быть только демократический идеал⁹. С его помощью можно было также попытаться привлечь на свою сторону страны третьего мира, искавшие пути в «светлое будущее».

Со временем вырисовывается еще одна причина роста интереса американских аналитиков (преимущественно из числа международников, но не только) к проблемам демократии: становится все более очевидным, что демократизация мира (пусть и не поступательно-прямолинейная) превращается в одну из ведущих тенденций глобального развития, в одно из прояв-

⁸ По формуле challenge – response, предложенной Арнольдом Тойнби, развиваются, видимо, все науки, в том числе естественные. Но, пожалуй, нигде «вызовы» и «отзывы» так не обнажены, как в политической науке, включая такую ее отрасль, как демократология.

⁹ Не случайно одним из направлений деятельности Информационного Агентства Соединенных Штатов (USIA) становится распространение литературы по проблемам демократии. В качестве примера можно сослаться на подготовленный в первой половине 1990-х годов (точная дата не указана) его Специальной Информационной Службой (USIA Special Features Service) сборника на русском языке «Демократия 1990-х», включавшего перепечатанные из разных изданий статьи 36. Бжезинского, С. Хантингтона, Д. Горовица, А. Вилдавского и других известных политологов.

лений процесса глобализации. Требовалось осмыслить этот процесс на теоретическом уровне и исследовать возможные пути управления этим процессом.

Одним словом, у американцев было немало причин обратить свой взор к такому явлению, как демократия, и попытаться разобраться в том, что она представляет собой *per se* и каковы ее разновидности; что за демократия существует в Соединенных Штатах и существует ли она там вообще; что необходимо сделать, чтобы укрепить демократические институты в стране и за ее пределами, и т. п.

В американской политической науке отсутствует общепризнанная периодизация истории национальной демократической мысли XX века. И это объяснимо: в отличие от политических событий с их более или менее четкой временной локализацией, мыслительные процессы, даже если говорить о крупных трендах, имеют размытые временные границы. Чаще всего выделяют демократическую мысль Прогрессивной эпохи; демократическую мысль 30-х – первой половины 40-х годов; демократическую мысль второй половины 40–80-х годов; демократическую мысль постхолодно-военного периода.

Автор предлагаемой книги, над которой он работал много лет, не ставит своей задачей написание *истории* американской демократологии XX столетия. Его исследовательская цель более скромна: предложить *очерк базовых представлений о демократии, складывавшихся в американской политической мысли на протяжении XX века и получивших более или менее широкое распространение в политической науке и в политической практике*. Иными словами, он хочет показать, *что* американские политические мыслители минувшего столетия понимали под демократией; *какими* признаками и функциями ее наделяли; *как* увязывали теорию с практикой и *как* все это менялось на протяжении десяти десятилетий. При этом следует подчеркнуть: предлагаемое исследование *ограничивается сферой мысли* и ни о демократическом строительстве и функционировании политических институтов, ни о борьбе тех или иных сил за демократию речи в работе не идет или идет в тех ограниченных пределах, которые необходимы для решения поставленной задачи.

Исходя из сказанного выше, автор выделяет три крупных периода в американской демократологической мысли XX века: 1) с начала века примерно до конца 40-х – начала 50-х годов; 2) с 50-х – до конца 80-х – начала 90-х годов; 3) с начала 90-х годов по настоящее время. Деление, естественно, условное, ибо историческое время континуально, и любая периодизация носит искусственный, конвенциональный характер. Это относится и к членению исторического времени на тысячелетия и столетия, и к внутривековой периодизации, когда в качестве «демаркационных линий», отделяющих один период от другого, могут приниматься разные феномены.

Демократологическая мысль *первого периода* складывалась под влиянием Первой мировой войны и ее итогов¹⁰; «Великой депрессии» и «Нового курса» Франклина Рузвельта; кризиса европейской демократии, одним из проявлений которого стало появление нацистского и фашистского режимов.

На содержание демократологической мысли *второго периода* большое воздействие оказали такие события, как победа над фашизмом и нацизмом (как воплощением тоталитаризма) во Второй мировой войне; развитие демократических институтов в стране, сопровождавшее формирование так называемого государства благосостояния; «холодная война» как форма кон-

¹⁰ Особое влияние на ход развития американской демократологической мысли (и политической мысли в целом) на протяжении XX века, на переломы в ее течении и направлении оказывали войны: Первая и Вторая мировые войны и «холодная война». Дело, разумеется, не в самих войнах – дело в тех радикальных преобразованиях, которым подвергается под воздействием войн и их последствий материальный и духовный мир человечества. Окончание войн привело к крушению старых мировых порядков, что не могло не найти отражения в представлениях о мире, о человеке, о ходе истории, о наилучшем политическом устройстве, о перспективах жизни народов и т. п. И все это накладывало печать на рождавшиеся на протяжении XX века взгляды на демократию: ее содержание, структуру, политическую значимость, эффективность и т. п.

курентной борьбы между двумя мировыми системами; научно-техническая революция; постепенное формирование в США постиндустриального общества.

Содержание демократологической мысли *третьего периода* определялось прежде всего такими историческими событиями, как распад мировой социалистической системы и Советского Союза; окончание «холодной войны»; формирование нового мирового порядка, протекающего в условиях ускоряющейся глобализации; массового «демократического транзита» в рамках так называемой третьей волны демократизации.

Развитие американской демократологии в рассматриваемый период происходило на *широкой научной основе*, далеко выходящей за пределы дисциплины, именуемой «политической наукой». Как резонно замечает Пэтрик Нил, оно было «тесно связано с подъемом общественной науки (social science) как дисциплины, широко практиковавшейся в университетах Англии и Америки. Научные аргументы, касающиеся критериев идентификации демократических правительств, часто становились и аргументами, касающимися критериев самой теории, охватывая понятия очевидности (evidence), ценности (validity) и научной объективности. Это смешение вопросов политической теории с вопросами философии науки временами порождало путаницу и более чем легкое взаимное недопонимание среди тех, кто был вовлечен в дискуссии. И вместе с тем такого рода развитие порождало невероятную жизнеспособность и интеллектуальную энергию»¹¹.

Особо следует отметить значительную роль, которую сыграла в формировании методологических, теоретических, культурно-антропологических и нравственных оснований американской демократологии XX века национальная философия, представленная такими видными фигурами, как Джон Дьюи, Джосайя Ройс, Джордж Сантаяна, Джон Ролз, Ричард Рорти и некоторые другие¹². Современные американские историки философии обращают внимание, в частности, на исследование ими (прежде всего Ройсом и Дьюи) зависимости между демократией и такой традиционной для Соединенных Штатов формой социетального общежития, как сообщество, без понимания которой (зависимости) трудно понять специфику формирования как американской демократии, так и американской демократологии. «История Америки – история сообществ, – пишет философ Джеймс Кэмпбл. – Данное утверждение вполне справедливо для всех обществ, но история Америки – это еще и история демократии, свободного и равного членства в сообществах... Понимание демократии, лежащее в основе классической американской философии, построено на понимании сообщества. Демократическая защита равенства основывается на равной ценности каждого человека внутри сообщества. Защита демократией свободы основывается на свободе, которую каждый должен иметь, чтобы внести в общество свой достойный вклад. Ценности демократии – “взаимное уважение, взаимная терпимость, гибкость, обмен опытом” – имеют в своей основе сообщество и совместные усилия членов сообщества в стремлении к общему благу»¹³.

Литература, в которой находит отражение американская демократологическая мысль XX века, весьма обширна. Один лишь перечень названий книг и статей мог бы составить целый том. Причем большая часть этих работ была опубликована во второй половине века, особенно в последние три десятилетия¹⁴. Наряду с ростом числа монографий (многие из них анализи-

¹¹ Neal P. Theory, Postwar Anglo-American // The Encyclopedia of Democracy S. M. Lipset Ed. in chief. Congressional Quarterly Incorporated. Wash. D. C., 1995. P. 1247.

¹² Хотя прямых обобщающих исследований, раскрывающих эту роль, насколько нам известно, не существует, определенную информацию по данному вопросу читатель может извлечь, в частности, из следующих работ: Американская философия. Введение. Под ред. Марсубяна А. Т. и Райдера Д. Пер. с англ. М., 2008; Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век. М., 1999; Дьюи Д. Реконструкция в философии. Пер. с англ. М., 2001; Дьюи Д. Общество и его проблемы. Пер. с англ. М., 2002; Дьюи Д. Демократия и образование. Пер. с англ. М., 2000; Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. Пер. с англ. М., 2003.

¹³ Американская философия. Введение. С. 413, 420–421.

¹⁴ Некоторое представление о динамике и направлении исследования феномена демократии западными политологами

руются в соответствующих главах предлагаемой книги) увеличивается число статей, посвященных проблеме демократии, публикуемых на страницах таких авторитетных периодических изданий, как «American Political Science Review», «American Journal of Political Science», «Current History», «The National Interest», «The Public Interest», «Foreign Policy», и других. Открывается новый специализированный журнал (рассчитанный в основном на профессионалов) – «Journal of Democracy». А в середине 90-х годов под эгидой Congressional Quarterly Inc. и под общей редакцией Сеймура Мартина Липсета, одного из самых авторитетных представителей американской политической науки, издается четырехтомная «The Encyclopedia of Democracy» (в состав редколлегии которой входят видные специалисты в области демократологии – Арендт Лейпхарт, Хуан Линц, Люсьен Пай, Филипп Шмиттер, Сэмюэль Хантингтон и др.)¹⁵

Особое место в общем блоке американской демократологической литературы занимают исследования историографического плана. Это, в основном, работы, посвященные либо отдельным мыслителям (от «отцов-основателей» до наших современников с особым акцентом на наследие Джефферсона, Мэдисона, Гамильтона, Линкольна, Вильсона, Франклина Рузвельта, Шумпетера, Дьюи, а из политологов наших дней – Даля, Лейпхарта, Хантингтона, Линца, Липсета, Сартори)¹⁶, либо отдельным направлениям (например, прогрессистской демократологической мысли), либо отдельным периодам (например, первым двум десятилетиям XX века – «золотому периоду» в истории заокеанской демократии). Крупные исследования, посвященные общей истории американской демократологической мысли (самое солидное из которых – книга Ралфа Гэбриэла «Путь американской демократической мысли»¹⁷ – было опубликовано полвека назад и переиздано с дополнениями в 1986 году), можно пересчитать по пальцам одной руки. Что касается истории американской демократологической мысли XX века, то, насколько известно автору этих строк, крупных обобщающих работ на эту тему не существует вообще.

Подобное положение дел, в общем, объяснимо: XX столетие только завершилось, временная дистанция, отделяющая от него, невелика и для осмысления его наследия требуется время. Однако факт остается фактом – попыток оглянуться назад, во вчерашний день и хотя бы бегло очертить пути эволюции национальной демократологической мысли в завершившемся веке не предпринял пока никто.

(ведущее место среди них занимают американцы) в послевоенные годы читатель может составить по книге «A New Handbook of Political Science». Ed. By Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford Univ. Press, 1996. (В русском переводе: «Политическая наука: новые направления». М., 1999) и антологии «The Democracy Sourcebook» под ред Р. Даля и Й. Шапиро, опубликованной в США в 2003 году. (В русском переводе: «Теория и практика демократии. Избранные тексты». Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева и Б. Г. Капустина. М., 2006).

¹⁵ См.: The Encyclopedia of Democracy. S. M. Lipset Ed. in chief. Congressional Quarterly Incorporated. Vol. 1–4. Wash. D. C., 1995. Издание это производит двойственное впечатление с точки зрения как состава словника, так и содержания и уровня статей. Джон Дьюи, который внес в разработку теории демократии огромный вклад, удостоен весьма поверхностной пол страничной статьи, тогда как некоторым другим, причем менее значимым, демократологам посвящены статьи не только значительно большие по объему, но и более высокого аналитического уровня. То же касается и вопросов теории. Представляющая для нас особый интерес статья Пэтрика Нила «Послевоенная англо-американская теория», в общем и целом, достаточно корректно с научной точки зрения обрисовывает контуры диалектики развития американской демократологии в послевоенный период, однако грешит, на наш взгляд, натяжками и серьезными пробелами.

¹⁶ См., напр.: Von der Muhll G. Robert A. Dahl and the Study of Contemporary Democracy: A Review Essay // «The American Political Science Review», 1977, vol. 71; Farr J. John Dewey and American Political Science // «American Journal of Political Science», 1999, vol. 43; American Political Thought. The Philosophic Dimension of American Statesmanship. Ed. by Frisch M., Stevens R. Itasca (111), 1983 (1971); Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. Пер. с англ. М., 1996; Майроф Б. Лики демократии. Пер. с англ. М., 2000.

¹⁷ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. Third edition with Robert H. Walker. N. Y. et al., 1986. Некоторые общие сведения об американской демократологии XX века можно получить из книг: Curti M. The Growth of American Thought. New Brunswick and London, 1983 (1943) и Bums E. Ideas in Conflict. The Political Theories of the Contemporary World. N. Y., 1960.

Что касается отечественной научной литературы, то число работ, посвященных американской демократологической мысли XX столетия, невелико, причем это в основном публикации постсоветского периода¹⁸.

Большинство из них – либо предисловия и послесловия к переводам книг американских авторов, либо статьи, посвященные отдельным американским политологам и их работам¹⁹. Есть несколько монографий, рассматривающих отдельные теории и концепции демократии и, естественно, так или иначе оценивающих взгляды американских демократологов²⁰. Опубликованы также несколько статей общего плана²¹, но ни одна из них не представляет собой комплексного исследования проблемы демократии в американской политической мысли XX века.

Внимание автора предлагаемой работы сосредоточено на *основных течениях* американской демократологической мысли XX века, *основных представителях* этих течений, *основных проблемах*, которые они поднимали, и *основных решениях*, которые они предлагали. При этом в поле его внимания находятся не только целостные демократологические теории и концепции, создававшиеся профессионалами из академической среды (хотя они, конечно же, в центре исследования), но и отдельные мысли о демократии, которые хотя и не всегда могут претендовать на теоретическую значимость, однако помогают составить более полную картину представлений американцев о демократии. Речь идет прежде всего о мыслях и высказываниях таких политических деятелей, как Джефферсон, Мэдисон, Линкольн, Лафоллетт и другие.

Большинство серьезных американских авторов, посвятивших себя изучению феномена демократии, отдают себе отчет в том, что объект их исследования – крепкий орешек. И некоторые их заявления выглядят, чуть ли не как капитулянтские. По словам профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Маттеи Догана, «в настоящее время слово “демократия” без предшествующего определения в большинстве случаев оказывается обманчивым»²². А из уст Йэна Шапиро (Йельский университет), изучающего феномен демократии не один десяток лет, вырывается прямо-таки крик отчаяния: «...Состояние теории демократии слегка напоминает штат Вайоминг – обширный, ветреный и по преимуществу пустынный. Беспорядочное развитие этой гуманитарной дисциплины показывает: кое-что зная об экономических предпосылках жизнеспособной демократии, мы, вопреки самонадеянным заявлениям некото-

¹⁸ Из работ советского периода, так или иначе затрагивающих демократологическую проблематику, отметим прежде всего монографию В.В. Согрина «Идейные течения в американской революции XVIII века», М., 1980; главу «Современная политическая социология США» (и в первую очередь ее третий параграф «Теории демократии и концепции элитизма – автор Э. Н. Ожиганов) коллективной монографии «Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии». М., 1982; предисловие Л. Х. Зиглера. М., 1984; статью А. Л. Алюшина и В. Н. Поруса «Власть и “политический реализм”» в коллективной монографии «Власть: очерки современной политической философии Запада». М., 1989; Цыганков А.П. Политология Роберта Даля // «Социально-политические науки». М., 1990.

¹⁹ См., в частности: *Розулев Ю.Н.* Индустриальная демократия в постиндустриальной Америке // Исторический образ Америки. М., 1994; *Оберемко О.А.* Чикагская традиция и политическая наука Гарольда Лассуэлла // «Социологический журнал», 1994, № 1; *Автономов В.С.* «Несвоевременные» мысли Йозефа Шумпетера // Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия». М., 1995; *Покровский Н.Е.* Джефферсон вчера, сегодня и завтра // Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. Пер. с англ. М., 1996; *Салмин А.М.* Предисловие научного редактора // Лейпхарт А. Демократия в многообразных обществах: сравнительное исследование. Пер. с англ. М., 1997; *Ильин М.В.* Самокритика демократии (Послесловие научного редактора) // Даль Р. Демократия и ее критики. Пер. с англ. М., 2003 и ряд других, о которых пойдет речь в соответствующих главах нашей работы.

²⁰ Это, в частности, книга А. Ю. Мельвиля «Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты». М., 1999, а также книга А.М. Салмина «Современная демократия». М., 1997. Хотя ни одна из этих работ не посвящена непосредственно американской демократии XX века, обе они обращаются в той или иной мере (особенно книга А.Ю. Мельвиля) к исследованиям заокеанских демократологов минувшего столетия.

²¹ См.: *В.В. Согрин.* Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // «США – Канада: экономика, политика, культура», 2002, № 5; *Загладин Н.В.* Проблемы демократии в современной политической мысли США; две статьи Г. И. Вайнштейна: Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций и Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации». Все – в книге «Политические институты на рубеже тысячелетий». Дубна, 2001. См. также: Баталов Э.Я. Идея демократии в Америке XX века // США – Канада: экономика, политика, культура, 2006, № 2.

²² Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Пер. с англ. М., 1999. С. 135.

рых комментаторов, в основном пребываем в неведении относительно влияющих на ее жизнеспособность культурных и институциональных факторов. Мало что известно о том, какие из институциональных установлений демократии являются наилучшими. Здравомыслие подсказывает, что было бы разумно постараться привить приверженность демократии тем, кто в ней задействован. Но далеко не ясно, насколько это важно и как этого достичь»²³.

Но эти и другие подобные им заявления – вовсе не проявление капитулянтства или паники. Это призыв к отказу от действия по шаблону. Призыв, который заставляет исследователя вспомнить (и взять на вооружение) замечательные слова Джона Дьюи, сказанные им много десятилетий назад, но и сегодня звучащие свежо и актуально: «Необходимо снова и снова изучать саму идею, сам смысл демократии. Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново... Демократия как форма жизни не может стоять на месте. Чтобы жить, ей нужно развиваться в соответствии с переменами, уже свершившимися и еще только предстоящими. Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию»²⁴. Словом, все меняется или, по крайней мере, должно меняться: и сама демократия, и идея демократии, и наше представление о путях осмысления этой идеи. Об этом старался не забывать и автор предлагаемой работы.

Размышляя над методом изложения материала, он стоял перед дилеммой: прибегать или не прибегать к широкому цитированию анализируемых текстов; рассказывать или не рассказывать подробно о содержании рассматриваемых теорий и концепций. Можно было бы, предполагая, что читатель хорошо знаком с работами Алмонда, Даля, Даунса, Дьюи, Мерри-ама, Лейпхарта, Липсета, Сартори, Шумпетера и других видных представителей американской политической науки, ограничиться простой отсылкой к тем или иным положениям их теорий и концепций, сосредоточив внимание на анализе и оценке последних. Однако автор пошел по другому пути, полагая, что его труд может заинтересовать, хотя бы в отдельных аспектах, и неспециалистов, которые не брали и, возможно, никогда не возьмут в руки книг (в большинстве своем не переведенных на русский язык) названных представителей политической науки²⁵, не говоря уже о менее известных американских исследователях, сочинения которых тем не менее представляют интерес для понимания сути рассматриваемой проблемы.

Два слова о понятийном аппарате, который используется в работе. В принципе он традиционен. В наш политологический и даже политический лексикон давно уже вошли такие слова и словосочетания, как «праймериз», «электорат», «полиархия», «партиципаторная демократия», «консоциативная демократия» и т. п. Пользуется этими понятиями и автор книги. Но в дополнение к ним он вводит некоторые новые понятия, позволяющие, на его взгляд, излагать мысль более экономно или более точно.

Пример первого рода (экономность) – слово «демократология» и производные от него. Вместо громоздкого «американские исследования, посвященные проблеме демократии» проще сказать «американская демократология», а вместо «американские обществоведы, занимающиеся исследованием проблемы демократии» – «американские демократологи» и т. п. Введение этого понятия представляется тем более правомерным, что в русский политологический лексикон уже вошло понятие «кратология» (учение о власти, теория власти).

Теперь пример второго рода (точность). Отечественные переводчики политологических текстов переводят понятие «deliberative» как «совещательный», что не дает представления о его реальном содержании, а другое слово, которое можно было бы использовать в качестве его эквивалента без ущерба для смысла, в русском языке отсутствует. По этой при-

²³ Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис, 2001, № 3. С. 7.

²⁴ Dewey J. The Later Works: 1925–1953. Vol. 11. Carbondale, 1981/1990. P. 182.

²⁵ Американцы не пользуются понятием «политология»: они говорят «политическая наука» (political science). Автор этих строк полностью разделяет такой подход. Однако в некоторых случаях по соображениям стилистического характера ему все же приходится прибегать к неуклюжему слову «политология» и производным от него.

чине автору предлагаемой работы пришлось ввести слова «делиберативный» и «делиберация» (deliberation). Разумеется, в тексте дается подробное разъяснение этих понятий.

И в заключение – об адресате книги. Ее автор хотел бы надеяться, что она будет полезна и профессиональным американистам, и представителям отечественной политической науки, и политическим аналитикам, и студентам-политологам. Ну и, конечно, тем, кто, как принято говорить, «интересуется» политикой и знанием о политике. Хотелось бы, разумеется, чтобы ее взяли в руки и наши политические деятели, но они такие занятые люди...

Глава первая ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Вехи традиции

Характер исследования и интерпретации демократии американскими мыслителями XX века определялся не только спецификой конкретной исторической обстановки (в частности, порождаемыми ею общественными и групповыми потребностями и интересами, а также социально-политическими и экономическими противоречиями эпохи), но и идейнополитической *традицией*, сложившейся в США. Последняя, в свою очередь, несла на себе печать истории становления и развития демократии в стране.

Строить демократию в Америке было, конечно, легче, чем в Европе, не говоря уже об Азии. Тем не менее многие американские исследователи настаивают на том, что Соединенные Штаты демократию выстрадали. Как пишет в своей новой книге «Восхождение американской демократии. От Джефферсона до Линкольна» профессор Принстонского университета Шон Виленц, – книге, получившей благосклонный отклик Артура Шлесинджера-мл., «американская демократия не взошла подобно солнцу в назначенный природой час истории. Ее подъем, зачастую сопровождавшийся трудностями, стал исходом человеческих конфликтов, приспособлений и непредвиденных событий, а те результаты, которые мы имеем, могли бы быть совершенно иными»²⁶.

По мнению Виленца (отнюдь не оригинальному), американская республика 1780-х годов «не была демократической. Да и те, кто управлял ею, не собирались делать ее таковой»²⁷. Но тут же добавляет: «В юной республике существовали важные элементы демократии». И их дальнейшее «наращивание» происходило в борьбе, растянувшейся на два века. Борьбе за отмену рабства, борьбе за предоставление избирательных прав более широкому кругу белых мужчин, борьбе за предоставление избирательных прав женщинам, борьбе афроамериканцев за свои права и т. п. Это была именно борьба, не только упорная, но подчас и кровавая.

Параллельно политической борьбе в обществе шла дискуссия – то обострявшаяся, то утихавшая и не всегда вырывавшаяся на обозримую для стороннего наблюдателя поверхность – относительно феномена демократии как таковой и демократии в Америке – прежде всего.

Как показывает сравнение предлагавшихся в ходе этой дискуссии понятийных определений демократии, равно как и представлений о демократии, лишенных четкого понятийного оформления, в большинстве своем они достаточно *близки другу другу в предметном плане*. Иными словами, демократия понимается как более или менее устойчивая и, как правило, институционально оформленная *система констант, характеризующих сущность и способ организации властных отношений в государстве* (власть многих, власть большинства, власть всех – в отличие от власти одного, характерной для монархии или власти немногих, характерной для аристократии и олигархии), а также *положение человека в обществе и государстве* (права и обязанности гражданина, его реальные возможности участия во власти).

²⁶ Wilentz S. The Rise of American Democracy: Jefferson to Lincoln. N.Y., London. R XVII. Об этих трудностях пишут и отечественные американисты. См.: В. В. Согрин. Переосмысливая американскую демократию: генезис, этапы, современность // «США – Канада: экономика, политика, культура», 2002, № 5.

²⁷ Wilentz S. The Rise of American Democracy: Jefferson to Lincoln. N.Y., London. R XVII.

Однако, более или менее согласно трактуя демократию как способ организации властных отношений, увязанный с социально-политическим статусом гражданина, американские политики и аналитики – все, кто рассуждал о демократии, – часто расходились в конкретной интерпретации того и другого.

Различия касались, прежде всего, трактовки *содержания феномена и понятия демократии*. Соглашаясь, что демократия – это власть демоса, спорили, кто входит в этот демос²⁸: то ли весь народ, то ли какая-то его часть и как трактовать само понятие «народ». Спорили, должен ли демос осуществлять свою власть непосредственно (прямая демократия) или через выборных представителей (представительная демократия). Спорили о роли элиты (используя порой иные понятия вроде «естественной аристократии»). Затрагивали и такой немаловажный вопрос, как соотношение между сущностью и способом организации властных отношений в обществе, с одной стороны, и статусом личности – с другой (степень их взаимообусловленности и взаимозависимости, способы обеспечения их взаимосвязи и др.).

Само собой разумеется, что различное понимание содержания демократии предопределяло различную трактовку ее *общественной роли*. При всем том, что американское общество было, в общем и целом, ориентировано на демократические ценности, в стране в течение длительного времени существовали силы, пусть ограниченные и маловлиятельные, которые видели разрушительное начало не только в конкретных формах демократии, но и в демократии как таковой.

Отсюда и еще одно различие, касающееся трактовки *статуса* демократии в американском обществе. Возможно, кому-то это покажется странным, но вплоть до XX века в стране раздавались голоса (подробнее об этом речь впереди), требовавшие отказаться от понятия демократии, как не отражающего истинную природу американского общества.

Естественным результатом споров по этим и другим, связанным с ними вопросам становились взгляды и позиции, приобретающие со временем более или менее устойчивый (архетипический) характер и составившие в итоге основу того, что принято называть традицией. И хотя фундамент ее начал закладываться еще до провозглашения независимости, наиболее активно и интенсивно этот процесс происходил именно в период между провозглашением независимости и принятием Конституции США (включая Билль о правах). Именно в тот короткий промежуток времени были обнародованы тексты, которые во многом предопределили рамки политического философствования заокеанских мыслителей. И именно тогда сложились в главных чертах *два основных подхода* (о них речь ниже) *к пониманию и толкованию демократии – мэдисоновский и джефферсоновский*, – которые можно проследить в американской политической мысли, пусть порой в не прямой форме, по сей день.

Идея *власти народа (народовластия)* пронизывает американскую политическую мысль эпохи революции и становления США как суверенного государства. «...Если какой-либо государственный строй нарушает эти права (которыми наделены все люди. – Э.Б.), то *народ вправе* (it is the right of the people) изменить его...». «...Мы, представители Соединенных Штатов Америки *...именем и властью доброго народа наших колоний* (in the name and by authority of the good people of these colonies) торжественно и во всеуслышание объявляем...». Это слова из Декларации независимости. «Мы, *народ Соединенных Штатов* (We the People of the United States)...». Это первые слова Конституции США. Джордж Вашингтон в инаугурационной речи 30 апреля 1789 года говорит о чести возглавить «правительство, учрежденное... *самим народом*...»²⁹. Джон Адамс, вступая в должность Президента США (4 марта 1797 года), возносит хвалу «*народу Америки*», который в условиях «опасного кризиса... не утратил присущих

²⁸ Любопытный анализ взглядов американских теоретиков на демос и его собственное представление о последнем содержится в книге известного исследователя демократии Роберта Даля «Демократия и ее критики». Пер. с англ. М., 2003.

²⁹ Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 39. *Курсив мой* – Э.Б.

ему здравого смысла, присутствия духа, решительности и чистоты помыслов»³⁰. Еще дальше идет Томас Джефферсон, не просто восхваляя народ, но снова и снова напоминая о его праве самому решать свою судьбу и подтверждая «наши равные права на развитие собственных способностей, на результаты деятельности собственной промышленности, на почет и уважение сограждан, и не по праву рождения, а по результатам наших действий и их оценки соотечественниками...»³¹. Рассуждения о власти народа встречаются на многих страницах «Федералиста», в речах, письмах, других сочинениях «отцов-основателей».

Но вот что любопытно: ни в Декларации независимости, ни в Конституции США мы не встретим слова «демократия». Равным образом никто из «отцов-основателей», включая автора «Декларации независимости», не называл себя демократом. «Мы все, – объяснял Джефферсон, выступая как от имени своих сторонников, так и от имени оппонентов, – республиканцы, мы все – федералисты»³².

Это весьма показательная самоидентификация, характеризующая менталитет людей, закладывавших и фундамент американской политической системы и основы национальной политической мысли: *они считали себя революционерами, федералистами, республиканцами, но только не демократами*. Больше того, многие исследователи полагают, что важнейшей задачей Конвента, собравшегося в Филадельфии (и заседавшего при закрытых дверях), было создание такой конституции, которая предотвратила бы развитие страны по демократическому пути. «Конституция, по замыслу ее создателей, была призвана упрочить господство власть имущих, чтобы избавиться от “ужасов неконтролируемой демократии”, “найти своего рода убежище от демократии”... Как справедливо отметил американский историк М. Дженсен, члены конституционного конвента единодушно усматривали основное зло в демократии и стремились выработать меры, чтобы остановить политическую активность масс, требовавших расширения своих прав»³³. В таком же духе высказывался и авторитетный американский историк Ричард Хофстадтер³⁴.

В чем дело? Действительно ли Джефферсон, Мэдисон, Гамильтон и их политические соратники были антидемократами? «Отцы-основатели», создавшие Американский союз, – объясняет один из исследователей, – с большим подозрением относились к слову “демократия”. Для них оно означало разновидность прямого самоуправления, имевшего практический смысл лишь в небольших общинах и высмеянного классическими критиками вроде Платона как управление мудрыми, осуществляемое невеждами или власть возжелания над разумом. Они предпочитали слово “республика”, которое также означает правление народа – буквально “общественное дело” – но не несет с собой такого уничижительного смысла, как демократия. Республика понималась как альтернатива монархии, в которой ни одна группа, ни даже большинство народа (*demos*, как говорили греки) не занимали господствующего положения и в котором благожелательное правление осуществлялось теми, кто преуспел в гражданских добродетелях»³⁵.

Но послушаем самих «проектировщиков Союза». В статьях 10 и 14 «Федералиста» Джеймс Мэдисон довольно подробно останавливается на вопросах о том, что такое демократия и республика, чем они отличаются друг от друга и почему Америке подходит республика и не подходит демократия.

³⁰ Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 47.

³¹ Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 57.

³² Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 56.

³³ История США в четырех томах. Том первый. М., 1983. С. 182–183. Автор (А.А. Фурсенко) ссылается на работу: Jensen M. The American People and the American Revolution // «Journal of American History», 1970, vol. 57. P. 5–6.

³⁴ Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948. P. 4–5.

³⁵ Lakoff S. Democracy. Boulder, 1996. P. 26.

Под демократией (или, как он сам говорит, «чистой демократией») Мэдисон понимает «общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично...»³⁶. Республика же представляет собой «правительство, составленное согласно представительной системе», причем «правление в республике», простираемое на «большее число граждан и большее пространство» передается «небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями»³⁷.

Демократия, согласно Мэдисону, характеризуется рядом серьезных изъянов. Она «не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой», которая всегда пугала основателей Союза. К тому же в условиях, когда власть принадлежит большинству, «нет ничего, что помешало бы расправиться со слабой стороной или каким-нибудь неугодным лицом»³⁸. И еще один недостаток: демократию «можно учредить только для небольшого числа граждан, обитающих на небольшой территории»³⁹. И вот общий итог: «демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью»⁴⁰.

Иное дело республика. Она «сулит искомые нами целительные средства»: «общественные взгляды в республике возвышеннее и шире, ибо просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливости с наибольшей вероятностью не допустит принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям»⁴¹. Больше того, при республиканских порядках «общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели»⁴².

Мэдисон убежден, что в Америке можно построить республику. Больше того, он убежден в том, что «Америка может притязать на честь открытия основ для создания подлинных, обнимающих большие территории республик. Остается лишь сожалеть, что среди ее граждан находятся такие, кто не прочь лишиться свою отчизну дополнительной заслугой – показать во всем объеме эффективность республиканского правления, учредив всеобъемлющую систему этой ныне рассматриваемой формы»⁴³.

³⁶ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. Пер. с англ. М., 1993. С. 83. В статье 14 Мэдисон почти дословно повторяет это определение. «... При демократии народ собирается купно и осуществляет правление лично... Демократическое правление, стало быть, ограничено небольшим клочком... Естественным территориальным пределом демократии является расстояние от центра, которое живущие в самой отдаленной от него точке граждане способны преодолеть всякий раз, когда их призвуют собраться в центре, и так часто, как того требуют их общественные обязанности; следовательно, демократия включает число граждан, не превышающее того, какое может принять участие в исполнении этих обязанностей» (Там же. С. 104–105).

³⁷ Федералист. С. 83. В статье 14 Мэдисон поясняет, что в отличие от демократии «в республике съезжаются и управляют страной его (народа. – Э.Б.) представители и уполномоченные на то лица... Республиканское [правление] может простирается на значительную территорию» (Там же. С. 104).

³⁸ Федералист. С. 83.

³⁹ Федералист. С. 104. Что касается республики, то ее «естественным пределом» служит «такое расстояние от центра, какое могут без труда преодолеть представители, чтобы встречаться так часто, как это необходимо для вершения общественных дел. Можно ли сказать, что размеры Соединенных Штатов не отвечают этому условию?» (Там же. С. 105). Естественно, Мэдисон дает отрицательный ответ на этот вопрос, ссылаясь на опыт деятельности «членов конгресса», накопленный за «истекшие тринадцать лет» (Там же. С. 105).

⁴⁰ Федералист. С. 83.

⁴¹ Федералист. С. 84.

⁴² Федералист. С. 84.

⁴³ Федералист. С. 104. В этой же статье Мэдисон высказывает мысль о том, что Америка не должна бояться отступить от признанных канонов и идти собственным путем. «Разве не тем славен народ Америки, что, отдавая должное воззрениям прежних времен и других народов, не впал в слепое благоговение ни перед древним миром, ни перед вековыми обычаями, ни перед прославленными именами, а руководствовался собственным здравым смыслом, знанием собственных дел и уроками, извлеченными из собственного опыта? Этой стойкости и мужеству грядущие поколения будут обязаны своим достоинством, а мир – многочисленными освоенными на американской земле новшествами ради частных прав и общественного блага... Они

Большинство историков демократии и, в частности, Роберт Даль, сходятся в том, что «предложенное Мэдисоном различие (между демократией и республикой. – Э.Б.) не имело реальной исторической основы: ни в Древнем Риме, ни, к примеру, в Венеции не существовало “представительной системы”. На самом деле ранние республики почти полностью соответствовали мэдисоновскому определению демократии»⁴⁴.

Критическое отношение Мэдисона, Гамильтона, Джея, других видных американских политических деятелей к демократии не было оригинальным. По определению Ральфа Кетчема, «... в XVIII веке “демократия была грозным словом почти для всех: оно означало беспорядок, насилие, нестабильность, охлократию и кровавую революцию”»⁴⁵. А один из лидеров федералистов Джордж Кэбот (1804 г.), считал демократию «правлением наихудших» («the government of the worst»)⁴⁶. Если же говорить об авторах «Федералиста» и их единомышленниках, то их негативное отношение к демократии было вызвано, видимо, целой цепью причин. Тут и давление авторитета Платона и Аристотеля, которые, как известно, относили демократию (трактуемую как власть эгоистического, корыстолюбивого большинства, не желающего печется об общем благе) к порочным формам устройства государства. Тут и трезвое осознание невозможности использования института полисной (то есть прямой) демократии – а именно с ней и ассоциировалось в первую очередь это понятие – в условиях такой страны, как Соединенные Штаты конца XVIII века. Тут и проявление столь характерного для американских лидеров той эпохи почтительного отношения к республиканскому Риму, усовершенствованной копией которого они хотели видеть Америку. Тут и желание успокоить крупных собственников, опасавшихся «тирании большинства» и заверить их, что никакой имущественной уравниловки не будет⁴⁷. Но тут, конечно, и страх перед массой, или, как говорят некоторые историки, перед «властью толпы» (mob rule)⁴⁸, перед «мобократией».

К последнему вопросу мы еще вернемся. Однако надо сразу сказать, что страх перед «толпой» (перед «массой», как сказали бы сегодня), перед «прямой», «чистой», «народной» демократией не делал «отцов-основателей» противниками демократии в представительной форме, а значит, и противниками демократии как таковой, которая, как известно, полиморфна.

И создававшуюся ими Конституцию Соединенных Штатов в целом можно характеризовать как демократическую⁴⁹. Заметим, кстати, что серьезные советские правоведы, отмечая, что Основной Закон США создавался «для защиты классовых интересов буржуазии, ограждения наипервейшей американской свободы – свободы частно-предпринимательской деятельности и наипервейшего буржуазного права – права частной собственности»⁵⁰, признавали, что

(американцы. – Э.Б.) заложили основу власти, не имеющую образца ни в одной точке земного шара» (Там же. С. 108–109). Тут уже отчетливо просматривается мысль, которая получит в дальнейшем широкое распространение – мысль о том, что на американской земле были совершены открытия, которые будут использованы другими странами.

⁴⁴ Даль Р. О демократии. С. 22.

⁴⁵ Ketcham R. Notes on James Madison's Sources – “Midwest Journal of Political Science”, 1957, May. P. 25. Цит. по: Теория и практика демократии. Избранные тексты. С. 100.

⁴⁶ Cabot to Timothy Pickering, Feb. 14, 1804, in Henry Adams, ed., Documents Relating to New England Federalism, 1800–1815 (Boston, 1877), 346. Цит. по: Sean Wilentz. The Rise of American Democracy: Jefferson to Lincoln. N.Y., London, 2005. P. XVII.

⁴⁷ В той же статье 10 читаем: «Политики от теории, ратующие за этот образ правления (демократию. – Э.Б.), ошибочно полагали, что, осчастливив человечество равенством в политических правах, они тем самым полностью уравниют и сгладят все различия в отношении владения собственностью, как и в мыслях и увлечениях» (Федералист. С. 83).

⁴⁸ См.: Bums J., Peltason J., Cronin T. Government by the People. Englewood Cliffs, N. J., 1981. P. 5.

⁴⁹ Интересный аргумент в защиту идеи о демократической природе Конституции США приводит один из крупнейших американских демократологов Уолтер Дин Бернхем. Об этом, пишет он, свидетельствует тот факт, что в нашем неизмеримо более развитом в демократическом отношении обществе мы продолжаем пользоваться документом, созданным более 200 лет назад. (Burnham W D. Democracy in the Making. American Government and Politics. Englewood Cliffs. N. J., 1986. P. 45.)

⁵⁰ Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 15.

«вместе с тем дух американской революции и борьбы за независимость придал основному закону США демократические черты»⁵¹.

В демократическом духе выдержаны в целом и статьи «Федералиста». Это демократия, которую позднее назовут элитистской⁵², но это тем не менее демократия. Да иначе и быть не могло: ведь они ставили своей целью защиту принципов Конституции, которая, как только что было отмечено, имела демократический характер. Больше того, ряд авторитетных исследователей считает этот сборник одним из важнейших источников американской демократической мысли. Не случайно в упомянутую антологию «The Democracy Sourcebook» ее соавители Роберт Даль и Йэн Шапиро включили восемь статей (10, 14, 23, 47, 48, 62, 70 и 78) из «Федералиста».

Действительно, в «Федералисте» поставлены и рассмотрены в демократическом духе вопросы, волновавшие американских (да и не только американских) политических мыслителей и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. Это, во-первых, *вопрос об отношении народа и власти (правительства)*. По мнению Александра Гамильтона, республика находится в безопасности (в политическом отношении) лишь в том случае, если имеет место «должная опора [власти] на народ»⁵³. Наделение правительства необходимыми полномочиями может быть безопасным для республики лишь при условии «самого бдительного и пристального внимания народа» к его деятельности⁵⁴. Цель деятельности власти – «благополучие народа»⁵⁵. Законодательное собрание должно стремиться к завоеванию «доверия народа», обеспечению его «привилегий и интересов»⁵⁶. «Коренной принцип республиканского правления» заключается в том, что «народ имеет право изменять или отменять существующую конституцию, если сочтет ее не отвечающей его благополучию»⁵⁷.

Эти и ряд других постулатов имеют, вне всякого сомнения, демократический характер, ибо, по существу, отстаивают фундаментальный тезис демократии о *народном суверенитете*, т. е. о народе как источнике и конечном носителе власти в государстве. Другое дело, что неопределенность содержания такого широкого понятия как «народ» привносит в эти постулаты элемент декларативности, чтобы не сказать демагогии в прямом (*demos* – народ) смысле этого слова⁵⁸. Но это свойство едва ли не всех форм демократии.

Другой вопрос, рассматриваемый в «Федералисте», – *разделение властей*. «Сосредоточение всей власти – законодательной, исполнительной и судебной – в одних руках, независимо от того, предоставлена ли она одному лицу или многим, по наследству, назначению или избранию, можно по праву определить словом тирания»⁵⁹. При этом совсем не требуется, «чтобы

⁵¹ Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. С. 15.

⁵² Уолтер Дин Бернхем, обращая внимания на то, что делегатами конституционного конвента были представители элиты (факт, акцентированный едва ли не всеми историками – как американскими, так и зарубежными), делает заслуживающее внимания пояснение, которое может быть отнесено и к другим документам эпохи американской революции, которые тоже создавались представителями элиты (Томас Пейн – едва ли не единственное исключение). «...Мы должны иметь в виду, – пишет Бернхем, – что делегатами были [представители] элиты, но американской элиты. Их политические ценности не так уж сильно отличались от ценностей мелких фермеров. Почти все американцы принимали в той или иной степени [идею] народного правительства (*popular government*), и почти все хотели иметь правительство, которое бы уважало и защищало жизнь, свободу и собственность, несмотря на различия в их истолковании» (Burnham W. D. Op. cit. P. 45).

⁵³ Федералист. С. 459.

⁵⁴ Федералист. С. 165.

⁵⁵ Федералист. С. 412.

⁵⁶ Федералист. С. 459.

⁵⁷ Федералист. С. 507.

⁵⁸ Понятие «народ» – одно из самых неопределенных в обществоведении. Его можно отнести к числу «понятий-прикрытий», поставив в один ряд с такими понятиями, как «свобода», «независимость», «счастье» и пр. Очевидно, что Гамильтон, Мэдисон, Джефферсон, их соратники понимали под «народом» не то, что позднее понимали под ним Маркс, Ганди, Ленин и другие.

⁵⁹ Федералист. С. 323.

законодательная, исполнительная и судебная власть были наглухо отгорожены друг от друга... Эти три ветви власти – разве только они связаны и слиты с тем, дабы каждая осуществляла конституционный контроль над двумя другими, – на практике не могут сохранить ту степень разделенности, которая, согласно аксиоме Монтескье, необходима свободному правлению»⁶⁰. По сути, перед нами еще одна формулировка знаменитого принципа «сдержек и противовесов» (checks and balances) – т. е. взаимозависимости и взаимоограничения трех ветвей государственной власти. Принципа, который был заложен в Конституции США и развит Джефферсоном в его «Заметках о штате Вирджиния».

Большое внимание уделяется в «Федералисте» *специфике законодательной и исполнительной власти и различиям между ними*. «В законодательном органе стремительность принятия решений чаще зло, чем добро. Различие во мнениях и столкновение партий в этой ветви правительства, хотя иногда и препятствуют полезным планам, тем не менее чаще способствуют размышлениям и осмотрительности, пресечению крайностей большинства»⁶¹. Разногласия же, или, как говорит Гамильтон, «плюрализм», внутри исполнительной власти, напротив, пагубны. «...Никакие благоприятные обстоятельства не заменят и не загладят невзгоды несогласия в исполнительной власти... Они служат препятствием и ослабляют с начала до конца осуществление планов или мер в области, их касающейся»⁶².

Федералисты выступают в защиту института сильной президентской власти, отвергая «суждение... что дееспособный президент несовместим с духом республиканского правления»⁶³. Напротив, «дееспособность президента – главная черта, которая характеризует хорошее правительство... Составляющие дееспособности президента: во-первых, единство, во-вторых, продолжительность пребывания на посту, в-третьих, достаточные ресурсы для его поддержки, в-четвертых, компетентность власти»⁶⁴.

Такая позиция не мешает сегодня некоторым американцам видеть в федералистах, особенно в Мэдисоне, одного из тех основателей республики, на идеи которых можно опереться в усилившихся в последние годы в США поисках новых форм прямой демократии. Речь идет о так называемой делиберативной («совещательной», как у нас иногда переводят этот термин) демократии⁶⁵, отстаивающей необходимость развернутых публичных дискуссий по широкому кругу волнующих общество вопросов, включая вопросы государственной политики, и обеспечения не только их решения, но и достижения большего согласия и взаимопонимания между гражданами.

У идеи делиберации, утверждают американские эксперты, на самом деле глубокие корни. «В своей наиболее общей форме требование совещательности – давно известная тема в рамках американской конституционной традиции. По мнению отцов-основателей США, это неотъемлемый компонент идеального республиканского правления. Джеймс Мэдисон оценивал устройство политических институтов исходя в частности из того, насколько они придерживаются принципа совещательности»⁶⁶. При этом поясняется, что «Мэдисон отдавал предпочте-

⁶⁰ Федералист. С. 331.

⁶¹ Федералист. С. 462.

⁶² Федералист. С. 462.

⁶³ Федералист. С. 458.

⁶⁴ Федералист. С. 458–459.

⁶⁵ Подробнее об этой форме демократии см. гл. III этой книги.

⁶⁶ Гуттманн Э. и Томпсон Д. Демократия и разногласия // Теория и практика демократии. С. 17. К Мэдисону апеллирует и крупнейший американский специалист в области делиберативной демократии Джеймс Фишкин. Важнейшим аргументом противников демократии, начиная с Платона, пишет он, всегда был аргумент о недостаточной информированности народа (people) и о его недостаточной способности к рефлексии. «Американские отцы-основатели, – утверждает Фишкин, – были обеспокоены этой проблемой и предложили свой ответ на нее. Их решение, – как его очертил Джеймс Мэдисон, – заключалось в том, чтобы сделать делиберацию ключевой частью плана создания (design) американской демократической республики. Его идея заключалась в том, чтобы «рафинировать и расширить взгляды общественности, передавая их через посредство избран-

ние политическим дискуссиям, в которых “меняются мнения”, “многое достигается с помощью духа уступчивости и взаимоприспособления” и в которых ни один гражданин “не обязан придерживать тех или иных взглядов, если не удовлетворен их содержанием и не считает их правильными”»⁶⁷.

Ситуация, в общем, объяснимая. «Федералист» – американская политологическая классика, а судьба классики такова, что последующие поколения, желая обосновать и легитимизировать свои теоретические и политические новации, часто обращаются к классическим произведениям, обнаруживая в них и то, что действительно хотели сказать их авторы, и то, чего они на самом деле не имели в виду, но то, что хотели бы услышать от классиков некоторые из их потомков.

В американской политической науке и прежде всего в демократологии всегда уделялось большое внимание *судебной власти как одной из основ демократии*. Не будет преувеличением сказать, что «отцы-основатели» внесли существенный вклад в формирование этой традиции. В ряде статей «Федералиста» были поставлены и рассмотрены вопросы о порядке назначения судей, условиях нахождения их на своих постах, разделении полномочий между различными судами, отношениях между судебной властью с одной стороны и законодательной и исполнительной властями – с другой.

Гамильтон, сопоставляя судебную власть с остальными, приходит к выводу, что поскольку она является «слабейшей среди трех»⁶⁸, то нуждается в защите от посягательств со стороны законодательной и исполнительной власти, как «цитадель общественной справедливости и безопасности». Важнейшее условие дееспособности суда и непревращения его в источник «притеснения» и «угрозы свободе народа» – реальная отдаленность от законодательной и исполнительной власти⁶⁹.

«Федералист» защищает принцип «постоянного пребывания» судей в должности, полагая, что это избавляет от «опасности подчинения, запугивания или влияния равных ей властей» и содействует твердости и независимости судей⁷⁰. При этом в ситуациях, когда «воля законодательной [власти], выраженная в ее статутах, противоречит воле народа, выраженной в конституции, судьи должны руководствоваться последней, а не первой»⁷¹.

В демократическом духе выдержаны инаугурационные речи Вашингтона, Адамса, Мэдисона, не говоря уже о Джефферсоне. Излагая свое видение «основополагающих принципов нашей формы правления», третий президент Соединенных Штатов упоминает среди них «равное и справедливое правосудие для каждого человека, независимо от его статуса и религиозных или политических убеждений;... ревностную заботу о праве народа на выбор – мягкое и надежное средство устранения злоупотреблений, которые отсекаются мечом революции в случае недоступности мирных средств (по существу речь идет о праве народа на революцию. – Э.Б.); подчинение военного руководства гражданскому; экономию государственных расходов в целях сведения к минимуму их бремени для трудового населения;... распространение информации и вынесение всех злоупотреблений на суд общественного разума; религиозную свободу;

ного гражданами органа” – то есть осуществлять фильтрацию общественного мнения через посредство представителей, которые бы обсуждали (who would deliberate) общественные проблемы (public issues). Конституционный Конвент – и Сенат – служили воплощением того, что Мэдисон называл своей стратегией “последовательной (successive) фильтрации”. Даже коллегия выборщиков должна была, по замыслу, стать базой для делиберации (по штатам) и отбора наиболее компетентных кандидатов» (Fishkin J. The Nation in a Room. Turning public opinion into policy // <http://www.bostonreview.net/BR3L2/fishkin.php>). То, что пишет Фишкин о замысле Мэдисона, мало походит на стремление просветить народ и приобщить его к политике и вполне вписывается в рамки демократии для элиты.

⁶⁷ Гуттманн Э. и Томпсон Д. Демократия и разногласия // Теория и практика демократии. С. 17.

⁶⁸ Федералист. С. 503.

⁶⁹ Федералист. С. 503.

⁷⁰ Федералист. С. 504.

⁷¹ Федералист. С. 505.

свободу печати и свободу личности под защитой принципа «Хабес корпус»^[1]; суд свободно избираемых присяжных»⁷².

Невозможно обойти вниманием еще один демократический принцип, акцентируемый Джефферсоном: защиту законных прав меньшинства (или, как говорят многие исследователи, предотвращение «тирании большинства»). «Все также должны будут помнить священный принцип, что при всем том, что во всех случаях должна превалировать воля большинства, для доказательства своей правоты такая воля должна быть разумной; что меньшинство в такой же мере обладает равными правами, которые справедливый закон должен защищать и нарушение которых должно считаться притеснением»⁷³.

Тем не менее вопрос о роли основной массы рядовых граждан в политическом управлении обществом (иначе говоря, в государственном управлении), об их принципиальной способности к такому управлению (вкуче с рядом других вопросов) вызвал раскол среди американских демократов конца XVIII века и привел к формированию *двух линий, двух традиций в демократической политике и политической мысли: традиции, которую можно условно назвать мэдисоновской (федералистской), и традиции, которую обычно именуют джефферсоновской (так называемая джефферсоновская демократия)*.

Джефферсоновская демократия – не попытка вернуться в новых исторических условиях к классической модели прямой полисной демократии. Скорее это была, как верно замечает Гэррет Шелдон, попытка «приспособить» «классическую концепцию демократии «к огромному Американскому континенту»⁷⁴. Хотя, правильнее, наверное, было бы говорить не о классической концепции (единой концепции не было, к тому же, как уже отмечалось, для таких мыслителей, как Платон и Аристотель, «демократия» была плохой формой правления), а о классической модели полисной демократии вроде той, что существовала в Афинах.

Джефферсон мечтал о создании «небольших местных (окружных) республик, граждане которых принимают регулярное участие в общественной жизни, наряду с системой представительства, которая вырастает из демократии на местах и характеризуется природной аристократией мудрости и добродетели...»⁷⁵. Конечно, Джефферсон не был абсолютным, если можно так сказать, эгалитаристом: его представление о равенстве, зафиксированное в Декларации независимости («все люди сотворены равными») предполагает признание равенства людей как «общественных животных, обладающих способностью к нравственному выбору и справедливым поступкам»⁷⁶, не говоря уже, конечно, об их правовом равенстве. Но джефферсоновская демократия предполагает неравное распределение мудрости и добродетели среди людей, равно как и имущественное неравенство граждан. Отсюда и возможность выдвижения на руководящие позиции представителей «естественной аристократии», способных наилучшим образом позаботиться об общем благе. Как заключает Шелдон, характеризуя джефферсоновскую позицию, «страна, состоящая из небольших республик, обеспечивающих политическую свободу, возможность получить образование и экономическое равенство скорее всего будет избирать своих представителей из естественной аристократии мудрости и добродетели, способной понять, в чем состоит общее благо; тогда как общество, которому недостает подобных характеристик классической демократии скорее всего будет управляться аристократией по богатству и происхождению, которая в лучшем случае способна понять лишь свое собственное, частное благо»⁷⁷.

⁷² Инаугурационные речи президентов США. С. 57–58.

⁷³ Инаугурационные речи президентов США. С. 55–56.

⁷⁴ Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. Пер. с англ. М., 1996. С. 151.

⁷⁵ Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. С. 151.

⁷⁶ Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. С. 154.

⁷⁷ Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. С. 152–153.

Федералистская концепция демократии (сегодня ее назвали бы «элитистской демократией», «концепцией демократического элитизма») предполагает иное качество элиты, иные способы ее рекрутирования и иное положение граждан в обществе. Властные функции последних (фактически отождествляемых с непросвещенной, грубой, склонной к насилию и разрушению толпой) ограничиваются фактически тем, что в ходе (предположительно) свободных, регулярных, но на самом деле далеко не всеобщих⁷⁸ выборов они формируют властные органы, осуществляющие реальное повседневное, не контролируемое даже электоратом (не говоря уже о всех гражданах) управление страной. При этом в число управляющих попадают не представители естественной аристократии, наделенные превосходящими нравственными качествами, а удачливые эгоисты-собственники, одерживающие верх над себе же подобными в жестокой конкурентной борьбе (что воспринималось федералистами как естественное, нормальное явление)⁷⁹.

Принимая во внимание, что в разработке федералистской концепции демократии ведущая роль принадлежала Джеймсу Мэдисону, Роберт Даль считает возможным говорить о «мэдисоновской» теории демократии⁸⁰. Он характеризует ее как «попытку компромисса между властью большинства и властью меньшинства, между политическим равенством всех взрослых граждан – с одной стороны, и стремлением ограничить их суверенитет – с другой»⁸¹.

Даль выделяет два аспекта «мэдисоновской демократии» – практический и теоретический и стремится доказать, что в теории Мэдисона концы не сходятся с концами. «В качестве политической системы компромисс (за одним важным исключением) оказался надежным. Более того, американцам он, кажется, по душе. В качестве политической теории компромисс, однако, [лишь] затушевывает противоречия, но не скрывает их полностью. Не случайно, – добавляет Даль, – что вопрос о плюсах и минусах мажоритарной системы с 1789 г. красной нитью проходит через американскую политическую мысль. Так что, если большинство американцев и приняли легитимность мэдисоновской политической системы, то критика по поводу ее логического обоснования никогда не сходила на нет»⁸².

Даль в принципе прав, и за полвека, минувших с тех пор, как были написаны эти слова, теория Мэдисона не раз становилась объектом критики⁸³. Вместе с тем, оценивая вклад «отцов-основателей» американской республики в развитие демократической мысли, а оценка, на наш взгляд, должна быть в целом позитивной, следует принимать во внимание, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, демократия, будь то на теоретическом или практическом уровне, – это всегда компромисс, а значит и внутреннее противоречие – она всегда антиномична. Демократия – это всегда состязание, борьба, в которой есть выигрывающие и проигрывающие, но в которой нежелательно иметь победителей и побежденных, выпадающих из политического процесса, и тут без компромисса не обойтись. Во-вторых, американская демократия создавалась людьми, которым было что терять (и в материальном плане, и в политическом) и

⁷⁸ В Соединенных Штатах избирательных прав на протяжении длительного времени были лишены рабы, индейцы, женщины и значительная часть мужского белого населения.

⁷⁹ Как замечает в этой связи отечественный исследователь Н.Покровский, «с неизменным упорством Гамильтон подчеркивал связь власти с экономическими интересами людей и собственностью. Показывая, что в различные исторические периоды власть находилась в руках то военных, то аристократии, Гамильтон рассматривал современное ему общество как арену столкновения фракционных интересов различных групп, в результате которого должна победить торговая и финансовая буржуазия как группа, наиболее одержимая собственническим стремлением. “Править должна та власть, в руках которой находится кошелек”, – резюмировал свои аргументы лидер федералистов» (Покровский Н. Джефферсон вчера, сегодня и завтра // Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. С. 16.).

⁸⁰ В этой работе мы используем понятия «мэдисоновская теория демократии» и «федералистская теория демократии» как тождественные.

⁸¹ Даль Р. Демократия Мэдисона // Теория и практика демократии. С. 175.

⁸² Даль Р. Демократия Мэдисона // Теория и практика демократии. С. 175.

⁸³ См. об этом, в частности: Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980.

было бы странно, если бы они не попытались легитимизировать механизмы защиты собственного интереса, в том числе и на конституционном уровне.

Нужно ли говорить, что ускоренное движение американского общества в направлении капитализма изначально предопределяло исход спора между джефферсоновцами и федералистами в пользу последних? Но вот что примечательно: дискуссии о демократии, развертывавшиеся в США на протяжении XIX и XX веков, снова и снова подтверждали: дух и идея джефферсоновской демократии, не погибли, они продолжают жить в душах американцев, проявляясь в форме альтернативных, пусть и маргинальных концепций демократии (о чем речь впереди).

Надо сказать, что работу по строительству новой республики американцы изначально рассматривали как *эксперимент*, судьба которого, как и судьба всякого эксперимента, оставалась в течение какого-то времени неясной. Только по прошествии нескольких десятилетий, пишет американский историк Ралф Гэбриел, можно было прийти к заключению, что экспериментальный период, в общем и целом, завершен⁸⁴ и что страхи «отцов-основателей» за судьбу демократии в Америке оказались напрасными. С переходом Белого дома в руки Эндрю Джексона, замечает Гэбриел, стало очевидным, что приход к власти простого человека не пагубен для нации, а, напротив, благотворен⁸⁵.

Действительно, избрание в 1829 г. президентом США генерала Джексона, человека из низов, не очень образованного, но достаточно умного и хваткого, чтобы справиться с рычагами государственного управления, было воспринято многими в США как подтверждение столь лелеемой за океаном веры в то, что в Америке «любой мальчишка может стать президентом». Однако это вовсе не означало победы джефферсоновской демократии, которая, как уже говорилось, была вытеснена элитистской демократией и в теории, и на практике. Конкретные варианты этой демократии менялись со сменой эпох (расширялся электорат, усложнялись рычаги управления и т. п.), однако суть ее оставалась неизменной. При этом важно подчеркнуть, что при всех своих особенностях это была модель демократического правления: и потому, что правящая элита не назначалась, а избиралась (хотя состав лиц, из которых производится выбор, был всегда ограниченным); и потому, что избранная элита не может не учитывать интересы электората; и потому, что регулярный характер выборов являет собой механизм косвенного контроля над властной элитой.

Так или иначе, политическая практика нескольких десятилетий, минувших со времени победы революции, привела, фигурально выражаясь, к реабилитации понятия демократии, то есть к признанию ее соответствующей природе, потребностям и интересам американского общества. Не перестав быть синонимом понятия «республика»⁸⁶, понятие «демократия» вышло из-за его спины на передний план и обрело полновесное, полноценное, широкое звучание. Но происходило это постепенно. Интересные данные на сей счет приводит Р. Хэнсон в своей книге «Демократическое воображение в Америке», опубликованной в 1985 году⁸⁷. За

⁸⁴ Об «эксперименте, вверенном в руки американского народа» говорил в своей первой инаугурационной речи 30 апреля 1789 года Джордж Вашингтон. И было примерно ясно, когда он начался. Однако вопрос о том, когда он был завершен и завершен ли он вообще, остается предметом споров. Судя по высказываниям некоторых заокеанских исследователей, они полагают, что американский эксперимент продолжается по сей день.

⁸⁵ См.: *Gabriel R. The Course of American Democratic Thought*. N. Y., 1986. P. 12.

⁸⁶ Как пишут в своей книге «Правление через посредство народа» (уже много лет используемой – в регулярно обновляемом виде – в качестве учебного пособия для колледжей) видные американские историки Дж. Бернс, Дж. Пелтасон и Т. Кронин, «американскую политическую систему можно назвать *либо конституционной республикой, либо конституционной демократией*». И далее: «*Демократию или республику* мы здесь понимаем как систему правления, при которой те, кто наделен властью принимать решения, обладающие силой закона, обретают и удерживают эту власть *либо непосредственно, либо опосредованно в результате победы на свободных выборах, к участию в которых допущено большое количество (the great bulk) взрослых граждан*» (См.: *Burns J., Peltason J., Cronin T. Government by the People*. P. 5. Курсив мой. – Э.Б.).

⁸⁷ См.: *Hanson R. The Democratic Imagination in America. Conversations with our Past*. Princeton, 1985. P. 88. Эти метаморфозы были связаны и с новой политической практикой, в ходе которой происходит некоторая реабилитация понятия демо-

период с 1790 по 1850 год, пишет он, в США было зарегистрировано 170 газет, в названии которых встречаются слова республика, демократия или производные от них. На протяжении первого тридцатилетия – с 1790 по 1820 год только 16 из них (или 9 процентов) рискнули идентифицировать себя как демократические. На протяжении следующих тридцати лет, с 1820 по 1850-й картина меняется радикальным образом: теперь уже 101 газета (а это 63 процента) использует в своем названии слово «демократия».

Приведенные исторические факты – а их число можно было бы умножить – позволяют, как нам кажется, сделать, по меньшей мере три важных вывода общего характера. Из современной политической практики мы знаем, что можно много рассуждать о демократии, напищать этим словом конституцию и другие документы и употреблять его к месту и ни к месту и при этом не только не развивать демократические институты, но отказываться от прежних демократических завоеваний. *Американцы доказали, что можно на протяжении десятилетий фактически строить демократию, пусть и ограниченную, не только не рассуждая при этом о демократии, но даже отвергая этот концепт.* Реальные формы демократического опыта оказываются сильнее и важнее политических спекуляций.

История становления демократии в США показала также, что *даже в относительно благоприятных условиях строительство демократии носит процессуальный характер и может растягиваться на длительный период.* Конечно, американцы были первопроходцами, и в современных условиях, когда можно воспользоваться опытом, накопленным другими странами, а социальное время течет быстрее, то, что прежде растягивалось на долгие десятилетия, может протекать в более сжатые сроки. Тем не менее сама идея постепенности и процессуальности сохраняет свою значимость: демократию наскоком не построишь – во всяком случае, реальную демократию.

И еще один вывод. *Американские элиты, в руках которых всегда находилась если не вся реальная политическая власть, то «контрольный пакет властных акций», пошли по пути легитимизации демократии в стране, лишь твердо уверовав в то, что их власти ничего не угрожает.* Но при этом важно иметь в виду, что демократизация американского общества шла рука об руку с демократизацией самих элит. В связи с этим можно высказать предположение, что *степень развития демократии в той или иной стране зависит во многом от степени уверенности властвующих элит в том, что такое развитие не сопряжено с очевидными угрозами для их власти и от степени демократичности самих этих элит.*

Чем же была демократия для американцев первой половины XIX века? Смысл этого слова, пишет Р. Гэбриел, раскрывался через два значения – «реалистическое» и «романтическое». «Реалистическая демократия была моделью поведения, которое включало [участие в работе] кокусов, оказание взаимных услуг [в политике] (log-rolling), борьбу отдельных людей за получение должности и соревнование в рамках той или иной части нации за достижение первенства... Романтическая демократия являла собой совокупность кластеров идей и идеалов, составлявших в целом национальную веру, которая хотя и не была признана таковой, имела силу государственной религии. Некоторые из этих идей были стары, как и классическая Греция, другие же новы, как американская нация. И хотя большинство идей были стары и заветны традицией, конфигурация кластера была уникальной. Взятые вместе, они составляли, в буквальном смысле этого слова Американскую демократическую веру»⁸⁸.

кратии – в частности, с возникновением в 1793 году так называемых демократическо-республиканских обществ, объединявших в своих рядах мелких фермеров и созданием на их базе джефферсоновской демократическо-республиканской партии, просуществовавшей с 1800 по 1828 годы и ставшей базой для демократической партии США. Существенную роль сыграли и изменения в американском общественном сознании: американцы постепенно приходили к выводу, что концепты демократии и республики оказываются во многом взаимоперекрывающимися, а вовлечение в политический процесс более широких групп населения не несет с собой тех угроз, о которых говорили федералисты. Но на все это потребовалось несколько десятилетий.

⁸⁸ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. P. 14.

«Демократическая вера», о которой упоминает Гэбриел, заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее, ибо ее влияние, как показал последующий ход событий, вышло за пределы XIX века.

Первую доктрину демократической веры, утверждает Гэбриел, составляло глубокое убеждение (уходящее корнями в идею естественного закона, сформулированного Платоном, и идею морального закона, восходящую к иудео-христианской традиции) в *существовании объективного абсолютного и неизменного фундаментального закона, определяющего основные параметры жизни общества (в том числе политической) и индивида*. Для человека, мало искусственного в философии, поясняет американский исследователь, этот закон сводился к таким двум понятным вещам, как *доктрина естественных прав*, провозглашенных Декларацией независимости и *воля справедливого и любящего Бога*. Именно из идеи правления фундаментального закона выросло сложившееся в праве представление о «правлении закона, а не человека», которое, по убеждению американцев XIX века, было характерно для Соединенных Штатов и отличало их от зарубежных тираний, где законом была воля людей, стоящих у власти.

Вторую доктрину демократической веры составляло представление о *свободном индивиде как центре социума и опоре демократических порядков*. Общество воспринималось не как целостная система, а как агрегат независимых индивидов, опирающихся на самих себя и подчиняющихся императивам фундаментального закона. Гэбриел мог бы добавить к сказанному, что представление о свободном индивиде как высшей ценности и центре социума лежит и в основе классической либеральной доктрины, получившей в это время распространение в американском обществе. В этом отношении либерализм и демократия органически дополняли и подкрепляли друг друга, создавая основу так называемой либеральной демократии.

Третьей доктриной демократической веры была «*доктрина миссии Америки*»: Бог даровал ей свободу, чтобы она даровала последнюю остальному миру. Гэбриел приводит весьма красноречивые слова некоего Сэмюэля Лотропа, обращенные «к огромному Бостонскому собранию по случаю годовщины Декларации независимости». «Если когда-либо гражданская и религиозная свобода – это благо, которое стремится обрести для себя каждый человек и которым каждый благородный человек стремится наделить других – если когда-либо эта великая разумная ответственная свобода, которая через евангелие и дух Господен снисходит в душу человека, будет господствовать на земле и если ей суждено когда-либо утвердиться среди народов, то произойдет это благодаря тому, что в час крайней нужды Господь предоставил ей возможность произрасти на этом новом континенте и пустить на нем столь глубокие корни, что никакое безрассудство не смогло бы нанести вред цветам этого дерева или уничтожить его плоды»⁸⁹.

Совершенно очевидно, что идеи *верховенства закона, самоценности свободного индивида и великой исторической миссии Америки* — идеи, сохранявшие свою значимость на всех последующих этапах развития американской цивилизации – раскрывают многие стороны американской демократии. Многие, но не все. Вообще говоря, демократическая идея (доктрина) – это идея (доктрина) живая, постоянно самообновляющаяся, открытая и, как показывает историческая практика, в том числе американская, идея (доктрина) внутренне противоречивая. Это в полной мере относится и к Соединенным Штатам Америки XIX века и последующего периода.

⁸⁹ Samuel Kirkland Lothrop. Oration, Delivered in Boston, July 4, 1866. Приведено в цитируемой книге Гэбриела. Идея миссии, пишет он, не только позволяла американцам ощутить собственное превосходство по отношению к европейцам, которые часто критиковали Америку. "Доктрина миссии... давала американской демократии с ее акцентом на свободе и различии мнений философию единства. Наконец, убеждение в [великой] судьбе Америки (of the destiny of America) открывало перед скромным демократом, чей серый мир редко простирался за пределы главной улицы его деревни, романтическую картину, позволяющую ему лицедреть свое незаметное осуществление гражданского долга, имеющего мировое значение» (Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. R 25).

Алексис де Токвиль начинает свое описание заокеанской демократии с черты, поразившей его в США более всего и составлявшей, по его разумению, самую суть демократии. Но это не верховенство закона, не миссионерская одержимость и даже не свобода. Послушаем впечатлительного и мудрого француза: «Среди множества новых предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условия существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на все течение общественной жизни. Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки»⁹⁰. И вот общий вывод. «Таким образом, по мере того как я занимался изучением американского общества, я все явственнее усматривал в равенстве условий исходную первопричину, из которой, по всей видимости, проистекало каждое конкретное явление общественной жизни американцев, и я постоянно обнаруживал ее перед собой в качестве той центральной точки, к которой сходились все мои наблюдения»⁹¹.

Токвиль полагал, что «мы живем в эпоху великой демократической революции» и что «та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе»⁹². Ожидания оправдались лишь отчасти. Великой демократической революции в Европе в то время так и не произошло, а когда она все же победила в некоторых странах Старого Света, идея равенства хотя и стала – не могла не стать – частью демократического кредо, не смогла занять в нем такого же места, какое занимала за океаном.

В самом деле *американцы не представляли себе демократии без равенства* (в первой половине XIX века оно ограничивалось равенством условий), *как не представляли они ее себе и без свободы*, будь то свобода выбора, свобода принятия решений или, скажем, свобода распоряжения своей собственностью (включаящей, согласно Локку, и собственную жизнь). Но свобода и равенство – понятия противоречивые, а в своей крайней форме – взаимоисключающие, порождающие напряженность внутри демократического сообщества. Майкл Лернер, исследовавший феномен американской демократии в контексте североамериканской цивилизации, рассматривал свободу и равенство как «два полюса демократической идеи», между которыми «всегда существовала внутренняя напряженность»⁹³. Эта напряженность тоже стала существенным элементом американской демократической традиции, как она проявилась в XX веке.

В истории американской политической мысли XIX века было немало мастеров слова, философов, политических мыслителей, так или иначе затрагивавших в своем творчестве проблему демократии. Был Уолт Уитмен, обозревавший «демократические дали». Были Ралф Эмерсон и Генри Торо, размышлявшие о роли демократического государства и положении свободного человека в свободном обществе. Отдельного упоминания заслуживает Авраам Линкольн. В отличие, скажем, от Джефферсона или Мэдисона он не принадлежал к числу крупных теоретиков, но внес свой вклад в американское демократическое кредо, сформулировав (в Геттисбергской речи) известный тезис о «правлении народа, посредством народа и для народа».

⁹⁰ Токвиль А. Демократия в Америке. Пер. с франц. М., 1992. С. 27.

⁹¹ Токвиль А. Демократия в Америке. С. 27.

⁹² Токвиль А. Демократия в Америке. С. 27. Майкл Лернер, подтверждая ценность идеи равенства писал век с лишним спустя: «... Демократическая идея есть идея эгалитаризма... она делает акцент на правлении большинства. Она являет собой картину освобожденного демоса (demos unbound), всего народа, стремящегося... сделать социальное равенство предпосылкой правления. Она переносит акцент с узко политического – голосования и конституционных гарантий – на экономическую и классовую систему. Она подчеркивает условия достижения рядовым человеком возможностей получения образования и обеспечения жизни независимо от конфессиональной веры, этнической группы и социального уровня» (Lerner M. America as a Civilization. N. Y., 1957. P. 262–263).

⁹³ Lerner M. America as a Civilization. N. Y., 1957. P. 362.

Во второй половине XIX века в США начинает складываться – как самостоятельная отрасль научного знания – политическая наука, объектом исследования которой становится, как показывает само ее название, феномен политического. Появляется ряд исследований, в которых среди прочих – рассматривается и проблема демократии. В их числе «Политическая наука или теоретическое и практическое исследование государства» Т. Вулси, «Правление конгресса» В. Вильсона и другие. Но мы пишем не историю американской политической мысли, а пытаемся очертить эволюционирующую традицию подхода американских политиков и политических аналитиков к интерпретации феномена демократии, равно как и традицию самой этой интерпретации. А это значит, что нас интересуют относительно устойчивые принципы и позиции, которые сохранили свою силу и в XX веке, предопределив в той или иной мере позиции американских исследователей демократии в этом столетии.

Общие контуры поля исследования

С конца XIX – начала XX века в американской демократологии начинает происходить ряд изменений, в том числе существенных. Первое, что необходимо отметить – это *прогрессирующий рост интереса к рассматриваемому феномену*, что нашло отражение в *увеличении числа публикаций, посвященных демократии, а главное – в более углубленном исследовании предмета*.

Интерес этот был вызван разными причинами. В первые годы нового столетия многим казалось, что демократия не только прочно утвердилась в таких странах, как США, Великобритания или Франция, но и завоевывает все новые позиции за пределами западного мира. Как писал позднее американский историк политической мысли Эдвард Бернс, «ни один другой политический идеал не казался более прочно укорененным в начале XX века, чем демократия. Большинство буржуазных либералов, интеллектуалов и социалистов он рассматривался как евангелие. И, кажется, лишь немногие твердолобые консерваторы, рассерженные циники и упрямые защитники прямых действий противостояли ему. Со времени великих революций семнадцатого и восемнадцатого веков он стал паролем почти для всех, кто был недоволен пережитками деспотизма и феодализма, которые все еще преграждали путь к прогрессу во многих странах. Вера в демократию была столь сильна, что шаги в ее сторону были сделаны даже в таких отсталых странах, как Испания, Россия и Турция. Франция на протяжении девятнадцатого века прошла сначала через одну революцию, потом через другую и каждая из них сопровождалась конституционными изменениями, направленными на расширение народного правления. И хотя Британия совершила свои революции не путем насилия, а путем “согласия”, они были, тем не менее, эффективными в плане продвижения к демократии. В Соединенных Штатах это продвижение добилось наибольшего прогресса...»⁹⁴. Естественно, что такой успех (пусть несколько преувеличенный Бернсом), требовал анализа и объяснения, как, впрочем, и исследования путей дальнейшего укрепления и совершенствования демократических институтов и отношений.

Но были и другие причины, побуждавшие интеллектуальную элиту обратить серьезное внимание на проблему демократии. Это прежде всего дальнейшая массовизация американского общества, которая выдвигала новые, повышенные требования к механизмам управления обществом и государством, а значит, требовала совершенствования институциональных и нормативных рамок их функционирования. Еще одна причина, стимулировавшая рост интереса к демократии, – социальные, экономические и политические проблемы, которые накопились в стране к началу XX века и которые, как казалось передовым умам того времени, могли быть разрешены именно с помощью демократии.

Свое политическое и идейное отражение эти устремления нашли в так называемом прогрессивном (прогрессивистском) движении, под властью которого находилась Америка на протяжении первых двух десятилетий минувшего столетия и которое было столь значительным, что дало название целому периоду в истории американского общества: Прогрессивная Эра.

«Обострение социальных противоречий эпохи империализма (между монополиями и основными слоями нации) в начале XX в. вызвало к жизни демократические движения, – констатируют отечественные историки-американисты. – Рассматривая их, следует, прежде всего, помнить, что под этим термином, вошедшим в употребление в период зарождения и развития прогрессизма или прогрессивизма, а также антиимпериалистического движения, понимаются выступления средних слоев и интеллигенции за чистоту политических нравов и за реформы, направленные на расширение демократических прав и ограничение влияния моно-

⁹⁴ Burns E. Ideas in Conflict. The Political Theories of the Contemporary World. N. Y., 1960. P. 3.

полий. Последнее обстоятельство дает право говорить об антимонополитической оппозиции начала XX века. Борьба против экономических и политических привилегий монополий охватила широкие слои населения. Теперь – в отличие от конца XIX в. – в антимонополистическом движении основной силой были не фермеры, а многочисленные представители городской мелкой и отчасти средней буржуазии. Видная роль принадлежала интеллигенции»⁹⁵.

Примерно ту же картину, хотя и с несколько иными акцентами, рисуют американские исследователи. По словам Р. Гэбриэла, прогрессизм был первой эффективной попыткой американского народа разрешить проблемы, порожденные «нерегулируемым индустриализмом»⁹⁶. «Прогрессизм был массовым движением, которое объединяло различные элементы американского общества... Это был крестовый поход, в котором фермеры, наемные работники и представители малого бизнеса маршировали плечом к плечу. В демократических Соединенных Штатах философия такого движения не могла быть выражена в четких и логичных формулах. Прогрессизм был (в идейном плане – Э.Б.) своеобразным попури социальных теорий и верований»⁹⁷.

И все же мы можем выделить ряд существенных общих черт, которые характеризовали как само это движение, так и доктрины его главных идеологов. Это прежде всего оптимизм и вера в социально-политический прогресс. Пройдет всего несколько лет, грянет Первая мировая война, потом наступит «великая депрессия» и от этой веры останется едва заметный след. Но тогда, в начале нового века очень многим в Америке казалось, что «утренняя заря всегда будет ясной, а прогресс – бесконечным»⁹⁸.

Другой существенной чертой, объединявшей прогрессистов, включая их идеологов, были гуманизм и вера в человека как активного творца собственного счастья. «Их главной мыслью было благосостояние людей. Они верили, что человек способен, опираясь на свой интеллект, переделать общество, способен стать творцом мира, организованного во благо человека (for man's advantage)... Оптимистическая доктрина человека, на которой был основан прогрессизм, была свидетельством того, как далеко американский народ отошел от догмы Кальвина о человеческой испорченности. Кальвин учил, что люди, будучи изначально порочны, могут спастись только милостью Божией. Прогрессизм был осознанной попыткой первого поколения американцев двадцатого века [самостоятельно] спасти себя»⁹⁹.

Но кальвинизм не был подвергнут полному отрицанию: прогрессисты полагали, что реализовать свой творческий потенциал индивид способен лишь при условии следования по пути добродетели и ориентации на высокие моральные принципы.

Наконец, еще одной существенной чертой прогрессизма была непоколебимая вера в демократию. Пути ее очищения и совершенствования искали политические деятели и философы, публицисты и политические аналитики. Это были персоны разного масштаба и дарования, а значит и разного влияния на общество: президент США В. Вильсон и университетский профессор Дж. Смит; сенатор Р. Лафоллетт и президент Гарвардского университета А. Лоуренс; известные журналисты У. Уэйл и Г. Кроули; выдающийся американский философ Д. Дьюи и крупный историк Ч. Бирд и еще десятки людей, о наиболее видных из которых пойдет отдельный разговор.

Однако прогрессистское пиршество продолжалось недолго. Конец второго – начало третьего десятилетия стали рубежными в истории американской демократии первой половины

⁹⁵ История США в четырех томах. Том второй. М., 1985. С. 236. Принимая во внимание, что «интеллигенция» – феномен чисто российский, применительно к Америке правильнее было бы, наверное, говорить не об «интеллигенции», а о рабочих умственного труда.

⁹⁶ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. P. 360.

⁹⁷ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. P. 360.

⁹⁸ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. P. 351.

⁹⁹ Gabriel R. The Course of American Democratic Thought. P. 361.

XX века, ознаменовав начало ее вступления в полосу кризиса. Как писал в 1940 году профессор Гарвардского университета Ральф Перри, «двадцать пять лет назад, хотя эра развенчания и утраты иллюзий уже обозначилась к тому времени, огромная масса американского народа и огромное большинство его лидеров были непоколебимы в своей приверженности традиционной демократии. И даже сегодня взгляды (mind) американцев не претерпели глубоких изменений. Но за время, минувшее с 1918 года, мы скатились в глубокую яму скептицизма и упадка духа. Возмужание послевоенного поколения американской молодежи происходило условиях экономической депрессии и конфликтующих идеологий. Все значительные победы одерживают явные враги демократии...»¹⁰⁰.

Такая ситуация была порождена стечением ряда обстоятельств – внешних и внутренних. Кризис американской демократии стал частью мирового кризиса демократических институтов и практик. После появления теории «волн демократизации» (она рассматривается в третьей главе предлагаемой работы) именно 20–40-е годы XX в., а точнее период с 1922 по 1942 г. (по схеме С. Хантингтона) стал отождествляться с «первым откатом» после «первой, длинной волны демократизации» (1828–1926), когда демократия потерпела поражение во многих странах мира¹⁰¹. «Эти смены режимов, – заключает Хантингтон, – отражали расцвет коммунистических, фашистских и милитаристских идеологий. Во Франции, Великобритании и других странах, где демократические институты сохранились, антидемократические движения набирали силу, черпая ее в отчуждении 1920-х гг. и депрессии 1930-х гг. Война, которая велась ради того, чтобы завоевать мир для демократии, вместо этого стимулировала движения, как справа, так и слева, настойчиво стремящиеся уничтожить ее»¹⁰².

Хантингтон не упоминает в ряду перечисленных стран Соединенные Штаты. И вполне обоснованно. Там не было массовых антидемократических движений, направленных на смену политического режима. Не получили там сколько-нибудь широкого распространения коммунистическая (социалистическая), фашистская и милитаристская идеологии. Но и в Америке сложилась ситуация, которую можно назвать кризисной. Прежде всего, надо сказать, что «откат», о котором говорит Хантингтон, не остался незамеченным за океаном и вызвал тревогу среди немалой части американских демократов, заставив их всерьез задуматься о прочности и эффективности существующих в стране демократических институтов и о жизнеспособности политических режимов как таковых. Во-вторых, стало очевидным, что большинство пунктов сформулированной прогрессистами демократической повестки дня остались нереализованными, а многое из того, чего удалось добиться, не оправдало или не вполне оправдало надежд и ожиданий – зачастую завышенных – его бывших активистов и сторонников. Демократия уже не воспринималась как универсальное средство решения встающих перед обществом проблем.

Был и еще один – возможно, главный – источник беспокойства американцев за судьбы демократии в своей стране: «великая депрессия», потрясшая общество и державшая его в

¹⁰⁰ Perry R. Shall not Perish from the Earth. N.Y., 1940. P. 19–20.

¹⁰¹ «Первый откат, – пишет Хантингтон, – начался в 1922 г. с месяца марта в Риме, когда Муссолини с легкостью получил в свое распоряжение непрочную и порядком коррумпированную итальянскую демократию. Чуть больше десятилетия понадобилось, чтобы едва оперившиеся демократические институты в Литве, Польше, Латвии и Эстонии были свергнуты в результате военных переворотов. Такие страны, как Югославия и Болгария, никогда не знавшие реальной демократии, подчинились новым формам более жесткой диктатуры. Захват власти Гитлером в 1933 году покончил с демократией в Германии, сделал неизбежной гибель австрийской демократии в следующем году, разумеется, в итоге положил в 1938 г. конец чешской демократии. Греческая демократия, уже в 1915 г. расшатанная Национальным Расколом, была окончательно похоронена в 1936 г. Португалия в 1926 г. стала жертвой военного переворота, повлекшего за собой долгую диктатуру Салазара. Военные путчи произошли в 1930 г. в Бразилии и Аргентине. Уругвай вернулся к авторитаризму в 1933 г. Военный переворот 1936 г. привел к гражданской войне в Испании и гибели Испанской республики в 1939 г. Новая, ограниченная демократия, установленная в 1920-е гг. в Японии, в начале 1930-х гг. оказалась вытеснена военным правлением» (Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. Пер. с англ. М., 2003, С. 28).

¹⁰² Хантингтон С. Третья волна. С. 28–29.

напряжении на протяжении нескольких лет, и «новый курс», провозглашенный Франклином Делано Рузвельтом в ответ на эту депрессию. Немалая часть американской общественности отвергала его, особенно в первое время. Одни видели в нем чуть ли не путь к фашизму, другие полагали, что он служит «прологом к коммунизму в Америке»¹⁰³. Но и те, и другие полагали, что «новый курс», делавший ставку на усиление роли государства в жизни общества (а, значит, и расширение функций аппарата исполнительной власти, и без того ставшего разбухать после Первой мировой войны) и расшатывавший основы старой идеологии «твердого индивидуализма», ограничивал права и возможности «простого человека» и подрывал основы демократии.

Сегодня в истории американской политической мысли преобладает иная точка зрения. Суть ее такова: Рузвельт совершил своеобразную политическую революцию, в ходе которой демократия была не уничтожена, а преобразована, причем это преобразование вписывается в русло американских традиций. По словам историка политической мысли Мортон Фриша, «... трансформация традиционной американской демократии в государство благосостояния с его регулируемой или контролируемой экономикой выглядит более революционной, чем это есть на самом деле... Рузвельт отверг патерналистское государство благосостояния, когда он отверг социализм. Таким образом, вместо того, чтобы говорить, что традиционная американская демократия была подорвана в период Нового Курса, правильнее было бы сказать, что значение американской политической традиции претерпело в это время глубокое изменение. Рузвельт, – признает Фриш, – конечно же, подверг очень глубокой реинтерпретации эту традицию, ибо нет сомнений, что государство благосостояния несовместимо с некоторыми чертами традиционной американской демократии. Но Рузвельт, как государственный деятель, который ввел принцип благосостояния, не считал это радикальным изменением; то есть, это не было изменением, затрагивавшим *корни* системы. Последние остаются в сохранности. Новый курс выполнил функцию, которая по сути своей была скорее реставраторской или консервативной, нежели конститутивной»¹⁰⁴.

Рузвельт в итоге добился «сохранения либеральных демократических институтов в период кризиса»¹⁰⁵, но сделал это, как верно говорит Фриш, за счет некоторого переосмысления этих понятий. А правильнее, наверное, сказать, Рузвельт дал основание американским теоретикам, опираясь на опыт «нового курса», обогатить представление о либерализме и демократии, показав, что либеральные по сути принципы совместимы с некоторым ограничением рыночной стихии, а демократия в принципе не исключает расширения масштабов государ-

¹⁰³ Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. N.Y., 1948. P. 73.

¹⁰⁴ American Political Thought: The Philosophic Dimension of American Statesmanship. Ed. by Morton J. Frish and Richard G. Stevens. Itasca (111.), 1983 (1971). P. 320–321. Курсив в тексте – Э.Б. Рузвельт изначально выступал за усиление роли государства и, в частности, роли президента. В этом убеждает уже первая инаугурационная речь, с которой он выступил 4 марта 1933 года. Новый глава государства говорил о необходимости взяться за решение актуальных задач «так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях» (Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 384); о «государственном планировании и контроле над всеми видами транспорта, связи и прочих услуг явно общественного характера» (там же, с. 385); о «строгом контроле над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью» (там же, с. 386). Он призвал сограждан двигаться вперед «дисциплинированной, верноподданной армией (слово «армия» он употребил в своей речи несколько раз – Э.Б.), готовой на жертвы ради общей дисциплины, ибо без такой дисциплины невозможно движение вперед, невозможно эффективное руководство» и требовал согласия «подчинить свою жизнь и свое достоинство такой дисциплине, открывая возможность для руководства, нацеленного на большое благо» (там же, с. 386). Рузвельт не исключал возможности «временно отойти от нормально сбалансированного государственного процесса» (там же, с. 386) и предупреждал, что может обратиться к Конгрессу с просьбой о предоставлении ему «широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага» (там же, с. 386–387). При этом Рузвельт выражал уверенность «в будущем основ демократии» (там же, с. 387) и подчеркивал, что предлагаемый им курс не противоречит «форме власти, унаследованной нами от предков» и что «чрезвычайные требования» вполне соответствуют нормам Конституции США, которая «столь проста и практична, что всегда можно ответить на чрезвычайные требования, переставляя акценты и меняя порядок слов, не утратив сути» (там же, с. 386).

¹⁰⁵ American Political Thought: The Philosophic Dimension of American Statesmanship. P. 319.

ства, повышения его роли в обществе и осуществления государственными органами (прежде всего исполнительными) регулирующих и дисциплинирующих функций. Иначе говоря, сильное, деятельное государство и сильный властный президент совместимы с демократией, если то, что делает власть, отвечает не только *объективным интересам* народа, но и его *воле* и осуществляется с его *согласия*.

Однако понято это основной массой американцев было позднее¹⁰⁶. А в 20-30-е годы американская демократия рассматривалась многими в США не только как пребывающая в состоянии кризиса, но, возможно, и стоящая перед угрозой самого существования. Громче зазвучали в это время и голоса откровенных противников демократии, как, например, американского психолога Уильяма Макдаугалла, считавшего человека существом иррациональным и руководствующимся в своем поведении в основном инстинктами¹⁰⁷.

Все это – и экономическая депрессия, и кризис демократических институтов и практик, и страх американцев за судьбу демократии в стране, а с конца 30-х – начала 40-х годов еще и новая мировая война, поставившая ряд новых проблем – во многом определили направление развития и содержание американской демократологии тех лет. Ее интересуют вопросы о путях совершенствования и адаптации национальных демократических институтов и механизмов к новым условиям, порожденным экономической депрессией и «новым курсом»; об отношении между тремя ветвями власти и в первую очередь – между Конгрессом и Белым домом; о функциях и роли государства; об отношениях между властями (государством) и рядовыми гражданами; о том, как поставить новейшие достижения науки и техники на службу демократии. Сохраняется интерес к таким традиционным вопросам, как понятие, сущность, формы демократии, ее возможности и перспективы. С началом Второй мировой войны и военными успехами Германии и ее союзников особую актуальность приобретают вопросы о судьбе демократии не только в отдельных странах и на отдельных континентах, но и в мире в целом. А когда становится очевидным исход войны, все шире начинает обсуждаться вопрос о становлении послевоенного мирового демократического порядка.

Заметно меняется состав людей, исследующих проблемы демократии. Как было показано выше, в Америке с момента становления республики в разработке этих проблем активное участие принимали крупные государственные деятели, включая президентов Соединенных Штатов. Достаточно упомянуть имена Джефферсона, Мэдисона, Адамса, Джея, Гамильтона, Линкольна, позднее – Вильсона, Лафоллетта и других. Со второй четверти XX века положение меняется существенным образом: ведущие государственные деятели продолжают выступать с речами, писать книги, затрагивающие среди прочих и вопросы, имеющие отношение к политической теории, однако сколько-нибудь заметного вклада в последнюю они больше не вносят¹⁰⁸. Разработка теории демократии становится исключительной заботой профессиональных поли-

¹⁰⁶ Конечно, и в 30-е годы были люди, не склонные оценивать взятый Рузвельтом курс как антидемократический. «Опыт учит, – писал молодой, но уже получивший известность историк-либерал Генри Коммаджер, – что истинная угроза нашим свободам исходит не от правительства, а от не признающих законы и безответственных привилегированных групп, которые не хотят себя дисциплинировать и нуждаются в том, чтобы их заставили признать коллективную регламентацию. Надо надеяться, что американский народ не даст себя обмануть воплями о «свободе», в которых нет ничего от свободы, и старомодными символами индивидуализма. Надо надеяться, что он увидит, как видел и в прошлом, что демократия, свобода и реальная справедливость будут достигнуты с помощью закона и правительства» (Commager H. "Regimentation": A New Bogy. – "Curtant History", July 1934. P. 391. Цит. по: Сивачев Н.В., Язков Е.Ф. Новейшая история США. М., 1980. С. 111).

¹⁰⁷ McDougall W. An Introduction to Social Psychology. Boston, 1921.

¹⁰⁸ Даже те, кто высоко оценивает Франклина Рузвельта как политика, отказывают ему в признании в качестве теоретика. «Нет сомнений, – пишет Мортон Фриш, – что Франклин Д. Рузвельт как мыслитель и государственный деятель стоит ниже Авраама Линкольна. Если мы должны признать, что он был наделен практической мудростью и умеренностью, то мы не можем сравнивать его с Линкольном по глубине понимания (depth of understanding). Успешное овладение ситуацией в годы Великой Депрессии... требовало необычайного практического разума и умеренности. Рузвельт обладал этими качествами. Но это не значит, что он обладал мудростью теоретика» (American Political Thought: The Philosophic Dimension of American Statesmanship. С. 319).

тологов – университетских профессоров, а позднее сотрудников специализированных исследовательских организаций («фабрик мысли»).

Действительно, среди демократологов, заявивших о себе в 30-40-е годы заметными исследованиями, мы практически не видим ни журналистов, ни крупных политиков. Были, конечно, исключения, как, например, Гаролд Икее, занимавший крупные посты в администрации Франклина Рузвельта и выпустивший в 1934 году книгу «Новая демократия»¹⁰⁹, или Эмери Ревеш, издатель и видный общественный деятель (кстати сказать, имевший экономическое образование), который написал две вызвавшие резонанс книги, посвященные мировой федерации демократических государств¹¹⁰. Уолтер Липпманн, популярный политический обозреватель, был философом, и его исследования, в которых рассматривались проблемы демократии, – это работы философа и социолога, а не журналиста¹¹¹. Большинство же демократологов принадлежали к плеяде университетских профессоров. Одни были философами, как Джон Дьюи¹¹², Ральф Перри и Лоуренс Степлтон¹¹³. Другие – политологами, как Карл Фридрих¹¹⁴, или представлявшие знаменитую Чикагскую школу политической науки Чарлз Мерриам и Гаролд Лассуэлл¹¹⁵. Третьи – историками, как Генри Коммаджер и Карл Бекер¹¹⁶.

Заметные изменения происходят в 30-40-е годы в теоретикометодологической базе демократологических исследований. Это было вызвано, как и изменение состава демократологов, несколькими причинами. Одна из них – дальнейшее развитие политической науки, перевод ее на эмпирические рельсы, что было ответом на изменившиеся потребности эпохи: усложнение политического процесса требовало проведения высокопрофессиональных исследований, опирающихся на солидную эмпирическую основу. Как пишет один из крупнейших представителей политической науки Дэвид Истон, за первую половину XX столетия американская политическая наука успела совершить переход от так называемой формальной (легалистской) стадии к традиционной и в ее недрах начала происходить идейно-теоретическая подготовка к новой стадии, о которой речь впереди.

Первоначально политическая наука исходила из представления, что и политические институты, и действующие в их рамках люди функционируют в более или менее точном соответствии с формальными (легальными) нормами, описываемыми Конституцией страны и другими нормативными актами. Поэтому, имея представление о законах, регулирующих распределение власти в политической системе, мы знаем, как действует последняя. Однако со временем выяснилось, что власть может концентрироваться не только в формальных, описываемых законом структурах, но и в структурах неформальных, которыми обрастают формальные институты. «Эти открытия, – пишет Истон, – ознаменовали начало новой стадии развития [американской] политической науки, переключающей внимание с формальных, легальных структур на неформальную практику, складывающуюся вокруг последних. Это изменение, которое произошло в конце XIX в., достигло полного размаха к 1920-м годам. Люди, которые получили

¹⁰⁹ *Ickes H. The New Democracy. N.Y., 1934.*

¹¹⁰ Его концепция мировой федерации демократических государств рассматривается в параграфе «Демократия: планы на будущее» (глава первая).

¹¹¹ Взгляды Липпмана на демократию рассматриваются в параграфе «Предтеча творцов элитистских концепций демократии» (глава вторая).

¹¹² Взгляды Дьюи на демократию рассматриваются в параграфе «Демократия, политика, общество» (глава первая).

¹¹³ *Perry R. Shall not Perish from the Earth. N.Y., 1940; Stapleton L. The Design of Democracy. N.Y., 1949.*

¹¹⁴ *Friedrich C. The New Belief in the Common Man. Boston, 1942.*

¹¹⁵ Взгляды Ч. Мерриам и Г. Лассуэлла на демократию рассматриваются в параграфе «Пионеры из Чикагской школы» (глава первая).

¹¹⁶ *Commager H. Majority Rule and Minority Rights. L., N.Y., Toronto, 1943; Becker C. Modern Democracy. New Haven, L., 1941.*

подготовку в США в период с 1920-х по 1940-е, были обращены к тому, что стали называть традиционной политической наукой»¹¹⁷.

Позднее, в послевоенные годы в американской политической науке произойдет так называемая бихевиоралистская революция, которая на протяжении нескольких десятилетий будет определять основное направление развития этой науки. Однако начало этому процессу было положено еще в 30-е годы. И в роли пионеров тут выступила группа исследователей, которая вошла в историю американской и мировой политической мысли под названием Чикагской школы, уделявшей первостепенное внимание проблемам демократии.

Завершая обзор общих контуров поля демократологических исследований первой половины XX века, необходимо отметить, что его границы имеют условный характер. Научная деятельность некоторых политологов, как, например, Уолтер Липпманн, растянулась на десятилетия. Его первая крупная работа, затрагивающая демократологическую проблематику («Общественное мнение») была впервые опубликована в 1922 году, а одна из последних книг, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме («Очерки публичной философии») – в 1955-м. Поскольку эти и некоторые другие работы Липпмана связаны единой исследовательской логикой, мы сочли целесообразным рассмотреть его демократологические конструкции во второй части книги, охватывающей большую часть второй половины XX века.

Совсем иной случай – Йозеф Шумпетер. Его эпохальный труд «Капитализм, социализм и демократия», был впервые опубликован в 1942 году и, казалось бы, должен рассматриваться в первой части нашей работы. Но предметом споров и обсуждений, оказавших огромное влияние на развитие демократологической мысли, он стал значительно позднее, когда автора уже не было в живых. И именно в контексте этих дискуссий выявились истинный смысл и значение концепции Шумпетера. Отсюда и перенесение ее рассмотрения во вторую часть данной работы.

По-другому обстоит дело с Гарольдом Лассуэллом. Его продуктивность и широта научных интересов поражают. Он – автор, соавтор, редактор и соредактор около шестидесяти книг и нескольких сотен статей, покрывающих многие сферы политической науки. Но основные исследования, в которых раскрываются его представления о демократии и которые определили его вклад в демократологию, были подготовлены и опубликованы в первой половине XX века. К тому же они сформировались в рамках Чикагской школы, деятельность которой пришлась на 20–40-е годы. Поэтому концепция Лассуэлла рассматривается в первой части работы. Но прежде чем говорить о «чикагцах», обратимся к демократологическим разработкам его предшественников и начнем с прогрессистов.

¹¹⁷ *Easton D. Political Science in the U.S. Past and Present // Divided Knowledge. Ed. by Easton D., Schelling C. L., 1991. P. 39.*

В борьбе за «новую демократию»

В Америке XX века, особенно в первые его десятилетия, определение «новый», прилагаемое к разного рода идейно-политическим курсам, стратегиям, течениям, было, как верно замечает историк американской политической мысли Чарльз Форси, весьма популярным. Говорили и писали о «новом национализме», «новой свободе», «новом федерализме», «новом индивидуализме»¹¹⁸. В этот ряд вписывалась и «новая демократия». Именно так Вудро Вильсон, пришедший в 1912 году в Белый дом, назвал свою официальную программу. И это не было случайным.

Критика (с демократических позиций) сложившейся в стране политической системы и идейного наследия, доставшегося от «отцов-основателей», а также предложения по совершенствованию и реформированию существующих демократических институтов и ценностей и формированию демократии нового типа были характерны для Америки в годы прогрессивной эры. В январе 1912 года выходит книга влиятельного журналиста (экономиста по образованию) Уолтера Уэйла «Новая демократия. Очерк некоторых политических и экономических тенденций в Соединенных Штатах»¹¹⁹. Незадолго до этого, в 1909 году была опубликована (переизданная в 1910 и 1911 годах) книга издателя журнала «Нью Рипаблик» и крупного публициста Герберта Кроули «Обетование американской жизни»¹²⁰. Помимо Кроули и Уэйла, участие в формировании демократической теории нового типа принимали такие известные в те годы фигуры, как профессор Колумбийского университета Дж. А. Смит; профессор, а с 1909 года президент Гарвардского университета Л. Лоуэлл; видный историк Ч. Бирд. Что касается крупных политиков, которые были одновременно и известными авторами сочинений на политические темы, то тут в первую очередь следует упомянуть президента США Вудро Вильсона и сенатора Роберта Лафоллетта.

Основная масса прогрессистов, не отрицая значения свободы как фундаментальной ценности демократии, отождествляла последнюю прежде всего с *системой власти (government), основанной на правлении большинства (majority rule)*. Как справедливо замечает связи с этим Э. Бернс, такое понимание демократии было созвучно «идее о том, что глас народа есть глас Божий»¹²¹. Воля народа, представляемого его большинством, суверенна, большинство всегда право, и только оно может выступать в роли судьи, выносящего свой вердикт относительно правильности или неправильности политического курса, проводимого властями и принимаемых ими решений.

Столь отчетливо выраженная, хотя и не всегда последовательно проводимая *антиэлитистская промажоритарная интерпретация демократии* (сложившаяся в прогрессистском движении не без влияния со стороны популистов и, в частности, У. Брайана¹²²), выступала в качестве исходной позиции и для критики существующих демократических институтов, и

¹¹⁸ Forcey Ch. The Crossroads of Liberalism. Croly, Weyl, Lippmann and the Progressive Era. 1900–1925. N. Y., 1961. P. XIII.

¹¹⁹ Weyl W. E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964 (1912).

¹²⁰ Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965 (1909). В Советском Союзе и в России название книги Кроули переводили как «Перспективы американской жизни». Думается, слово «обетование» будет более точным переводом английского слова «promise» (promised land – земля обетованная).

¹²¹ Burns E. Ideas in Conflict. P. 4.

¹²² Ярким подтверждением позиции У. Брайана, утверждавшего, что требования большинства, каковы бы они ни были, и как бы к ним ни относились сами политики, должны рассматриваться как стандарт политического и морального права, было его отношение к свободной чеканке серебряных денег – требование весьма популярное в Америке начала XX века. «Я ничего не смыслю в серебряных деньгах, – говорил Брайан, выступая перед избирателями штата Небраска, – но их хочет народ Небраски, поэтому их хочу и я. Что касается аргументов, то я подышу их потом» (Цит. по: История США в четырех томах. Том второй. М., 1985. С. 38).

для выдвижения предложений по их совершенствованию и реформированию. Эта позиция, как легко заметить, расходилась с требованием защиты прав меньшинства и подтверждала, как полагали некоторые критики, традиционные опасения относительно возможности возникновения тирании большинства. Разумеется, прогрессисты не были воплощением такой «тирании», но сама ее возможность в их позиции присутствовала. Эта позиция служила лишним свидетельством того, что такая социальная общность, как масса (а прогрессизм, как и популизм, можно – независимо от различия их социальных основ – рассматривать как движения массового, а не классового типа) по сути своей авторитарна и даже если она действует в рамках демократического движения, эта ее черта не может не давать о себе знать.

Публикация книги Кроули вызвала широкий общественный резонанс, в том числе в правительственных кругах. Авторитетный американский политический деятель и юрист, член Верховного Суда США, советник Вудро Вильсона Феликс Франкфуртер писал в 1930 году, что следы влияния «Посул американской жизни» можно было обнаружить во многих политических сочинениях, появившихся после публикации книги Кроули. «Новому национализму [Теодора] Рузвельта противостояла Новая свобода Вильсона, но и одно, и другое имели своим источником Кроули»¹²³. Правда, известный историк Артур Шлесинджер-мл., приводящий это высказывание Франкфуртера в своем предисловии к новому изданию труда Кроули, подвергает сомнению вывод своего маститого коллеги, но при этом и сам дает высокую оценку книге одного из главных теоретиков прогрессизма, утверждая, что «она оказала непосредственное и широкое влияние на то, что историки стали называть Прогрессивной эрой»¹²⁴.

Задачу, вставшую перед Америкой в начале нового века, Кроули видел в том, чтобы ввести происходившие в стране бурные изменения в регулируемое русло, не допустить глубокого социального раскола, а в итоге – более рационально и организованно реализовать заложенный в американском обществе творческий потенциал («обетование»).

Кроули был обеспокоен тем, что американцы, как ему казалось, придерживались лэссэ-эристовского курса, исходя из допущения, что «посулы» осуществляются автоматически. На самом деле, утверждал он, чтобы реализовать их, необходимо «отбросить традиционный американский патриотический фатализм» и трансформировать эти самые национальные «посулы» «в более близкий эквивалент национальной цели, осуществление которой требует осознанной работы»¹²⁵. И работу эту должно возглавить «позитивное государство», под которым он понимал сильное национальное капиталистическое государство, способное проводить необходимые реформы внутри страны и защищать национальные интересы на международной арене. Таков один из базовых постулатов Кроули: *сильное государство нуждается в демократии, демократия нуждается в сильном государстве*. «Демократия, конечно, не сможет выполнить своей миссии без того, чтобы государство, в конечном счете, взяло на себя осуществление многих функций, выполняемых ныне индивидами и без явного принятия на себя ответственности за более совершенное (improved) распределение богатства...»¹²⁶.

В этих целях государство должно взять на себя функцию социального планирования. «Планирующий департамент демократического государства, – писал Герберт Кроули в своей новой книге «Прогрессивная демократия», опубликованной в 1914 году, – создан для действия... Его планы простираются вперед настолько, насколько позволяют или диктуют условия. Он изменяет свои планы так часто, как того требуют условия. Он стремится помимо всего

¹²³ *Frankfurter F.* Herbert Croly and American Public Opinion // *New Republic*, July 16, 1930. Цит. по: Schlesinger A. Jr. Introduction. Croly H. *The Promise of American Life*. Cambr. (Mass.), 1965. P. V. «Новая свобода», упоминаемая Франкфуртером, – один из лозунгов В. Вильсона, использовавшийся им в ходе избирательной кампании и предполагавший ограничение всевластия монополий и свободу конкуренции.

¹²⁴ *Schlesinger A. Jr.* Introduction. Croly H. *The Promise of American Life*. Cambr. (Mass.). 1965. P. V.

¹²⁵ *Croly H.* *The Promise of American Life*. Cambr. (Mass.), 1965. P. 21.

¹²⁶ *Croly H.* *The Promise of American Life*. Cambr. (Mass.), 1965. P. 209.

прочего подвергнуть свои собственные планы проверке, дабы выяснить, приведут ли они к достижению желаемого результата»¹²⁷.

Кроули выступает против узкого, чисто политического толкования демократии. «Популярные определения [демократии] грешат тем, что описывают ее как механизм (machinery) или как некий частный (partial) политический или экономический объект. Демократия не означает просто правление народа (government by the people) или правление большинства (majority rule) или всеобщее избирательное право»¹²⁸. Все эти политические формы или, как называет их Кроули, приспособления (devices) – часть «необходимой организации» демократии, и они должны быть направлены на достижение «благотворной и созидательной цели». «Подлинно созидательная цель не ограничивается исключительно индивидуальной свободой, хотя она должна открывать перед индивидуальной свободой широкие просторы. Не ограничивается она и одними лишь равными правами, хотя она всегда должна быть направлена на укрепление социальных уз, предоставляемых этим принципом. Благотворная и созидательная демократическая цель заключается в использовании демократической организации для обеспечения развития человеческой индивидуальности вкупе с совершенствованием общества»³.

Такая демократия, считает Кроули, является одновременно «индивидуалистической и социалистической»¹²⁹. Кроули – противник социализма как общественного строя или как определенной социально-политической доктрины. Но тут следует иметь в виду, что в первой половине XIX века, да и позднее «социализм» порой истолковывали как антииндивидуализм. В этом смысле использует термин «социализм» и Кроули. Он подчеркивает, что демократия, о которой ведется речь, направлена на благо всего народа. «Определение подлинно демократической организации как такой организации, которая явно (expressly) и целенаправленно способствует развитию человеческой индивидуальности и совершенствованию общества – это не что иное, как перефразировка утверждения, что такая организация должна явно и целенаправленно работать на обеспечение благосостояния (welfare) всего народа»¹³⁰.

Кроули допускает возможность существования в демократическом обществе классовых конфликтов. Но при этом полагает, что если государством проводится «политика, разумно направляемая стремлением поддерживать объединенный процесс индивидуального и общественного совершенствования (amelioration)», то оно сможет «поддерживать демократию в добром здравии как на уровне чувств, так и на уровне идеи. Такая демократия была бы направлена не на достижение либо свободы, либо равенства в их абстрактных выражениях, а на достижение свободы и равенства, поскольку они способствуют формированию человеческого братства»¹³¹.

Демократическое государство не должно никому предоставлять привилегий, но оно не должно прибегать и к насилию при проведении политики, направленной на «более совершенное распределение богатства»: «...если при какой-либо попытке достичь этого результата будут использованы насильственные средства, то она, вероятнее всего, потерпит провал»¹³².

Кроули характеризуют порой как прагматика и приверженца использования научных методов в политике. И в этом есть доля истины. Многие прогрессисты связывали с развитием науки и социальным экспериментированием надежды на успешное реформирование общества. В то же время Кроули предупреждал о недопустимости превращения демократов в слепых приверженцев научных методов. «Демократия, – настаивал он, – никогда не может позволить

¹²⁷ Croly H. Progressive Democracy. N. Y., 1914. P. 370–371.

¹²⁸ Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 207.

¹²⁹ Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 209.

¹³⁰ Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 207.

¹³¹ Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 207.

¹³² Croly H. The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 209–210.

науке определять свою фундаментальную цель, поскольку целостность этой цели зависит, в конечном счете, от освящения воли (consecration of the will)¹³³.

Но Кроули был еще и моралистом. И свою политическую программу, названную им «новым национализмом», он рассматривал как воплощение моральных принципов. Причину «существенного превосходства» демократии (как он ее понимал) над другими формами «политической организации» Кроули объяснял тем, что «демократия – это наилучший возможный перевод на политический и социальный язык авторитетной и всеобъемлющей моральной идеи...»¹³⁴.

Еще более основательную разработку демократическая проблематика получила в «Новой теории демократии» Уолтера Уэйла. В чем-то его позиция перекликалась с построениями Кроули, в чем-то дополняла их, в чем-то расходилась с ними. Но обе позиции ярко высвечивали стремление теоретических лидеров прогрессистов, каковыми были Кроули и Уэйл, построить в любимой ими Америке демократическое общество, существенно отличающееся от того, которое они видели перед собой.

Как и другие прогрессисты-идеологи, Уэйл ставит своей целью разработать не абстрактную универсальную теорию демократии, пригодную для всех стран и времен, как это делали европейские классики, а конкретную теорию – можно даже сказать, модель – ориентированную на современные Соединенные Штаты с их историческими, политическими и иными особенностями. Вместе с тем некоторые положения своей теории Уэйл, судя по его высказываниям, рассматривал как имеющие более общий характер. Это относится прежде всего к характерной и для других реформаторов ориентации на ненасильственный мирный переход к той разновидности демократии, которую Уэйл называет «новой».

Необходимость такого перехода связана, по мнению американского исследователя, по меньшей мере с двумя причинами. Во-первых, с несовершенством унаследованной от предков демократии, к которой Уэйл относится весьма критически, называя ее «тенью». Как пишет, поясняя это определение Форси, автор «Новой демократии» хотел сказать, что «индивидуальные права и властные возможности, которыми располагают американцы, [на деле] имеют куда менее важное значение, чем предпочтение (favoritism), отдаваемое консервативным собственническим интересам, которое с самого начала было встроено в политическую систему»¹³⁵.

Предоставляя гражданам политические права, «отцы-основатели» не позаботились об их экономических правах. «Право неприкосновенности личности, право ношения оружия, права свободы слова и печати не могли обеспечить работу седовласому гражданину, не могли защитить его от низкой зарплаты или высоких цен, не могли спасти его от заключения в тюрьму на основании приговора за преступление, совершенное по причине отсутствия видимых средств к существованию. Сила нашей индивидуалистической демократии могла быть достаточной, чтобы заменить одного экономического деспота другим, но она не могла предотвратить экономический деспотизм»¹³⁶.

В этом отношении, как резонно замечает Форси, позиция Уэйла, предвосхитила позицию видного историка Чарльза Бирда, автора появившейся годом позднее «Экономической интерпретации Конституции Соединенных Штатов» – труда, принесшего ему широкую известность и не раз с тех пор переиздававшегося. Воздавая должное создателям Основного закона страны, равно как и авторам «Федералиста», Бирд показывает, что отцы-основатели были заинтересованы в том, чтобы в максимально возможной степени защитить интересы частных собственни-

¹³³ *Croly H.* Progressive Democracy. N.Y., 1914. P. 404.

¹³⁴ *Croly H.* The Promise of American Life. Cambr. (Mass.), 1965. P. 208.

¹³⁵ *Forcey Ch.* Introduction to the Torchback Edition. Weyl W. E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. X.

¹³⁶ *Weyl W. E.* The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N.Y., 1964 (1912). P. 162.

ков, преградить путь к избирательным урнам значительной части населения, а в итоге «отбить натиск уравнительной демократии»¹³⁷.

Впрочем, и у Уэйла были предшественники, на которых он мог опереться в своей критике американской демократии. Это, в частности, Дж. А. Смит, автор книги «Дух американского правительства», в которой он подверг критике как недостаточно демократические принципы политической организации общества, зафиксированные в Конституции США, а ее создателей представил чуть ли не как заговорщиков, которые, действуя за закрытыми дверями (так оно и было) создали документ, направленный на предотвращение правления большинства. Конституция установила политические механизмы, фактически обеспечивающие имущественные права меньшинства и препятствующие созданию общества всеобщего благосостояния¹³⁸, – таково заключение Смита.

Но вернемся к Уэйлу. Как уже говорилось, ущербность демократии, основы которой были заложены «отцами-основателями», стала лишь одной из причин, побудивших его заговорить о необходимости формирования «новой демократии». Вторую причину необходимости перехода к ней Уэйл видел в изменениях, прежде всего социальных, происходивших в Соединенных Штатах Америки и воцарении в стране «нового духа». Духа, который «придает особое значение общественной, а не частной этике, общественной, а не индивидуальной ответственности»¹³⁹. Новая американская демократия не должна быть «никакой иной, кроме как социализированной демократией, которая смотрит на общество как на целое, а не как на более или менее случайное скопление мириадом индивидов»¹⁴⁰.

Позиция Уэйла шла вразрез с традиционным американским индивидуализмом – одной из основ американской цивилизации – и сближала его с социалистами. Но социалистом Уэйл не был, как не был он и коллективистом. В увязке интересов индивида с интересами общества он видел оптимальный путь обеспечения прав личности и развития заложенного в ней потенциала. «Внутренняя душа нашей новой демократии – это не негативно и индивидуалистически интерпретированные неотчуждаемые права, а те же самые права – “на жизнь, свободу и стремление к счастью” – но только расширенные и получившие социальную интерпретацию. Именно эта социальная интерпретация прав характеризует становящуюся демократию и делает ее демократией иного рода, нежели так называемая индивидуалистическая демократия Джефферсона и Джексона»¹⁴¹.

Еще одна особенность «новой демократии» Уэйла – ее распространение не только на политическую, но также на экономическую и социальную сферы. Эта демократия, «будучи реальной, а не просто формальной демократией, не довольствуется лишь предоставлением права голоса, политических иммунитетов и общими рассуждениями (*generalization*) о правах человека. ... это полная, социализированная демократия... переносящая свои идеалы из политической в индустриальную и социальную сферы»¹⁴².

Но Уэйл не просто рассуждает о принципах демократии – он предлагает «программу демократии» применительно к трем сферам общественной жизни. Это, во-первых, «индустриальная программа демократии». Она предусматривает «социализацию промышленности»,

¹³⁷ См.: *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y., 1913 (а также 1935 и 1965).

¹³⁸ См.: *Smith J. A.* The Spirit of American Government. N. Y., 1907.

¹³⁹ *Weyl W. E.* The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964 (1912). P. 160.

¹⁴⁰ *Weyl W. E.* The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964 (1912). P. 162.

¹⁴¹ *Weyl W. E.* The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964 (1912). P. 161–162.

¹⁴² *Weyl W. E.* The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964 (1912). P. 164–165.

т. е. «установление возможно большего контроля народа над промышленностью и достижение возможно большей промышленной прибыли»². Это достигается несколькими путями, включая установление государственной собственности на некоторые предприятия, государственное регулирование, проведение налоговой реформы.

«Политическая программа демократии» предусматривает отстранение от власти плутократии, установление «полного контроля над правительственной машиной и процессами», «создание правительства народа для народа»¹⁴³. При этом подчеркивается, что политическая демократия важна не только сама по себе, но и как условие осуществления индустриальной демократии.

Уэйл выделяет пять путей установления демократического контроля в сфере политики. Это контроль над политическими партиями и партийными номинантами (кандидатами); контроль над выборами; контроль над уже избранными представителями; прямое законодательствование народа; повышение эффективности деятельности демократизированного правительства.

Особое значение Уэйл придает «социальной программе демократии, цель которой – развитие (advancement) и совершенствование (improvement) народа посредством демократизации благоприятных сторон (advantages) и возможностей (opportunities) жизни»¹⁴⁴. Эта цель, полагает он, может быть достигнута путем сохранения жизни и здоровья граждан, демократизации образования, социализации, или, говоря современным языком, массовизации потребления и повышения уровня жизни «низших элементов населения»¹⁴⁵.

Уэйл отрицает возможность и необходимость перехода к новой, полной, социализированной демократии революционным путем и усилиями угнетенного, обнищавшего пролетариата. *Демократия, утверждает он, достигается не путем классовой войны*¹⁴⁶, *а путем национального приспособления (national adjustment) и не через обнищание, а через процветание.* «Теории демократического прогресса через обнищание противостоит теория прогресса через процветание. На умножающемся богатстве Америки, а не на растущей бедности какого-то класса – вот на чем должна основываться надежда на полную демократию. Именно это богатство делает демократию возможной и платежеспособной (solvent), ибо демократия, как и цивилизованность, стоит денег»¹⁴⁷.

За этим, казалось бы, чисто американским подходом (измерение всего, в том числе демократии, с помощью денег) на самом деле стоит очень важный вопрос: может ли *общедоступная* демократия, т. е. демократия для большинства, идеей которой и был озабочен Уэйл, быть построена в бедном обществе? Хватит ли для этого у общества средств: ведь современная демократия действительно стоит денег, и чем шире ее масштабы, тем больше число граждан, на которых она распространяется, тем больше затраты. И еще один вопрос (который несколько десятилетий спустя стал предметом углубленных исследований американских демократологов): каковы экономические предпосылки демократии и тот минимальный уро-

¹⁴³ Weyl W E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 298.

¹⁴⁴ Weyl W E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 320.

¹⁴⁵ Weyl W E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 320.

¹⁴⁶ Хотя «Новая демократия» Уэйла проникнута духом оптимизма, автор последней, как свидетельствуют исследователи его творчества, терзался сомнениями, «сумеют ли капиталистические страны когда-либо обеспечить реальную социальную справедливость без насильственной классовой войны» (Forcey Ch. Introduction to the Torchback Edition. Weyl W. E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. XVIII). В диалоге с самим собой (отраженном в его записях) он давал в зависимости от ситуации разные ответы на этот вопрос. Более десяти лет Уэйл работал над книгой «Классовая война» (“The Class War”), которую так и не сумел завершить.

¹⁴⁷ Weyl W E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 191.

вень экономического развития, который требуется для установления в стране прочного демократического строя?

Сам Уэйл, решая вопрос в общем плане, использует такое понятие, как «социальный избыток» (social surplus), и утверждает, что времена, когда «нищета, страдания и дефицит правили миром», миновали¹⁴⁸, и теперь, наконец, наступила эпоха, когда «произведенный обществом продукт превышает затраченные обществом усилия». Накопленное общественное богатство «делает невежество, нищету и правление меньшинства анахронизмом и придает нашим демократическим устремлениям (strivings) моральный импульс и моральную санкцию»¹⁴⁹.

Отсюда и представление о том, каким должно быть качество агента ожидаемых демократических преобразований. Уэйл говорит о «трех уровнях демократических устремлений»: экономическом, интеллектуальном и политическом. Построить новую демократию могут люди, уровень материального благосостояния которых превышает уровень бедности; которые в интеллектуальном плане более чем просто грамотны, а в плане политическом являются более чем просто избирателями. Иными словами, речь идет о среднем классе. И по прикидкам американского реформиста демократические преобразования – постепенные, лишённые радикализма, базирующиеся на таких электоральных механизмах, как прямые предварительные выборы, инициатива, референдум, отзыв – в Америке могли бы поддержать не менее 70 миллионов человек. Словом, *Уэйл хотел бы построить демократию для среднего класса руками самого среднего класса и полагал, что при определенных условиях эта цель вполне достижима.*

Книги Кроули, Уэйла, Бирда, Смита, других прогрессистов заставили думающих американцев по-новому взглянуть и на основополагающие документы американской демократии (сорвав с них покров «святости»), и на первых американских демократов¹⁵⁰. Но вот что важно отметить: увидеть в Конституции США и в «Федералисте» то, что увидели в них идеологи прогрессистов и на что до них не обращали внимания, им позволила именно та настоятельно требовавшая демократических перемен ситуация, которая сложилась в Америке к моменту возникновения прогрессистского движения и которая делала взгляд на демократию более критическим, чем это было до тех пор. Поэтому можно сказать, что названные авторы были «ангажированы» эпохой и выполняли ее «социальный заказ».

Реформаторский дух пронизывал и книгу Лоуэлла. Он, правда, весьма позитивно оценивал Конституцию страны, однако это не помешало ему занять критическую позицию в отношении действующих институтов власти. Утверждая, что права и свободы человека не имеют прямого отношения к демократии как таковой, Лоуэлл определял последнюю как «народное правление (popular government), осуществление власти массой народа (mass of the people)»¹⁵¹. В типичном для прогрессистов духе он отстаивал идею суверенитета большинства, однако делал при этом существенные оговорки, смягчавшие радикальный (или, по выражению некоторых исследователей, якобинский) мажоритаризм.

Во-первых, полагал автор книги, это должно быть эффективное большинство, т. е. большинство, которое не просто преобладает численно, но включает в себя граждан, разделяющих общие интересы и имеющих общие представления о целях и средствах правления. Во-вторых,

¹⁴⁸ В подкрепление этой мысли Уэйл ссылается на книгу Симона Паттена «Теория социальных сил» (Patten Simon N. The Theory of Social Forces. Philadelphia, 1896), в которой, по его словам, рассматривается «переход от экономики страдания к экономике удовольствия» (Weyl W. E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 191).

¹⁴⁹ Weyl W. E. The New Democracy. An Essay on Certain Political and Economic Tendencies in the United States. N. Y., 1964. P. 191.

¹⁵⁰ Как писал американский историк Р. Вуд, «после книги Бирда, безусловно, самой влиятельной книги по истории, когда-либо написанной в Америке, представление о конституции никогда больше не было прежним» (How Democratic is the Constitution? Ed. by R. Goldwin and W. Shamba. American Enterprise Institute. Wash., D. C., 1980. P. 2. Цит. по: Яковлев Н.Н. Послание в будущее // Федералист. С. 19).

¹⁵¹ Lowell A. L. Public Opinion and Popular Gpvenment. N. Y., 1913. P. 57.

правительство эффективного большинства, считал американский профессор, должно широко использовать экспертов, управленцев-профессионалов, которые, не определяя политический курс страны, будут помогать осуществлять его должным образом¹⁵².

Создается впечатление – а некоторые исследователи так и считают – что, отвергая в общем и целом джефферсоновскую традицию, прогрессисты поддерживали оппозиционную ей мэдисоновскую (федералистскую) традицию. Такой вывод правилен лишь отчасти. Как и федералисты, прогрессисты занимали позитивную позицию в отношении государства, в коем усматривали важную конструктивную силу, своего рода механизм, с помощью которого можно было бы решить ряд насущных политических и экономических проблем, порожденных индустриализмом: сгладить социальные противоречия, осуществить назревшие политические реформы, ослабить всевластие монополий и т. п. Но федералисты были убеждены, что править Америкой должна политическая элита, которая держится особняком от народа и противостоит «демократическому неистовству»¹⁵³. Прогрессисты же, как мы видели, были сторонниками мажоритарной демократии и резкими противниками власти той самой плутократии, путь для которой расчищали федералисты.

Заметную роль в развитии прогрессистской демократии американские и российские историки отводят Роберту Лафоллетту. Видный политик-республиканец, сенатор, публицист и оратор, Лафоллетт не был теоретиком и в отличие от некоторых других крупных политиков – например, Вудро Вильсона – не претендовал на эту роль. Однако в его многочисленных публичных выступлениях, речах (в том числе в Конгрессе США), статьях, программных документах, создававшихся при его участии и под его руководством (одним из помощников сенатора в течение нескольких месяцев был Уэйл), находили отражение существенные идеи, направленные на демократическое реформирование американского общества начала XX века.

В подтверждение этого можно привести так называемую Декларацию принципов (они были выработаны под руководством Лафоллетта), провозглашенной созданной в январе 1911 года Национальной прогрессивной республиканской лигой. «В декларации говорилось, что в настоящее время народное правительство в США и прогрессивное законодательство заданы крупным капиталом, “который контролирует ко кусы, делегатов, съезды и партийные организации, и вследствие этого распространяет свой контроль на государственный аппарат, диктует выдвижение и платформы, избирает правительства, легислатуры, представителей палаты и сената США и контролирует министров” (Documents of American History. Ed. By H. S. Commager, vol. 1–2. Englewood Cliffs. N. J. 1973. vol. 2. p. 59–60). Лига ставила своей целью избрание настоящего народного правительства, для чего следовало добиваться демократизации избирательной системы: введения прямых выборов должностных лиц, вплоть до сенаторов США, прямых выборов делегатов на национальные съезды с возможностью для них выразить свое личное отношение к кандидатам в президенты и вице-президенты, введение законов о праве на инициативу, референдум и отзыв депутатов, а также о борьбе с коррупцией»¹⁵⁴.

¹⁵² В обоснование этого тезиса Лоуэлл сформулировал своего рода императив: «Там, где требуется умение (skill) – назначай (appoint), а где требуется представительство (representation) – выбирай (elect)» (Lowell A. L. Op. cit. P. 260–261).

¹⁵³ Майроф Б. Лики демократии. Пер с англ. М., 2000. С. 28–29.

¹⁵⁴ Белявская И. А. Роберт М. Лафоллетт: цена независимости (1855–1925). Часть 1. М., 1995 С. 90. Еще одно выражение идейно-политической позиции Лафоллетта – подготовленная им к съезду республиканской партии платформа в которой «Лафоллетт изложил свои взгляды на цели и задачи прогрессивного движения. В ней ясно проступает антимонополистическая направленность. В ней были выдвинуты требования в защиту интересов мелкого предпринимательства, также фермерства, были два пункта о рабочем законодательстве. Но главным стержнем платформы была та ее часть, в которой излагались предложения об ограничении власти «денежного мешка», контроле над банками, о введении законодательства, которое бы способствовало восстановлению свободной конкуренции. Лафоллетт собрал, видимо, все требования прогрессистов в разных штатах, боровшихся за демократизацию общества, включая введение права женщин на участие в выборах, и, что интересно, – против империалистической внешней политики США» (Белявская И. А. Цит. соч. С. 97–98).

Рассматривая основные вехи борьбы американских прогрессистов за демократические преобразования, нельзя не сказать несколько слов о Вудро Вильсоне, ставшем в 1913 году 28-м президентом США. Программа, с которой он шел на выборы и которую называл «Новой свободой» или «Новой демократией» (в противовес «Новому национализму» Теодора Рузвельта), включала многие требования прогрессистов. На предвыборном съезде демократической партии, проведенном летом 1912 года, ее кандидат Вильсон «поддержал... прогрессистские законодательные акты о прямых выборах на первичных собраниях, о наказании за политическую коррупцию и о компенсации рабочим, пострадавшим на производстве... Платформа, принятая демократической партией, содержала все требования, выдвигаемые прогрессистами в штатах: снижение тарифов, антитрестовское законодательство, банковская реформа, подоходный налог, контроль над железнодорожными компаниями, кредит фермерам, запрещение «инджанкшнз», создание министерства труда, прямые выборы сенаторов и др.»¹⁵⁵.

Но президент США не был последовательным прогрессистом и, как справедливо отмечает историк политической мысли Эдвард Бернс, «демократия Вильсона в некоторых отношениях разительно отличалась от демократии Лафоллетта. Начать с того, что он отводил государству значительно более ограниченную роль. Его экономическая теория проистекала скорее из индивидуализма Луиса Д. Брандейса, нежели из коллективистских источников. Хотя он выступал за прогрессивный подоходный налог и оправдывал его как средство ограничения крупных состояний, он никогда не выступал в защиту государственной собственности в той или иной ее форме... Что касается чисто политических реформ, то тут он также был более консервативен. Он поддерживал прямые первичные выборы, но проявлял мало интереса к инициативе, референдуму и [досрочному] отзыву [выборных должностных лиц] и никоим образом не относился столь же остро критически к власти судов. Еще более значительным было различное отношение к народным выборам (popular election). Если Лафоллетт настаивал на прямых выборах народом как можно большего числа официальных лиц, то Вильсон стоял за короткий избирательный бюллетень...»¹⁵⁶.

Короче говоря, по ряду существенных политических и экономических вопросов Вильсон занимал более консервативные позиции, чем наиболее передовые из прогрессистов. И если бы дело этим и ограничивалось, об этом человеке – даром что глава государства – не стоило бы говорить вообще. Но двадцать восьмой президент США был не просто политиком. Он был еще и профессиональным политологом, автором многих публикаций, в которых – наряду с прочими – разрабатывались и проблемы демократии¹⁵⁷, что представляет для нас особый интерес.

Вильсон не раз высказывался в поддержку демократии, характеризуя ее как «наиболее здоровую и жизнеспособную разновидность правления, когда-либо практиковавшуюся в мире»¹⁵⁸. Однако его трактовка демократии носила, по словам одного из критиков, дуалистический характер. С одной стороны, он признает за народом право на власть (осуществляемую через своих представителей), а значит и на контроль над правительством. Признает, что власти должны откликаться на требования и пожелания народа. Но одновременно он открыто признает ограниченную способность народа к самостоятельному объединению и самоуправлению, иначе говоря, его ограниченную политическую компетентность, связывая это отчасти с тем, что простой человек (average man) руководствуется «предвзятыми мнениями, то есть предрасудками», которые скрывают от его взора истинное положение вещей.

¹⁵⁵ История США в четырех томах. Том второй. М., 1985. С. 288. «Инджанкшн» (injunction) – судебный запрет. Такие запреты использовались властями как средство борьбы против забастовок – Э.Б.

¹⁵⁶ Burns E. Ideas in Conflict. P. 17.

¹⁵⁷ См., в частности: Woodrow Wilson. The Character of Democracy in the United States // An Old Master and Other Political Essays. N. Y., 1893; The New Freedom. Englewood Cliffs, 1961.

¹⁵⁸ Wilson's Ideals. Ed. by S. K. Padover. Wash., American Council on Public Affairs, 1942. P. 16.

Это предопределяет позицию властей. Республиканские институты и политики должны не просто отражать требования народа, но воспитывать граждан, просвещать и обучать их, выступая в качестве силы, формирующей общественное сознание (*moulders of a public mind*). Они должны также выделять из общей массы мнений и требований такие, к которым не следует прислушиваться ввиду их неразумности. При этом, пытаясь легитимизировать ограничение попыток влияния народа на власть, с одной стороны, и необязательность реакции властей на требования народа – с другой, Вильсон избирает путь, которым в дальнейшем следовали многие политики, ратовавшие за ограниченную, или, правильнее сказать, регулируемую демократию: он настаивает на *разграничении «политики» и «администрирования»*. *Если народ имеет право на участие в политике, то решение административных вопросов он должен предоставить профессионалам* и не пытаться вмешиваться в дела, в которых не смыслит. Оставался, однако, нерешенным вопрос о границах между политикой и администрированием, и это развязывало руки всем, кто хотел по тем или иным причинам уклониться от давления «низов».

Демократия, политика, общество

Исследование проблем демократии велось в рассматриваемый период не только в социологическом и политологическом, но и, как отмечалось выше, в философском русле. Наиболее яркой, крупной, оригинальной фигурой, стремившейся осмыслить демократию – как на уровне идеи, так и на уровне существующих политических институтов – с философских (хотя и не только с философских) позиций, был Джон Дьюи.

Джона Дьюи (1859–1952), автора около тысячи публикаций, невозможно охарактеризовать одной фразой. Американцы по праву считают его крупнейшим отечественным философом XX века. Право на это ему дает хотя бы то обстоятельство, что он является создателем так называемого инструментализма – одной из разновидностей прагматизма. Вместе с тем в поле его внимания как исследователя попадали и проблемы этики, религии, истории философии, социальной философии и другие.

Но Джон Дьюи – это еще и видный политический мыслитель, который не обошел своим вниманием, кажется, ни одну крупную политическую проблему своего времени. Одной из них была проблема демократии. Хотя правильнее, наверное, сказать, что для Дьюи это была главная политическая проблема. Об этом свидетельствует и количество работ, так или иначе затрагивающих феномен демократии¹⁵⁹, и публикации, посвященные американскому мыслителю именно как исследователю демократии¹⁶⁰.

Временной диапазон появления работ Дьюи, посвященных этому феномену, огромен – не менее пятидесяти лет. Наиболее ранние публикации относятся к 80-м годам XIX века, поздние помечены концом 30-х годов XX века: две разные эпохи, два разных набора проблем. Специфика настоящей работы требует сконцентрировать наше внимание на публикациях 20–30-х годов. Однако надо заметить, что хотя и конкретные вопросы, интересовавшие Дьюи, и подход к ним не могли не претерпеть изменений за столь длительный период, были позиции, остававшиеся в принципе неизменными.

Во-первых, американский мыслитель никогда не изменял своей приверженности демократическому идеалу, который истолковывал в духе, близком скорее к джефферсоновской, нежели к мэдисоновской традиции. Во-вторых, он, всегда выступал как реформатор, настроенный на совершенствование существующих в американском обществе порядков, в том числе политических. В-третьих, он, как правило, старался приложить личные усилия для реализации предлагавшихся им преобразований и приближения к демократическому идеалу. В-четвертых, он всегда оставался оптимистом, не терявшим веры в демократию и убежденным, что при условии осуществления необходимых реформ и, в частности, изменения (прежде всего с помощью образования) общественного сознания, все проблемы, встающие перед Америкой, могут быть решены в демократическом духе.

Последний момент следует подчеркнуть особо: в условиях едва ли не массового разочарования в демократических идеалах (прежде всего в их прогрессивистской версии), связанного с последствиями Первой мировой войны, а позднее – с «Новым курсом» Франклина Рузвельта и кризисом демократии в Европе (фашизм в Италии, нацизм в Германии), Дьюи остается одним

¹⁵⁹ Среди них: *The Ethics of Democracy*. University of Michigan Philosophical Papers. Second Series. № 1. Ann Arbor, 1888 // *The Early Works of John Dewey*. Carbondale, 1969, v. 3; *Christianity and Democracy*. Address before the Students of Christian Association of the University of Michigan. May 1894. Monthly Bulletin. June // *The Early Works of John Dewey*. Carbondale, 1971, v. 4; *Democracy and Education: an Introduction to the Philosophy of Education*. N. Y., 1916. (Джон Дьюи. Демократия и образование. Пер. с англ. М., 2000); Джон Дьюи. Общество и его проблемы. Пер. с англ. М., 2002.

¹⁶⁰ См., в частности: *Westbrook R.B.* John Dewey and American Democracy. Ithaca and London, 1991; *Rockefeller S.C.* John Dewey: Religious Faith and Democratic Humanism. N. Y., 1991; *Ryan A.* John Dewey and the High Tide of American Liberalism. N. Y., 1997.

из немногих крупных интеллектуалов, кто сохранял приверженность демократическим убеждениям и вступал в публичную полемику с «демократическими реалистами» вроде Уолтера Липпмана.

Есть ли основания утверждать, как это делают некоторые аналитики, что Дьюи создал новую теорию демократии? На наш взгляд, американский мыслитель не ставил перед собой задачи сконструировать завершенную целостную систему демократических представлений: он просто искал, как это и подобало философу-инструменталисту, ответы на конкретные вопросы, которые ставила жизнь и корректировал предлагавшиеся решения, когда ситуация изменялась. Тем не менее он сформулировал ряд достаточно устойчивых тезисов и предложил ряд интерпретаций, позволяющих говорить о нетривиальном, нетрадиционном, подходе Дьюи к демократии вообще и к американской демократии в частности.

Это касается прежде всего интерпретации понятия демократии. В десятках (!) работ Дьюи возвращается к вопросу о предмете, структуре и содержании демократического идеала. И не потому, что ищет какую-то абсолютную, вечную «формулу демократии», в которую можно было бы втиснуть все базовые признаки последней. Для него важнее другое: раскрыть содержательное богатство этого идеала, показать его глубину, окинуть взором «демократические дали», как говаривал Уолт Уитмен.

В книге «Демократия и образование» (1916 год), одной из своих фундаментальных работ, Дьюи, обобщая некоторые прежние соображения (высказывавшиеся в основном в статьях), пишет так: «*демократия – нечто большее, чем просто определенная форма правления. Прежде всего (!) это форма совместной жизни, форма взаимообмена опытом*»¹⁶¹ Нетривиальное решение. Конечно, представитель афинского демоса, живший две с половиной тысячи лет назад, не нашел бы в этой формулировке ничего оригинального. В древнегреческом городе-государстве демократия, по мнению современных исследователей, именно так и понималась. Но в двадцатом веке положение изменилось: демократия была редуцирована до ее политической (иногда еще и экономической) составляющей, при этом последняя нередко тоже толковалась весьма узко.

Дьюи, напротив, истолковывает предмет демократии весьма широко, что, впрочем, не мешает ему проводить различие между «демократией как социальной идеей и политической демократией как системой правления»¹⁶². Последняя включает в себя «способ правления, конкретную практику отбора чиновников (Дьюи говорит также о «теории и практике отбора чиновников». – Э.Б.) и регулирование поведения их как официальных лиц»¹⁶³. При этом он подчеркивает: хотя первое и второе следует анализировать «по отдельности», нельзя упускать из вида, «что между тем и другим имеется связь. Идея остается пустой и бесплодной, если не получает соответствующего воплощения в человеческих отношениях»¹⁶⁴.

Воздавая хвалу демократии, Дьюи акцентирует не столько ее эффективность как системы политического управления обществом (хотя говорит, разумеется, и об этом), сколько ее *социально-гуманистический потенциал*. «При демократии в обществе постоянно растет число людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направление своих собственных. Все это способствует разрушению барьеров класса, расы и национальной территории, которые не дают людям осознать до конца смысл своих действий. Более многочисленные и разносторонние контакты означают большее разнообразие стимулов, на которые человеку приходится реагировать и которые, в свою очередь, заставляют его разнообразить свое поведение. Они высвобождают силы, остающиеся

¹⁶¹ Дьюи Д. Демократия и образование. Пер. с англ. М., 2000. С. 85. *Курсив мой.* – Э.Б.

¹⁶² Дьюи Д. Общество и его проблемы. Пер. с англ. М., 2002. С. 105.

¹⁶³ Там же. С. 61.

¹⁶⁴ Там же. С. 105.

невостребованными, когда побуждения к действию носят односторонний характер, как это бывает в группах, во имя сохранения своей замкнутости подавляющих многие интересы»¹⁶⁵.

Демократия предполагает равенство людей, но это равенство, пишет он в статье «Философия и демократия» (1918), не должно истолковываться механически, количественно, как «математическая эквивалентность»¹⁶⁶. Мир демократического равенства – это мир, в котором существование каждого человека измеряется собственной мерой. «Если демократическое равенство может быть истолковано как индивидуальность, то нет ничего неестественного в понимании братства как континуальности (continuity), то есть как безграничной ассоциации и взаимодействия»¹⁶⁷. Демократия имеет дело не с гениями и лидерами, а с рядовыми «ассоциированными индивидами», каждый из которых, взаимодействуя с другими, делает каким-то образом жизнь каждого более яркой (distinctive)¹⁶⁸.

Подобная трактовка демократии автоматически снимает вопрос о том, может ли она быть сведена исключительно к системе правления или же должна включать в себя – наряду с последней – определенные права и свободы (предполагающие, естественно, и соответствующие обязанности) человека. Второй вариант очевиден. Более того, полноценная политическая демократия возможна лишь там, где существует полноправная и свободная личность.

Характеризуя политическую демократию как «всемирно избираемую власть»¹⁶⁹, Дьюи отвергает элитистские концепции демократии, опровергая лежащий в их основании тезис о политической и профессиональной некомпетентности масс. На этот счет у него есть несколько аргументов.

Во-первых, говорит он, не следует думать, что люди, попадающие во власть, непременно превосходят остальных по своим качествам. «В общеисторической перспективе отбор правителей и наделение их определенными полномочиями выступает как политически случайное дело. Те или иные личности выдвигались на роль судей, исполнителей и администраторов по причинам, не зависящим от их способности служить интересам общества... обоснованием пригодности некоторых личностей к роли правителей являлось что угодно, только не политические соображения»¹⁷⁰.

Во-вторых, индустриальное общество, неизбежно усиливая взаимодействие и взаимозависимость его членов, все больше приобретает «кооперативный» характер, повышая роль, в том числе и политическую, каждого члена общества независимо от его социального статуса и профессии.

«...В качестве гражданина, обладающего избирательным правом, каждая из этих личностей (речь идет о совокупности личностей, составляющих общество. – Э.Б.) является агентом общества. В своих волеизъявлениях он – такой же представитель интересов общества, как сенатор или шериф»¹⁷¹. Он, конечно, оговаривается Дьюи, может и не оправдать представлений о нем как выразителе общественных интересов. Но ведь этим грешат и некоторые из «официально избранных представителей общества»¹⁷².

¹⁶⁵ Дьюи Д. Демократия и образование. С. 85. Дьюи не забывает добавить – для Америки это весьма существенно – что демократия есть дело богоугодное, ибо она являет собой земное воплощение божественного замысла: ведь это не просто форма правления, а еще и форма справедливого обустройства социального мира. (См.: Christianity and Democracy. Address before the Students of Christian Association of the University of Michigan. May 1894. Monthly Bulletin. June // The Early Works of John Dewey. Carbondale, 1971, v. 4).

¹⁶⁶ Dewey J. Philosophy and Democracy // The American Intellectual Tradition. P. 169.

¹⁶⁷ Dewey J. Philosophy and Democracy // The American Intellectual Tradition. P. 169.

¹⁶⁸ Dewey J. Philosophy and Democracy // The American Intellectual Tradition. P. 169.

¹⁶⁹ Дьюи Д. Демократия и образование. С. 85.

¹⁷⁰ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 58.

¹⁷¹ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 56.

¹⁷² Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 56.

Не согласен Дьюи и с тем, что всеобщее участие граждан в социально-политическом управлении (не обязательно предполагающее прямую демократию) невозможно в современном государстве из-за его больших размеров, неизбежно разрывающих межличностные связи и не позволяющих людям понять, что происходит в стране, в чем она испытывает потребность и т. п. Отчужденность граждан друг от друга и от власти действительно налицо, но она может быть преодолена – в частности, путем соответствующего (демократического) образования и воспитания при одновременном реформировании существующих политических и экономических отношений.

И еще один момент, который, может быть, и нельзя рассматривать в качестве самостоятельного аргумента, но которому Дьюи, как явствует из ряда его высказываний, придает серьезное значение, что, впрочем, характерно для американского менталитета. Речь идет о здравом смысле, которым, как предполагается, наделен практически каждый человек и который открывает ему доступ к пониманию и корректной оценке (а значит, и к корректному решению) многих, в том числе политических, вопросов.

Само собой разумеется, что американский мыслитель не мог обойти стороной большой вопрос о соотношении равенства и свободы. Но для Дьюи он не был большим вопросом: равенство и свобода, как он был убежден, совместимы. Больше того, равенство (тракуемое в традиционном для XIX и первой половины XX веков духе как равенство возможностей) есть неперемное условие свободы. Добиться же его можно при содействии... государства. И такое решение отнюдь не случайно.

Дьюи немало сделал для формирования теоретических основ так называемой делиберативной демократии (подробный разговор о ней пойдет в третьей главе) – демократии прямого совещательного общения, в ходе которого рядовые граждане решают свои дела. «Дьюи подчеркивал, – пишет философ Джеймс Кэмпбелл, – что процесс жизни в демократическом обществе требует от нас признания, что политическая жизнь – это “в высшей степени совместное предприятие, которое покоится на убеждении, на способности убеждать и быть убежденным разумными доводами...”. Как считает Дьюи, “сердцевина и последняя гарантия демократии заключается в неформальных собраниях соседей на углу улицы, обсуждающих со всех сторон последние неофициальные новости, в собраниях друзей в гостиной в доме или в квартире, свободно и откровенно разговаривающих друг с другом”. Подобные совместные взаимодействия имеют целью нечто большее, чем приятное совместное времяпрепровождение: их цель – помочь продвижению сообщества»¹⁷³.

Дьюи по праву считается одним из провозвестников «нового либерализма» («социального либерализма»), предполагающего вмешательство государства (разумеется, ограниченное) в социальные и экономические процессы, или, иными словами, социально-экономическое регулирование. Однако вторжение государства в дотоле заповедную для него сферу требует – в качестве своеобразного противовеса, а можно сказать и сдержки – «вторжения» общества (гражданского общества) в государственные дела, или, правильнее сказать, установление контроля за регулирующей деятельностью государства со стороны общественности. (Этот контроль должен, по мысли Дьюи, осуществляться с помощью таких институтов, как политические партии, ассоциации граждан и т. п.).

В 30-х годах Дьюи публикует ряд работ («Либерализм и социальное действие», «Либералы высказываются за либерализм» и другие¹⁷⁴), в которых обосновывает необходимость отказа от свойственной классическому либерализму политики противопоставления индивида и государства, государства и общества и высказывается в поддержку нового, социально ори-

¹⁷³ Американская философия. Введение. С. 423.

¹⁷⁴ См., в частности: *Liberalism and Social Action; A Liberal Speaks Out for Liberalism // The Later Works of John Dewey*. Carbondale, 1987, v. 11.

ентированного либерализма и социально ориентированного государства. Человек не может чувствовать себя свободным, то есть обладающим равновеликими по сравнению с другими индивидами возможностями, если он не чувствует себя социально защищенным. Взять на себя заботу о его защите в изменившихся условиях может и должно государство – в частности, путем рыночного регулирования и разумного перераспределения части социальных и экономических функций в пользу общества. Дьюи высказывается в поддержку «Нового курса» Рузвельта, в котором видит не наступление на свободу (в чем тогда многие упрекали американского президента), а адекватный новой социально-политической обстановке способ ее защиты.

Дьюи (отвергавший естественно-правовую теорию) не раз подчеркивал, что демократические институты рождаются не из демократической идеи, не из абстрактного права или какой-то изначально существующей демократической программы – иначе говоря, они не являются результатом игры нашего ума, плодом нашей фантазии. *Демократия – продукт развития общества, результат его приспособления к изменяющимся условиям среды.* «Политическая демократия возникла в виде некоего совокупного результата огромного множества ответных приспособлений к бесчисленным ситуациям, ни одна из которых не была похожа на другую – и, тем не менее, все они привели к единому результату. Кроме того, подобное демократическое слияние не являлось результатом действия чисто политических сил или организаций. В еще меньшей степени можно считать демократию продуктом самой демократии как некоего прирожденного стремления, некой имманентной идеи»¹⁷⁵.

Тем самым Дьюи подчеркивает *естественность* демократии, а значит, и ее глубокую укорененность в современном ему обществе. Видимо, он полагал, что это сильный аргумент в ее защиту. Американский философ как бы говорил ее противникам: вы хотите объявить войну демократии – тогда вам придется объявить войну истории, войну естественно-историческому процессу, а, возможно, и божественному промыслу: ведь демократия, повторим, – дело богоугодное. Впрочем, речь не только об истории. Дьюи убежден, что демократическое движение еще не вступило в свою завершающую стадию: «демократическое общество во многом еще находится в зачаточном, неорганизованном состоянии»¹⁷⁶.

И тут самое время сказать, что у выдвинутого Дьюи тезиса есть вторая половина: *будучи порождена демократическим движением, демократическая идея, демократическая теория сами становятся практической силой.* «[Демократические] теории явились отображением этого [демократического] движения в мышлении; появившись же на свет, они также вступили в игру и дали практический результат»¹⁷⁷. Ныне (речь о 20-х годах) демократия переживает кризисную пору. «Те же самые силы, что произвели на свет демократические формы правления, всеобщее избирательное право, практику выбора большинством голосов как исполнительных, так и законодательных органов, породили и условия, мешающие осуществлению общественно-гуманитарных идеалов, нуждающемуся в превращении правления в истинный инструмент дружески организованного общества в целом. “Новому веку человеческих отношений” недостает соответствующего институционального обеспечения»¹⁷⁸. Вот тут и должна сказать свое веское слово демократическая идея, а вернее – ее носители, ее сторонники: они обязаны помочь преодолеть кризис демократии и придать новый импульс ее развитию. Теория должна воплотиться в новую, современную практику.

Рассматривая уважение права другого на социальный эксперимент как одно из неотъемлемых условий демократии, Дьюи говорил (в 20-х годах) о необходимости терпимого отношения к тому, что происходило в советской России. «Поскольку мы верим в демократию, мы

¹⁷⁵ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 63.

¹⁷⁶ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 80.

¹⁷⁷ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 63.

¹⁷⁸ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 80.

должны уважать право русского народа на проведение собственных экспериментов и извлечение из них уроков»¹⁷⁹. Больше того, в течение ряда лет он считал этот «эксперимент» самым интересным в мире. Однако в 30-х годах его позитивное отношение к Советскому Союзу сменилось на откровенно критическое. В теоретическом плане это нашло отражение в тезисе, который он высказывал и ранее, но который в контексте событий, происходивших в Европе в 30-х годах, приобрел новое звучание: *подлинно демократические цели могут быть достигнуты только демократическими методами.*

На фоне нового поколения американских демократологов, и прежде всего, молодых, энергичных «чикагцев», быстро набравших силу и подготавливавших бихевиоралистскую революцию в политической науке на основе использования новых методов исследования, семидесятилетний Дьюи, для которого демократический идеал, выдержанный в гуманистическом духе, выходил далеко за пределы совокупности политических процедур, обеспечивающих приемлемое функционирование существующих механизмов власти, выглядел старомодным идеалистом, утратившим чувство реальности и цеплявшимся за отжившие стереотипы. И дальнейший ход событий, казалось бы, полностью подтвердил правильность подобного впечатления. О Дьюи – политическом мыслителе забыли (историки политической мысли не в счет) на десятилетия. Но, как мы увидим далее, не навсегда.

¹⁷⁹ Dewey J. Social Absolutism // Dewey J. Middle Works, v. 13. P. 315–316.

Пионеры из Чикагской школы

Новые тенденции в развитии американской политической науки в целом и в исследовании демократии в частности были связаны с так называемой Чикагской научной школой – содружеством исследователей, сложившимся в начале 20-х годов при Чикагском университете. Основателем и душой школы был Чарлз Мерриам, собравший вокруг себя талантливых молодых исследователей, среди которых выделялись Г. Госнелл, К. Райт, Л. Уайт и, конечно, Г. Лассуэлл. Как писал много лет спустя выдающийся американский социолог Гэбриел Алмонд (в молодости он сам был связан с этим сообществом), «значение чикагской школы политической науки (20–40-е годы) состоит в том, что своими конкретными эмпирическими исследованиями она показала, что подлинное развитие политического знания возможно при организованной поддержке стратегии междисциплинарных исследований с применением количественных методологий»¹⁸⁰.

Как уже говорилось, организатором и интеллектуальным лидером Чикагской школы был Чарлз Мерриам (1874–1953) – человек, сочетавший в себе черты академического исследователя и активного общественного деятеля, пытавшегося воплотить в жизнь и защитить на практике идеи, приверженцем которых он был. В 1941 году Мерриам скажет о себе, что он «демократ, патриот и человек, проявляющий интерес к планированию»¹⁸¹.

Но Мерриам был не просто убежденным демократом – он был одним из крупных американских социологов, которые разрабатывали теорию демократии и закладывали теоретико-методологическую базу американской демократологии послевоенных лет. Именно работы Мерриама (в частности, исследования, посвященные процессу формирования гражданина демократического общества) проложили путь к исследованию феномена, который его ученик Алмонд назвал позднее «политической культурой». «Предлагаемое исследование, – писали Г. Алмонд и С. Верба в предисловии к книге “Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах”, – было вдохновлено, в частности, трудами Чарлза Е. Мерриама. В серии его работ “Гражданское воспитание” сформулированы многие из проблем, которые рассматриваются в настоящем исследовании, а в его “Новых аспектах политики” предложены методы, использованные при осуществлении последнего»¹⁸².

Проблему демократии Мерриам затрагивал во многих своих публикациях¹⁸³. Но несколько работ американского исследователя непосредственно посвящены этой проблеме. К ним относятся «Новая демократия и новый деспотизм»¹⁸⁴, «На повестке дня демократии»¹⁸⁵, «Что такое демократия?»¹⁸⁶. Примечательно, что все они написаны между 1939 и 1941 годами, когда, по словам одного из американских историков, «над Европой нависла мрачная тень тирании и деспотизма» и будущее демократии выглядело туманным. Так что и эти работы Мерриама были порождены живым практическим интересом и представляли собой попытку ответить

¹⁸⁰ Политическая наука: новые направления. С. 84. Явная ошибка в переводе. Речь идет, конечно же, не о «количественных методологиях», а о «количественных методах исследования».

¹⁸¹ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 110.

¹⁸² Almond G. and Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N.J., 1963. P. VII.

¹⁸³ См., в частности: Merriam Ch. Prologue to Politics. Chicago, 1939 и The Role of Politics in Social Change. N. Y., 1934. В книге Мерриама «Американские политические идеи. Исследование развития американской политической мысли. 1865–1917» содержится глава «Типичные интерпретации демократии» (Merriam Ch. American Political Ideas. Studies in the Development of American Political Thought. 1865–1917». N. Y., 1926. Pp. 35–70).

¹⁸⁴ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939.

¹⁸⁵ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941.

¹⁸⁶ Merriam Ch. E. What Is Democracy? Chicago, 1941.

на два животрепещущих вопроса: выживет ли демократия и что необходимо сделать, чтобы это произошло?

О конкретных шагах по спасению демократии в национальном и мировом масштабах, намеченных Мерриамом, мы поговорим в последнем параграфе этой главы, где пойдет речь об аналогичных планах других американских авторов, а пока посмотрим, как он трактует сам феномен демократии, в чем видит его сущность, функции и другие характерные черты.

И начать следует, наверное, с общего взгляда Мерриама на это явление. Пожалуй, никто из представителей американской политической науки, как бы ни определяли они демократию, не давал ей столь высоких, чтобы не сказать восторженных оценок. Оценок, чем-то напоминающих оценки коммунизма, которые давались в свое время в Советском Союзе. «Демократия – это наилучшая форма правления, когда-либо придуманная человеком...»¹⁸⁷. «Демократия может заставить зацвести пустыню...»¹⁸⁸. Демократия – это «знак и символ хорошей жизни»³. «В общем, демократия – это идеальная форма политической ассоциации. Она обеспечивает признание человеческого достоинства, развитие человеческой личности, культивирование благороднейших сторон человеческой природы – и все это в рамках всеобщего благосостояния (*general welfare*) и общего блага (*common good*). Она обеспечивает [торжество] принципа товарищества и братства, принципа согласия управляемых, служит критерием разумности и справедливости. Другие формы правления хороши настолько, насколько они приближаются к идеалам демократического общества»¹⁸⁹. Подобных высказываний – десятки.

Слово «ассоциация» брошено тут не случайно, ибо, по Мерриаму, «демократия – это форма политической ассоциации», которой приходится решать те же задачи, что и другим ассоциациям. Перечень этих задач велик, но мы не будем пересказывать его в сжатом виде, а дадим читателю возможность ознакомиться с ним напрямую.

«У политических ассоциаций, обычно именуемых государствами (*states*), сообществами (*commonwealth*) или нациями (*nations*), – пишет Мерриам, – в наши дни имеется множество общих постоянных задач. Они должны обеспечить систему сцепления, которая будет удерживать вместе личности и группы в своих сегментах человеческого населения (*human population*); они должны обеспечить организацию силы, организацию согласия или морального состояния (*morale*), организацию разведывательной деятельности при выполнении специальных политических задач и управления; они должны обеспечить баланс между порядком и справедливостью; они должны обеспечить баланс между стабильностью и изменениями; они должны обеспечить баланс между равенством и неравенством; они должны вооружить методом зонирования силы (*zoning of power*) и централизации власти; они должны обеспечить баланс между свободой (*liberty*) и властью; они должны обеспечить [выполнение] совещательных (*confidential*) и консультативных функций, судебных функций, административных функций и их рабочую взаимосвязь; они должны создать систему общей обороны и взаимосвязей с другими членами семьи наций; они должны минимизировать несоответствие (*maladjustment*) между политическими ценностями и потребностями людей и другими ценностями и потребностями человечества в конкретные времена. Короче говоря, они должны способствовать всеобщему благосостоянию (*general welfare*) – общему благу (*common weal*) с помощью позитивных или негативных мер, которые могут представляться подходящими в то или иное время. Поддержание того, что я назвал “подвижным равновесием” (“*moving equilibrium*”) комплекса социальных сил во все времена бросает вызов способности государств к приспособлению (*adjustment*), равно как и к статике и динамике»¹⁹⁰.

¹⁸⁷ *Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 122.*

¹⁸⁸ *Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 64.*

¹⁸⁹ *Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 117.*

¹⁹⁰ *Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 3.*

В одних случаях эти сложные проблемы приспособления решались на основе «безответственного определения политики содружества немногими или одним [человеком]», и это была деспотия; в других случаях – на основе «ответственного определения политики содружества большинством членов общества», и это была демократия.

Конечно, тезис о том, что ассоциациям, действующим в условиях деспотии и демократии, приходится решать одни и те же задачи, выглядит весьма спорным: при деспотии, как правило, не думают ни об общем благе, ни о поддержании баланса между свободой и властью, ни о решении ряда других задач, которые приходится решать демократиям. Но мотивы, которыми руководствовался Мерриам, выдвигая этот тезис, понятны. Американский исследователь ставит вопрос скорее в нормативном, императивном (must), нежели в дескриптивном плане и хочет, по-видимому, сказать, что в каком бы обществе люди ни жили, реальное обеспечение их блага требует решения одних и тех же задач. Однако разные режимы приводят к тому, что в одних случаях перечисленные выше конкретные задачи решаются, а в других – нет, а те, которые решаются и там и там, решаются по-разному и с разным результатом. Вот эти различия, а значит, и различия в методах приспособления, сказывающиеся, в конечном счете, на положении личности в обществе, и определяют качественное различие между демократией и деспотией.

Демократия, по Мерриаму, – это, как уже говорилось, разновидность ассоциации. Но это особый род ассоциации, «в которой общий контроль над политическим курсом (political policy) сообщества (commonwealth) и его направление определяются, как правило, большинством членов общины (by the bulk of the community) на основе соответствующих представлений и процедур, обеспечивающих участие и согласие народа (popular participation and consent)»¹⁹¹.

Мерриам противопоставляет демократию другим формам ассоциации, в которых общий контроль и другие функции определяются обычно «сравнительно небольшой группой на основе соответствующих представлений и процедур, обеспечивающих контроль и руководство (direction) со стороны автократического, аристократического, олигархического или иного меньшинства»¹⁹².

Как видим, Мерриам, дает близкое к античному, точнее – к аристотелевскому, а в сущности, к универсальному и потому классическому толкование демократии как «правления большинства», противопоставляя его «правлению меньшинства». Правда, из этой классической триады выпадает (в данном тексте) «правление одного», но это не нарушает общей логики суждений Мерриама, который предстает в качестве еще одного *поборника мажоритарной демократии*. Разумеется, большинство, о котором говорит Мерриам, исключает ту дискриминацию, которая существовала в древнегреческих полисах, да и в самих Соединенных Штатах на ранних этапах их развития, и из-за которой «большинство», наделенное правом голоса, оказывалось на самом деле довольно ограниченным.

Демократия, по Мерриаму, строится на ряде «принципиальных допущений» (assumptions). Первое из этих «допущений» – «сущностное (essential) достоинство человека, важность защиты и развития (cultivating) его личности на основе принципа братства, а не разделения, и устранение особых привилегий, базирующихся на необоснованном или преувеличенном акцентировании человеческих различий»¹⁹³. Тут Мерриам предстает как *сторонник не только мажоритарной, но и развивающей демократии*, как гуманист, высоко оценивающий демократическую форму правления не просто как оптимальную с точки зрения эффективности решения задач, стоящих перед «ассоциацией», но и как средство развития личности.

¹⁹¹ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 11.

¹⁹² Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 11.

¹⁹³ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 11.

Это подтверждает еще одно допущение, на котором, по убеждению американского исследователя, строится демократия: «уверенность в существовании постоянного движения в направлении [развития и реализации] способности человечества к совершенствованию (perfectibility of mankind)»¹⁹⁴. И еще одно допущение, о котором нельзя не упомянуть: достижения (gains) общества, достижения цивилизации принадлежат всей массе граждан и выигрывать от них должны все.

Словом, демократия, согласно Мерриаму, по многим параметрам выгодно отличается от других политических режимов. Но главные ее преимущества в том, что она *создает условия для достойного существования человека и открывает путь к изменению свободных политических и индустриальных систем*¹⁹⁵.

Мерриам продолжает следовать традиции (связанной прежде всего с именем Руссо) рассмотрения демократии, исходя из *цели деятельности правительства*, каковой является обеспечение *общего блага*. Главная проблема – «определить, что представляет собой общее благо (common good) и перевести его в адекватную политику»⁴, уравнивающую существующие в обществе интересы. Одновременно Мерриам видит в демократии форму правления, определяемую *источником власти правительства*, каковым является *воля народа*, проявляющаяся прежде всего в законотворчестве. По его определению, «законодательный процесс – это процесс перевода решения народа (a popular decision) во всеобщую директиву – процесс превращения мудрости и воли государства в широкие направления административной деятельности, и все это на основе ответственности и подотчетности»¹⁹⁶.

Справедливости ради надо сказать, что, ратуя за демократию и предрекая ей глобальное будущее, Мерриам вместе с тем демонстрирует исторический подход к демократической форме правления. «Существуют, – признает он, – ситуации, делающие народное правление невозможным; существуют также ситуации, в которых меньшинство менее приспособлено к руководству сообществом, нежели один [человек]»¹⁹⁷. Существуют также «транзиторные стадии», когда правление меньшинства сменяется правлением большинства или на смену правлению большинства приходит правление одного или немногих. Какая именно ситуация возникнет, зависит во многом «от уровня [развития] политической цивилизации, тенденций [развития] исторических событий в данное время и в данном месте, остроты кризиса...»¹⁹⁸.

Тем не менее «теоретически и практически идеальной является ситуация, при которой исчезают господство и рабство (mastery and slavery), а ключом к действию является согласие управляемых (consent of governed)»¹⁹⁹. В «оптимальных социальных условиях» важнейшие вопросы жизни содружества являются предметом совместной заботы.

Мощную силу, позволяющую решать многие из стоящих перед человечеством проблем, американский исследователь видел в *соединении демократии с наукой*, обеспечивающем, в частности, повышение степени и эффективности научного управления демократической системой и планирование политики. «Я утверждаю, что мудрое демократическое социальное планирование может быть направлено на высвобождение человеческих способностей и выявление возможностей для [развития] человеческой свободы и личности на основе общего согласия и сотрудничества»²⁰⁰.

В современном демократическом обществе человек берет свою судьбу в собственные руки: «сознательный контроль над развитием нашей социальной жизни» приходит на смену

¹⁹⁴ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 11.

¹⁹⁵ Merriam Ch. E. What Is Democracy? Chicago, 1941. P. 15.

¹⁹⁶ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 13.

¹⁹⁷ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 5.

¹⁹⁸ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 5.

¹⁹⁹ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 6.

²⁰⁰ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 7.

«грубой борьбе за существование». «Американская Конституция положила конец вековому аргументу, согласно которому политические институты не могут быть сконструированы человеком»²⁰¹. Сознательное социально-политическое конструирование, базирующееся на науке, приходит на смену господствовавшему в XIX веке принципу *laissez faire*, хотя противодействие научному планированию, признает Мерриам, сохраняется и в наши дни. Но оно связано с ложным представлением о том, будто планирование, повышая эффективность управления обществом, сужает границы свободы человека. «Свобода и эффективность, – настаивает он, – не противостоят друг другу, а дополняют друг друга»²⁰².

Мерриам бросает Марксу упрек в преувеличении роли насилия как фактора развития общества в современных условиях и полагает, что в «перестройке общества и человеческом прогрессе» «рациональное обсуждение и всеобщее согласие и сотрудничество (*general consent and cooperation*) имеют преимущество перед «силой и насилием»²⁰³. Однако тут же оговаривается, что если сила и война предьявляются в качестве аргументов, то контраргументами тоже должны быть сила и война.

Еще одно критическое замечание Мерриама по адресу Маркса связано с ролью экономического фактора в общественном, в том числе демократическом, развитии. «Я, – пишет американец, – отвергаю точку зрения, которая рассматривает одну лишь «экономику» (как основу «коллективизма». – Э.Б.) в качестве властителя нашей общественной жизни (*places “economics” alone as the lord of our social life*)»²⁰⁴. Проблемы, с которыми сталкивается общество, подчеркивает Мерриам, – это не только экономические, но также научные и технические, территориальные, социополитические, философские и психологические проблемы.

Американский исследователь повторяет, в сущности, аргументацию тех, кто идентифицировал марксизм как «экономический материализм», игнорируя при этом то обстоятельство, что Маркс не рассматривал «одну лишь экономику» в качестве фактора исторического развития общества. Так что критическая стрела Мерриама летит мимо цели. Что касается позиции самого американского демократолога, то он, судя по его высказываниям, придерживается так называемой теории факторов, которая мало что дает для понимания и общей логики социально-исторического развития и процесса становления и эволюции демократии.

Однако, несмотря на концептуальные слабости, присущие его теоретическим построениям, основатель Чикагской школы по праву может быть отнесен к тем исследователям, которые внесли наибольший вклад в развитие демократологии – как американской, так и мировой – первой половины XX столетия. Он был едва ли не первым, кто ратовал за проведение междисциплинарных исследований и последовательно выступал за использование достижений современных ему наук (в том числе социологии и психологии) для повышения эффективности процесса управления обществом на демократической основе. Он, как и Дьюи, выступал за постоянное обновление действующих демократических моделей в ответ на вызовы времени. И, что может быть, самое важное, *трактовал демократию с гуманистических позиций, видя в ней прежде всего средство обеспечения достойного существования человека.*

Работы Мерриама, в которых излагались его романтические представления о демократии, создавались в годы «великой депрессии», разочарования американцев в демократических идеалах и начала Второй мировой войны, т. е. в кризисный период, когда общество нуждалось в изрядных «инъекциях» оптимизма. В начале 30-х годов такой «инъекцией» стала знаменитая книга Джеймса Труслоу Адамса «Американский эпос», в которой раскрывалась суть Американской мечты и говорилось о ее великих перспективах. Работы Мерриама о демократии,

²⁰¹ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 6.

²⁰² Merriam Ch. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 5.

²⁰³ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 6.

²⁰⁴ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 7.

конечно, не могут быть поставлены в один ряд с творением Адамса, но они выполняли ту же функцию: вселяли в американцев уверенность, что политический режим, при котором они живут – лучший из возможных режимов, что кризис будет преодолен и что Америку и всех тех, кто пойдет с ней и за ней, ждет великое будущее.

Пройдет время и на передний план выйдут исследователи демократии, которые будут толковать ее как узкое, чисто процедуральное явление, не имеющее прямого отношения ни к обеспечению общего блага, ни к развитию личности. Но это случится позднее.

Крупнейшим представителем Чикагской школы и одним из самых выдающихся представителей американской и мировой политической науки является Гаролд Лассуэлл (1902–1978). Он был одной крови с Мерриамом и сочетал в себе склонность и способность к серьезному академическому анализу и необычайную активность в качестве полевого исследователя и политического консультанта, живо откликавшегося на веления времени и требования эпохи. Такое сочетание соответствовало его представлению о модели поведения демократически ориентированного ученого как человека, который должен способствовать развитию и защите демократии путем постоянного ее исследования и разработки практических рекомендаций для властей.

Лассуэлл – автор множества исследований, среди которых наибольшей известностью пользуются такие работы, как «Техника пропаганды в мировой войне», «Психопатология и политика», «Мировая политика и личная незащищенность», «Политика: Кто получает Что, Когда, Как», «Гарнизонное государство», «Анализ политического поведения», «Власть и личность», «Демократия через общественное мнение» и другие²⁰⁵. И почти в каждой из них он затрагивает проблему демократии. Похоже, у Лассуэлла вообще нет значимых публикаций, в которых бы о ней не заходила речь.

В самом начале 40-х годов он говорит о важности разработки «в рамках общественной науки» самостоятельной «науки о демократии (science of democracy) или науки о политической психиатрии (science of political psychiatry)»²⁰⁶. Именно Лассуэллу принадлежит идея создания интегральной теории наук о политике (the policy sciences), ориентированной прежде всего, на исследование демократии. Принимая во внимание утверждение Лассуэлла, что политическая наука (political science) «есть по преимуществу наука о политике (the policy science)», т. е. о ее реальном содержательном наполнении, некоторые исследователи называют Лассуэлла (да он и сам себя так именовал) трудно переводимым на русский язык словосочетанием «policy scientist of democracy», т. е. исследователем демократии с точки зрения ее содержательного (в отличие от институционального) политического измерения. Как пишут в своей статье о Лассуэлле Джеймс Фарр, Джэкоб Хэкер и Николь Кази, он, выступая в качестве «political scientist of democracy», «знал все о процессе принятия решений элитами и воплощал свое знание на практике, давая советы власть имущим, участвуя в принятии важных решений и способствуя развитию [человеческого] достоинства»²⁰⁷.

Исследовательские методы, которыми пользовался Лассуэлл и которые заметно отличали его от других представителей американской политической науки второй четверти XX века, определялись его общими теоретико-методологическими ориентациями, о которых нельзя не сказать хотя бы нескольких слов. Лассуэлл подходит к политике одновременно как бихевиоралист и как психоаналитик. Именно через их призму смотрит он на демократию, чего не делал до него никто.

²⁰⁵ *Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. L.; N. Y., 1927; Psychopathology and Politics. Chicago, 1930; World Politics and Personal Insecurity. N. Y., 1935; Politics: Who Gets What, When, How. N. Y., 1936; The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941); Democracy Through Public Opinion. Menasha, WI, 1941; The Analysis of Political Behavior. L. 1947; Power and Personality. N. Y., 1948.

²⁰⁶ *Lasswell H.* The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941). P. 468.

²⁰⁷ *Farr J., Hacker J., Kazee N.* The Policy Scientist of Democracy: The Discipline of Harold D. Lasswell // American Political Science Review. Vol. 100, No. 4. November 2006. P. 579.

Бихевиоралисты хотели, подобно позитивистам и неопозитивистам в философии, очистить политические исследования от «метафизики», то есть от ценностных суждений и перевести эти исследования на научные рельсы. При этом они исходили из представления, что получить наиболее полную, достоверную и проверяемую картину политической жизни общества во всех ее аспектах можно, исследуя (эмпирическим путем) поведение людей, в котором обнаруживаются сходные черты. Поведение, которое можно не только наблюдать, но и измерять, а полученные результаты – проверять в повторных наблюдениях и измерениях и при необходимости корректировать.

Такой подход распространялся и на демократологию. Демократия как многоаспектный, многомерный феномен как бы разлагается на составляющие ее элементы, каждый из которых – состав и поведение электората, различные формы политического участия, функционирование институтов власти, деятельность политических партий и других институтов гражданского общества и т. п. – становится объектом самостоятельного исследования, опирающегося на более или менее солидную эмпирическую основу.

«Демократия, – писал Лассуэлл, – подчинена фундаментальным законам человеческого поведения, и чтобы выдержать испытания, она должна подтверждать более оптимистические, нежели в недемократиях, ожидания относительно реализации ценностей. (Человеческие существа строят свое поведение, как бессознательное, так и осознаваемое, исходя из ожидаемого преобладания поощрений над лишениями)»²⁰⁸.

При этом сама политическая реальность рассматривалась Лассуэллом как арена стихийного столкновения необузданных страстей и индивидуальных проявлений «воли к власти», в основе которых лежат иррациональные мотивы и стремление компенсировать собственную ущербность – телесную и духовную. Отсюда и задача, стоящая перед политической наукой и, в частности, перед демократологией: упорядочить и рационализировать политическую реальность, для чего необходимо способствовать укреплению рационального начала психики (так называемого Ego) и высвобождению его из-под власти Id и Superego.

Подобно своему великому предшественнику Максу Веберу, как, впрочем, и ряду других представителей политической науки, Лассуэлл определяет политику через посредство категории власти. При этом сама власть трактуется как возможность принимать социально значимые решения, связанные с распределением ценностей в обществе и контролировать их исполнение²⁰⁹ и «подчинена [задаче обеспечения] уважения достоинства человеческой личности»²¹⁰. «Кто, что, когда и как получает – таков коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса», – утверждает Лассуэлл²¹¹. Широкое участие граждан во властном процессе – на определенных условиях и при определенных обстоятельствах – и есть демократия. «Мы понимаем под демократией, – объясняет он, – проведение справедливого курса посредством правления большинства (the practice of justice by majority rule)»²¹². При этом Лассуэлл отмечает, что его «концепция демократии полностью согласуется с традиционным описанием демократии как правления народа, осуществляемого народом и для народа. Правление любого рода – это правление народа; правление, осуществляемое народом (government by people), – это правление большинства; правление для народа (government for the people) – это

²⁰⁸ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 126.

²⁰⁹ Как справедливо отмечают многие исследователи, для американских бихевиоралистов характерна «очевидная нестрогость, размытость определений власти, которыми они оперируют» (Алюшин А. Л., Порус В. Н. Власть и «политический реализм» // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 99), что в немалой степени связано с многозначностью английского слова power: это и «власть», и «сила», и «влияние», и даже «контроль». Эта «нестрогость» относится и к Лассуэллу, хотя суть его трактовки этой категории в общем понятна.

²¹⁰ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 108.

²¹¹ Lasswell H. A Study of Power. Glencoe, 1950. P. 3.

²¹² Lasswell H. Democracy Through Public Opinion. Menasha, WI, 1941. P. 1.

проведение справедливого курса»²¹³. Справедливость же заключается в уважительном отношении «к способностям каждого индивида вносить свой вклад в общую жизнь»²¹⁴.

Лассуэлл, в сущности, повторяет известную формулу Авраама Линкольна о «правительстве народа, из народа и для народа». И хотя эта формула довольно часто используется в демократологическом лексиконе, она все же не может быть отнесена к «традиционным описаниям демократии» уже по той причине, что разделяется далеко не всеми. К тому же, как показал Дж. Сартори, формула Линкольна не так ясна, как это кажется на первый взгляд и потому допускает разные интерпретации²¹⁵. Как ее истолковывает Лассуэлл, мы увидим далее, когда речь пойдет о его понимании отношений между народом, элитой и лидерами. Но одно следует подчеркнуть особо: высший смысл и цель демократии американский ученый видел, судя по его высказываниям, в *обеспечении и защите достоинства человеческой личности*. (Кстати сказать, слово «достоинство» – «dignity» – одно из самых часто употребляемых Лассуэллом слов).

Хотя институциональная основа демократии интересует Лассуэлла меньше, чем процессуальная, он придает важное значение «защите и совершенствованию» демократических институтов, через посредство которых осуществляется реализация демократических ценностей. Среди институциональных факторов демократии он называет систему сдержек и противовесов (как она зафиксирована в Конституции США), который, по крайней мере, ограничивает злоупотребление властью и допускает возможность оспаривать принимаемые решения, а также институты социального контроля, обеспечивающие справедливый доступ к ресурсам и ценностям, от которых зависит власть. Примечательно, что наряду с этими, в общем-то, традиционными институтами Лассуэлл включает в число факторов демократии определенные стандарты образования и поведения граждан, обеспечивающие ответственное отношение к использованию власти.

Поддерживается демократия и соответствующей политикой, снижающей уровень социальной и политической напряженности в обществе и обеспечивающей более или менее безболезненное приспособление людей к изменяющимся условиям жизни. Исследованию путей и форм осуществления этой политики Лассуэлл посвящает ряд работ, и прежде всего свою знаменитую книгу «Психопатология и политика».

Американский ученый отвергает традиционное представление, согласно которому «предпосылка демократии заключается в том, что каждый человек наилучшим образом судит о

²¹³ Lasswell H. Democracy Through Public Opinion. Menasha, WI, 1941. P. 1.

²¹⁴ Lasswell H. Democracy Through Public Opinion. Menasha, WI, 1941. P. 1.

²¹⁵ В своей знаменитой речи, произнесенной 19 ноября 1863 года по случаю победы северян под Геттисбергом и Виксбергом (Gettysburg Address) Линкольн провозгласил: «...правительство народа (government of the people), из народа (by the people), для народа (for the people) никогда не исчезнет с лица земли» (The Collected Works of Abraham Lincoln: Vol. 1–9. Ed. by R.P. Basler. New Brunswick, 1953, vol.7. P. 19). Так принято переводить изречение Линкольна в отечественной научной литературе. (См., напр.: История США в четырех томах. Гл. ред. Севостьянов Г. Н. Том первый. Отв. ред. Болховитинов Н. Н. М.: «Наука», 1983, с. 442). На самом деле формула Линкольна не так проста, как может показаться на первый взгляд, ибо допускает разные, а в некоторых своих частях противоположные толкования. Английское слово “government” может переводиться не только как «правительство», но и как «правление», а это открывает простор для разных интерпретаций. «... Предлог of, – пишет Дж. Сартори, – может указывать и на субъект, и, напротив, на объект действия. А это значит, что в отношении этой части [высказывания] допустимы следующие варианты [толкования]: (а) правление народа означает самоуправление народа, прямую демократию; (b) и, напротив, что народ выступает в качестве объекта управления, что он управляется; (с) что правление исходит от народа в том смысле, что оно обретает легитимность в результате согласия народа; (d) что правительство избирается народом; (e) что правительство направляет народ. Таким образом, – заключает Сартори, – первая характеристика покрывает или может покрывать весь спектр политики; не только все мыслимые формы демократии, но и [формы] управления народом, не имеющие ничего общего с демократией. Второй элемент, “government by the people”, страдает от противоположного дефекта: он слишком туманен, чтобы получить специфические толкования. By the people в каком смысле? Эта формула лишена точности. Только третий элемент, “government for the people”, лишен двусмысленности: for означает, со всей очевидностью, в интересах народа, ради его блага, во имя его выгод. Но многие режимы прошлого, никогда не претендовавшие на то, чтобы быть демократиями, провозглашали себя правлением во имя народа. И ныне коммунистические диктатуры претендуют на звание демократий именно ссылаясь на это (т. е. на то, что являются правительствами для народа. – Э.Б.)” (Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, N.J., 1987. P. 34–35).

собственном интересе»²¹⁶. Отвергает он и другое «поспешное допущение» «теоретиков демократии», согласно которому «социальная гармония зависит от обсуждения (discussion), а само обсуждение зависит от формальной консультации со всеми теми, чьи интересы оказываются затронутыми социальной политикой»²¹⁷. «Пришло время, – настаивает Лассуэлл, – отказаться от предположения, что проблема политики – это проблема проведения дискуссий (promoting discussion) среди всех заинтересованных сторон, имеющих отношение к данной проблеме»²¹⁸.

Объясняя свое негативное отношение к представлению о том, что сами индивиды лучше других понимают собственный интерес и что дискуссии являются эффективным инструментом демократической политики, Лассуэлл замечает, что это не следует истолковывать так, будто он выступает в защиту диктатуры. Цель демократической политики – «не столько в том, чтобы разрешать конфликты, сколько в том, чтобы предотвращать их, и не столько в том, чтобы служить предохранительным клапаном социального протеста, сколько в том, чтобы направлять социальную энергию на устранение повторного возникновения источников напряжения в обществе»²¹⁹.

Иначе говоря, нужна «политика превентивных действий»²²⁰, а ее невозможно проводить ни путем дискуссий (они зачастую не устраняют трудности, а осложняют и усугубляют их), ни тем более с помощью диктатуры. Нас, говорит Лассуэлл, на протяжении долгого времени вводили в заблуждение, терминологически противопоставляя демократию диктатуре и аристократии. «Наша задача состоит в том, чтобы руководствоваться истиной относительно условий гармоничных человеческих отношений, и открытие этой истины есть цель специализированного исследования; это не монополия народа как народа или правителя как правителя»²²¹.

В этих высказываниях – ключ к пониманию предлагаемой Лассуэллом модели демократического управления обществом. Ни автономно действующие граждане, ни диктаторы, ни демократически ориентированные политики не в состоянии самостоятельно добиться гармонизации общественных отношений и предотвращения социально-политических конфликтов. На помощь народу и власти должны прийти специалисты в области политической науки, которые, не претендуя на самостоятельное принятие политических решений, направят умы государственных деятелей по нужному руслу²²², помогут осуществить социальную терапию за счет, как уже говорилось, усиления его и у рядовых представителей общественности, и у официальных лиц. Это достигается, в частности, за счет рационализации потока информации, на основе которой выносятся моральные суждения и принимаются политические решения, а также посредством распространения просвещения и т. п.

Некоторые высказывания Лассуэлл а могут навести на мысль о его готовности передать бразды политического правления каким-то замкнутым, отделенным от массы группам. Но это не так, и сам он не раз публично выражал опасения, что доминирование в обществе закрытых каст, обладающих мощными властными ресурсами и склонных к осуществлению насилия, может подорвать основы демократии. Политических экспертов, помогающих «оздоровить общество», рационализировать властные отношения, он к такого рода кастам не относил.

Лассуэлл был одним из первых, если не самым первым демократологом, переосмыслившим предложенное Вильфредо Парето понятие «элиты», за что подвергся критике со стороны

²¹⁶ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. Chicago and London, 1986. P. 194.

²¹⁷ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 196.

²¹⁸ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 196.

²¹⁹ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 197.

²²⁰ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 198.

²²¹ Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 197.

²²² «Политика превентивных действий не зависит от серии изменений в организации правления. Она зависит от переориентации умов (reorientation in the minds) тех, кто размышляет о центральных проблемах, стоящих перед обществом...» (Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. P. 198).

ряда исследователей. Так, Джованни Сартори, признавая, что «Лассуэллу более, чем кому-либо другому, термин “элита” обязан своим утверждением в качестве общепринятой категории, применяемой при обсуждении конструкции, которую мы вслед за ним стали называть “моделью правящей элиты”»²²³, тут же замечает: «Лассуэлл... воспринял у Парето слово, но не понятие. Качественная коннотация термина “элита” у Лассуэлл а исчезает»²²⁴. В подтверждение своей точки зрения Сартори приводит следующее определение элиты, предложенное Лассуэллом: «Политическая элита есть высший властвующий класс»²²⁵. «Это, – утверждает Сартори, – чисто альтиметрическая (т. е. количественная, фиксирующая определенную точку на властной вертикали. – Э.Б.) коннотация. В других случаях элита просто совпадает у него с обладанием властью»²²⁶. В подтверждение справедливости своей оценки Сартори приводит еще одно высказывание Лассуэлла и Каплана: «...элиты – это те, кто обладает в группе наибольшей властью»²²⁷.

«... Тут налицо, – заключает Сартори, – радикальная трансформация концепции Парето – трансформация, достоинство которой нейтрализуется ее недостатком. Достоинство – аналитического свойства, оно заключается в аналитическом преимуществе, позволяющем отделить альтиметрическую характеристику (или де-факто властное охарактеризовывание) от качественного охарактеризовывания. Недостаток – семантического свойства: почему [он] говорит “элита”, совершенно не имея в виду то, что значит этот термин, т. е. то, что этот термин передает посредством своей семантической силы? Более того, если “элита” уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой термин мы употребим, когда будут иметься в виду эти характеристики? Таким образом... семантическое искажение, в свою очередь, порождает, описав круг, концептуальное искажение»²²⁸.

На самом деле не все так просто, как пытается представить Сартори. И убеждает в этом сам Лассуэлл. «Термин “элита”, – пишет он, – используется в дескриптивной политической науке для обозначения социальной формации, из которой рекрутируются лидеры. В демократиях элита ограничена (is limited). Она может включать небольшое число семей землевладельцев или семей крупных купцов, промышленников и банкиров. Элита может быть ограничена семьями главных партийных чиновников или правительственных чиновников или офицеров, состоящих на службе в вооруженных силах (в том числе в политической полиции)»²²⁹. Иную ситуацию, говорит Лассуэлл, видим мы в демократическом обществе. Там «за небольшим исключением каждый взрослый может быть избран [в орган власти], что позволит ему влиять на процесс принятия решений настолько, насколько он захочет и насколько удача позволит ему заручиться согласием сограждан. При таких условиях не существует монополии на власть, находящейся в руках правящей касты, и все сообщество оказывается той грядкой, на которой вырастают правители (rulers) и управленцы (governors). Элита демократии (“правящий класс”) – это элита всего общества (societywide)»²³⁰. И еще: «...Элита демократии включает все уровни сообщества»²³¹.

Как можно видеть из этих (и многих других) высказываний, качественная коннотация термина «элита» у Лассуэлла не исчезает – она им просто переосмысливается в свете американского национального опыта и на основе американского менталитета. Так что когда Сартори

²²³ Sartori J. The Theory of Democracy Revisited. Chatham (N. J.), 1987. R 144.

²²⁴ Sartori J. The Theory of Democracy Revisited. Chatham (N. J.), 1987. R 144.

²²⁵ Lasswell H. Agenda for the Study of Political Elites // Political Decision-Makers. Ed. by D. Marvick. Glencoe, 1961. P. 66.

²²⁶ Sartori J. The Theory of Democracy Revisited. Chatham (N. J.), 1987. P. 144.

²²⁷ Lasswell H. and Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. New Haven, 1950. P. 201.

²²⁸ Sartori J. The Theory of Democracy Revisited. Chatham (N. J.), 1987. P. 144.

²²⁹ Lasswell H. Power and Personality. N.Y., 1948. P. 109.

²³⁰ Lasswell H. Power and Personality. N.Y., 1948. P. 109.

²³¹ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 146.

гадает, какой скрытый смысл таит в себе лассуэловский подход и не состоит ли он (один из вариантов) в том, что Лассуэлл вменяет ценностное достоинство элиты всем тем, кто оказался «наверху», он попадает в «яблочко». Для американца одним из высших достоинств человека является достижение им успеха, умение выбиться в люди не из какой-то привилегированной группы (там и выбиваться нечего), а из массы, из низов. Так что уже сам факт, что человек смог подняться вверх по политической лестнице, есть свидетельство его таланта, его достоинств. Он элита уже потому, что смог сделать то, чего не смогли другие. Да и сделать это он смог, по видимому, потому, что обладает достоинствами, которые высоко оценили его сограждане.

Именно из элиты рекрутируются демократические лидеры, на плечи которых ложится решение важнейшей задачи: «...как привести все сообщество к такому уровню равновесия (equilibrium), который поддерживает (sustain) демократию... Демократическое равновесие – это равновесие, при котором человеческая деструктивность, будь то в форме импульса или практики, находится на низком уровне»²³². Лассуэлл особо подчеркивает, что демократическое лидерство зависит не столько от специализированной подготовки немногих, сколько от повышения уровня всей демократической элиты, которая – он отмечает это снова и снова – рекрутируется из всего общества²³³. Но решить свою задачу демократические лидеры смогут лишь в том случае, если будут поддерживаться обществом. Так что *проблема политического лидерства – это еще и проблема постоянного взаимодействия лидеров с обществом и ответственности перед ним.*

Это тем более важно, что демократия, как утверждает Лассуэлл, зависит от того, находят ли демократические институты и демократическая политика поддержку со стороны общественного мнения. Данное обстоятельство представляется ему настолько существенным, что он посвящает его исследованию специальную работу «Демократия через общественное мнение». «Демократия, – пишет он, – зависит в осуществлении целей и средств демократического правления от общественного мнения. Цели демократии постоянны, но средства должны соответствовать потребностям и возможностям времени»²³⁴. Заметим, что анализ многочисленных высказываний Лассуэлла, касающихся общественного мнения, дает основание утверждать, что, истолковывая последнее порой очень широко, он говорил, по сути дела, не о роли общественного мнения, а о роли общественного сознания в утверждении демократии. Исследование этой роли и стало впоследствии одной из задач новой дисциплины – «политической культуры», в становление которой «чикагец» Гэбриел Алмонд внес огромный вклад.

Лассуэлл исходит из презумпции, что *демократия оказывается прочной лишь в том случае, если опирается на массовую «демократическую личность» со своим характером, темпераментом, установками, функциональным типом и ролями.* «Стабильность демократического сообщества зависит, вне всякого сомнения, от формирования характеров, способных уважать основы человеческого (basic humanity) во всех людях»²³⁵. Он цитирует Уильяма Пенна: «Если люди хороши, правительство не может быть плохим».

Именно на базе демократической личности формируется гражданин демократического общества, способный и готовый играть, по крайней мере, какой-то минимум ролей. «Он будет разделять перспективы демократической доктрины, которые... включают позитивную идентификацию с человечеством (и со всеми меньшими группами, чья деятельность совместима с большим целым); спрос на общество, в котором в рамках разделяемой власти и уважения все ценности становятся более распространенными и доступными; ожидания того, что люди *могут* делать на универсальном и перманентном уровне то, что они часто делали на более локальном

²³² Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 146.

²³³ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 148.

²³⁴ Lasswell H. Democracy Through Public Opinion. Menasha, WI, 1941. P. 1.

²³⁵ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 150.

и временном уровне. Помимо этих доктринальных перспектив граждане будут поддерживать до известной степени активное и [основанное на] информированности участие в общественных делах»²³⁶.

Произведения Лассуэлла конца 30-х – начала 40-х годов, как и произведения других «чикагцев» и не только их, проникнуты тревогой за судьбы демократии в мире. На этом фоне и рождается его широко известная концепция «гарнизонного государства». Первые подходы к ней были намечены американским исследователем еще в 1937 году в статье «Японо-китайский кризис: гарнизонное государство против гражданского государства»²³⁷. А четырьмя годами позднее появляется статья «Гарнизонное государство», где эта концепция излагается в завершённом виде.

«Гарнизонное государство», о котором он ведет речь, Лассуэлл характеризует как «развивающийся конструкт» («developmental construct»), представляющий не описание реально существующего феномена, а, если воспользоваться термином Вебера, своего рода «идеальный тип», призванный помочь «специалисту выяснить возможную релевантность его исследования надвигающимся событиям, затрагивающим ценности, которые он одобряет как гражданин»²³⁸.

Лассуэлл ставит своей задачей поиск ответа на вопрос, «не движемся ли мы к миру “гарнизонных государств” – миру, в котором наиболее мощной группой в обществе являются специалисты по осуществлению насилия»²³⁹. И приходит к выводу, что «тренд нашего времени» – переход от общества, в котором ведущая роль принадлежит деловым кругам, к обществу, в котором властвует солдат. При этом он настойчиво подчеркивает, что *формирование гарнизонного государства не следует считать неизбежным. Это не более чем возможность, но возможность реальная.*

Лассуэлл выделяет также «переходные формы», которые могут образоваться при движении от гражданского государства к гарнизонному. Это «государство, управляемое партийным пропагандистским аппаратом, в котором доминирующей фигурой является пропагандист», и «государство партийной бюрократии, в котором жизненно важные решения принимают партийные организаторы»²⁴⁰. Существуют также «смешанные формы, в которых господство поделено между партийными монополистами и властью рынка (market power)»²⁴¹.

Государство, которым управляют «специалисты в области насилия», признает Лассуэлл, не является чем-то новым. Историки называют «военное государство одной из главных форм организованного общества»²⁴². Но сегодня его возможное становление будет происходить в условиях, когда на службу властям будет поставлена новая, не существовавшая ранее техника, что существенно расширяет возможности военного государства, а, значит, вызывает тревогу демократически ориентированного гражданина.

Гарнизонное государство, *по сути*, не имеет никакого отношения к демократии. В нем «...инструментальная демократия будет не востребована, хотя символы мистической “демократии”, вне всякого сомнения, сохранятся. Инструментальная демократия существует там, где власть (authority) и контроль широко рассредоточены среди граждан государства. Мистическая “демократия” – это, строго говоря, никакая не демократия, поскольку ее можно обнаружить там, где власть и контроль максимально сконцентрированы [в руках немногих], но где, тем не менее, согласно сложившейся практике, говорят от имени народа в целом. Таким обра-

²³⁶ Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 150. Курсив в тексте. – Э.Б.

²³⁷ Lasswell H. Sino-Japanese Crisis: The Garrison State versus the Civilian State // China Quarterly, XI (1937).

²³⁸ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 468.

²³⁹ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 455.

²⁴⁰ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 455.

²⁴¹ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 455.

²⁴² Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 457.

зом, диктатура может прославлять свою “демократию” и с презрением говорить о таких “механических средствах”, как правление большинства на выборах или в легислатурах»²⁴³.

В гарнизонном государстве соперничающие политические партии подавляются либо путем легализации монопольного существования одной политической партии, либо путем ликвидации всех политических партий. Происходит огосударствление всякой организованной общественной деятельности (экономической, религиозной, культурной), за исключением той, которая протекает в рамках тайных обществ.

На смену выборам в органы власти или референдумам по отдельным вопросам приходят плебисциты, которые в отличие от выборов, способствующих формированию и выражению общественного мнения, поощряют «лишь единодушные демонстрации коллективного чувства»²⁴⁴. Легислатур больше нет, а если допускается существование разного рода консультативных групп, то они действуют как ассамблеи, т. е. собираются на короткий период с целью ратификации решений центрального руководства; причем произносимые при этом речи носят церемониальный характер. «Таким образом, плебисциты и ассамблеи становятся в военном государстве частью церемониального процесса»²⁴⁵. Что касается законотворчества, то оно оказывается в руках «верховного властителя (supreme authority) и его совета»²⁴⁶.

Поскольку всеобщие выборы в гарнизонном государстве отсутствуют, то пополнение правящей элиты происходит, как говорит Лассуэлл, «путем ее самоувековечивания через кооптацию». При этом, как нетрудно догадаться, на главные посты назначаются представители офицерского корпуса, и вопрос лишь в том, из какой части общества и каким образом рекрутировать офицеров. Лассуэлл допускает существование разных критериев отбора в зависимости от ситуации (в условиях кризиса возрастает роль такого критерия, как способности человека), но считает, что «пристрастие и повиновение» будут всегда более важными критериями, нежели «объективность и оригинальность», хотя и не исключает того, что «современное машинное общество» будет усиливать потребность в последних.

В гарнизонном государстве власти будут стараться – в целях поддержания желательного для них морального состояния общества – не допускать слишком большого разрыва в уровне индивидуальных доходов, отдавая преимущество верхней средней и средней социальным strатам. Его низшую strату будут составлять, главным образом, неквалифицированные рабочие, занимающиеся физическим трудом.

Ликвидируется безработица – этот бич государств, в которых ведущая роль принадлежит деловым кругам. Но эта ликвидация, поясняет Лассуэлл, оказывается чисто «психологической», вылившись в основном в «переопределение символов». Появляется институт трудовой повинности, которая распространится на всех членов общества и уклонение от которой рассматривается как нарушение военной дисциплины. Принуждение, включающее принудительный труд, становится мощным инструментом внутреннего контроля. При этом главным объектом принудительного труда в тюрьмах и концентрационных лагерях выступают неквалифицированные рабочие, занятые в сфере физического труда и попадающая под подозрение контрэлита. «Долг повиноваться, служить государству, трудиться – вот кардинальные добродетели гарнизонного государства»²⁴⁷.

Особую роль в гарнизонном государстве играет, выступая в качестве сплывающей всех членов общества силы, «социализация опасности», т. е. воспитание всех людей в духе пред-

²⁴³ *Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 462.*

²⁴⁴ *Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 461.*

²⁴⁵ *Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 462.*

²⁴⁶ *Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 462.*

²⁴⁷ *Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol.46, No.4 (Jan., 1941). P. 460.*

ставлений о том, что над ними нависла смертельная военная угроза, справиться с которой они могут лишь проявляя солидарность и лояльность по отношению к властям.

Правители гарнизонного государства держат в своих руках не только политические, но и экономические рычаги, используя те и другие для манипулирования обществом – в частности, путем ограничения производства товаров невоенного назначения и нагнетания страха перед войной. Этот страх используется также для применения насилия и «кровопускания» (bloodletting), в котором правители видят средство сохранения тех ценностей, на которых держится гарнизонное государство.

Активно действует пропагандистская машина, манипулирующая соответствующими символами, роль которых в гарнизонном государстве весьма велика. А в качестве средства дисциплинирования населения и преодоления страха солдат перед гибелью на войне (а отчасти и в качестве эрзаца реальных военных действий) гарнизонное государство активно использует муштру и церемонии – в том числе военные.

Лассуэлл допускает, что благодаря использованию научно-технических достижений и привлечению на службу государства специалистов (в частности, физиков и инженеров) «грядущее гарнизонное государство будет значительно менее ригидным, чем военные государства античности»²⁴⁸. Однако это не прибавляет симпатий американского демократолога к такому государству, и он ставит вопрос о необходимости поисков ответа на вопрос о том, как сохранить по максимуму демократические ценности в гарнизонном государстве, если его приход станет неизбежным.

Лассуэлл также задается вопросом о том, какие из стран начала 40-х годов XX века – он называет Японию, Германию, Россию, США, – как (насильственным или ненасильственным путем) и в каком порядке могли бы переродиться в гарнизонное государство. И еще вопрос: «с какими символическими паттернами будет ассоциироваться переход к гарнизонному государству»²⁴⁹.

Американский исследователь выделяет «четыре важных идеологических паттерна» (которые он называет также «миро-символическими» – world-symbol – паттернами). Первый – «национальная демократия (Британия, Соединенные Штаты)». Второй – «национальная антиплутократия (также антипролетарии) (Германия, Россия, Япония, Италия)». Третий – «мир-пролетариат (Россия)». Четвертый – «подлинный мир-пролетариат (такого государства в настоящее время не существует)»²⁵⁰.

При этом, как отмечает Лассуэлл, в отношении каждого из паттернов выдвигаются определенные «требования» и с каждым из них связываются определенные «ожидания». Для первого паттерна – это «универсализация федерации демократических свободных наций». Для второго – «универсализация «оси» национальных социалистических держав». Для третьего – «универсализация Советского Союза, Коммунистический Интернационал». Что касается требований и ожиданий, связываемых с четвертым паттерном, то они формулируются так: «новые элиты используют революционный кризис для ликвидации “русских предателей”, всех “национальных социализмов” и “плутократических демократий”»²⁵¹.

Из этой схемы вытекает несколько значимых выводов, касающихся представлений Лассуэлла о состоянии мира и возможных направлениях мирового развития. Во-первых, он, как и Мерриам и ряд других аналитиков, не отрицает перспективы дальнейшей эволюции демократических государств по пути объединения их во всемирную демократическую федерацию. Это вполне гармонирует с представлениями Лассуэлла о том, что равновесие, на котором зиждется

²⁴⁸ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941). P. 466.

²⁴⁹ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941). P. 467.

²⁵⁰ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941). P. 468.

²⁵¹ Lasswell H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. Vol. 46, No. 4 (Jan., 1941). P. 468.

демократия и которое удается установить в национальном масштабе, может быть достигнуто и «на глобальном уровне», и что настоящий демократ «отождествляет себя со всем человечеством»²⁵².

Второй важный момент заключается в том, что ни одно из современных ему государств, включая нацистскую Германию, фашистскую Италию и социалистический Советский Союз, Лассуэлл не отождествляет с гарнизонным государством, хотя многие из черт последнего легко было обнаружить либо в некоторых из названных государств, либо в каждом из них. Это – свидетельство в пользу американского исследователя, ибо целостной системы черт, характеризующих предложенную Лассуэлом модель, не существовало ни в одной из перечисленных стран.

Третий момент касается России, т. е. Советского Союза, который оказывается в числе «национальных антиплутократий» и одновременно выступает в самостоятельном качестве. Думается, это не «оговорка» и не «описка». С одной стороны, Лассуэлл следует сложившейся на Западе идеологической практике отождествления СССР с нацистской Германией и фашистской Италией, поскольку все они рассматривались как государства тоталитарные. Но в отличие от абсолютного большинства своих коллег Лассуэлл показывает (по крайней мере, в данном тексте), что полного отождествления Советского Союза с Германией и Италией быть не может: при сходстве некоторых черт это – разные социальные и политические общности и у них разная возможная судьба.

Лассуэллу не удалось реализовать всех своих творческих замыслов, и в частности создать интегральную науку о демократии. Но и то, что он сделал, представляет собой оригинальный и уникальный вклад в демократологию, которую он трактовал, как и Мерриам, не только как науку о власти, но и как науку о человеке.

²⁵² *Lasswell H. Power and Personality. N. Y., 1948. P. 108.*

Демократия: планы на будущее

В конце 30-х – начале 40-х годов, когда в мире разразилась и стала набирать обороты Вторая мировая война, а под ударами военной машины нацистской Германии и ее союзников один за другим рушились демократические режимы в Европе, стало ясно, что мир вступает в какую-то новую эпоху. «Старый мир ушел и не вернется, – констатировал Мерриам в 1941 году. – Мы оказались перед лицом новой эры, которая подвергает испытаниям (searches) все кредо, все формы, все программы действий, ничего не предлагая взамен»²⁵³.

Исход войны был в то время еще совершенно не ясен, поэтому первым из вопросов, волновавших и представителей академической общины, и политиков, был вопрос о судьбе демократии в Европе и во всем мире, включая Америку «Сможет ли демократия выжить в современном мире или же она должна будет уступить место другим типам политической ассоциации?», – спрашивал Мерриам²⁵⁴. И отвечал: «Если брать вопрос в самом широком плане, то мало сомнений в том, что время от времени в мире будут возникать демократические формы. Выдержит ли демократия нынешний шторм, зависит от того, сможет ли она выработать программу и организацию, приспособленные к потребностям сегодняшнего дня»²⁵⁵. Годом позднее, в своих лекциях «Что такое демократия?», прочитанных в октябре-ноябре 1940 года, Мерриам высказывается оптимистичнее: «Мы верим, что в широкой временной перспективе идеалы демократии, свободы, равенства, справедливости будут восприняты всем человечеством»²⁵⁶.

В связи с вопросом о перспективах демократии вставал вопрос и о том, что следовало бы предпринять в самих Соединенных Штатах в ответ на мировые вызовы нацизма и фашизма и изменения, происшедшие в связи с войной в самой Америке? С ним был связан еще один вопрос, исходивший из презумпции конечной победы в войне с нацистской Германией, – а именно: как должен быть обустроен мир, в котором воцарился бы прочный демократический порядок?

Эти вопросы оставались для американцев актуальными и после того, как стало ясно, на чьей стороне будет победа. А первые попытки найти на них ответы мы находим уже в упоминавшихся выше книгах Чарльза Мерриама «Новая демократия и новый деспотизм», «На повестке дня демократии», «Что такое демократия?»²⁵⁷, в «Демократии через общественное мнение» Гарольда Лассуэлла²⁵⁸, а также в работах «Не исчезнет с лица земли» профессора Гарвардского университета Ральфа Перри²⁵⁹, «Современная демократия» Карла Бекера²⁶⁰, «Демократический манифест» Эмери Ревеша²⁶¹ и ряде других.

Наиболее развернутый план действий предлагал Чарльз Мерриам. Демократии, считал он, следует приспособиться к новым условиям. И касается это прежде всего государства. «Дни мало ограниченного *laissez faire*, дни, когда на правительство смотрели как на необходимое зло, – эти дни давно прошли, быть может, навсегда»²⁶². Мерриам, правда, оговаривается, что

²⁵³ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. XIII.

²⁵⁴ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 4.

²⁵⁵ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939. P. 4.

²⁵⁶ Merriam Ch. E. What Is Democracy? Chicago, 1941. P. 91.

²⁵⁷ Merriam Ch. E. The New Democracy and the New Despotism. N. Y., 1939; On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941; What Is Democracy? Chicago, 1941.

²⁵⁸ Lasswell H. Democracy through Public Opinion. Menasha, WI, 1941.

²⁵⁹ Perry R. B. Shall not Perish from the Earth. N. Y., 1940.

²⁶⁰ Becker C. Modern Democracy. New Haven? 1941.

²⁶¹ Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942.

²⁶² Merriam, Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 125.

в условиях быстро изменяющегося мира, трудно с полной определенностью сказать, какие формы вернутся, а какие – навсегда канули в Лету. Но он убежден, что «laissez faire и свободная торговля недостаточно сильны, чтобы организовать грядущие поколения человечества»²⁶³ и что Америка вместе с другими странами вступила в мир, в котором *демократическое государство должно взять на себя ряд организационно-управленческих функций, отсутствовавших прежде.*

Такой подход вполне соответствовал духу «Нового курса» Франклина Рузвельта, предусматривавшего государственное регулирование экономических отношений, государственное планирование и т. п.²⁶⁴. Мерриам отстаивает необходимость «демократического планирования [использования] национальных ресурсов», к числу которых он относит землю, воду, минералы, источники энергии, производственные мощности; население; различного рода ассоциации и организации, в том числе правительственные; наконец, «наши американские идеалы, цели и общие директивы»²⁶⁵. Определяя планирование как «организованную попытку использования социального разума для определения национальной политики», Мерриам поясняет, что цель планирования – разумное использование национальных ресурсов с учетом возможных перспектив развития страны. Будучи сторонником планирования, говорит он, «я вижу возможность адаптации наших национальных ресурсов к нашим национальным потребностям в условиях мира, как и в условиях войны, для развития национального производства (productivity) и повышения стандартов жизни... Это Билль о правах, соответствующий современным условиям. Это жизнь, свобода и стремление к счастью в условиях экономики изобилия двадцатого века»²⁶⁶.

Словно оправдываясь перед теми критиками «Нового курса», которые упрекали сторонников последнего в том, что, ориентируясь на использование механизмов планирования, они предают дорогие американцам идеалы свободы, Мерриам утверждает, что плановое начало всегда присутствовало в национальной традиции. «С самого начала в нашей национальной жизни можно было наблюдать различные формы планирования»²⁶⁷, уверяет он. И в качестве примера ссылается на... Конституцию США. «Сама Конституция была экономико-политическим планом грандиозного масштаба, который не только очертил демократические рамки правления, но также наметил социальные планы обращения с валютой, тарифами, коммерческих отношений между штатами и международных отношений»²⁶⁸.

Мерриам – убежденный и последовательный сторонник не только политической, но и *социальной демократии*, ориентирующей как на использование централизованного планирования и государственных рычагов в регулировании экономики, так и на вмешательство государства в социальные отношения и проведение им определенной социальной политики. Характеризуя социальную политику, которую должно проводить государство, он ставит вопрос чисто по-американски: *новая демократия должна дать «новые гарантии стремления к счастью».* Демократическое правительство должно заботиться об «общем благосостоянии» (common welfare), способствовать справедливому распределению благ цивилизации между членами общества.

Мерриам предлагает целую социальную программу, для реализации которой, как он утверждает, имеются все необходимые материальные предпосылки. Она не подорвет безопас-

²⁶³ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 109.

²⁶⁴ См.: Мальков В.Л. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973.

²⁶⁵ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 76.

²⁶⁶ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 111.

²⁶⁷ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 77.

²⁶⁸ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 78.

ность Соединенных Штатов, которые смогут производить одновременно и пушки, и масло, но позволит сгладить существующую в обществе социальную несправедливость.

«Каждому – равный доступ к минимальной безопасности, равно как и к достижениям цивилизации.

Каждому – пищу, кров, одежду в соответствии с минимальным американским стандартом.

Каждому – работу за справедливую плату, если он обращается на рынок труда, и гарантия против безработицы.

Каждому – гарантия защиты при несчастном случае и болезни.

Каждому – гарантированное образование, соответствующее его личности и миру, в котором он живет.

Каждому – гарантия защиты по достижении старости.

Каждому – возможность отдыха (recreation) и культурного времяпрепровождения (cultural activity), соответствующие его времени»²⁶⁹.

Мерриам утверждает, что это реализуемая программа, но она мыслится им как часть более широкой программы, предусматривающей, в частности, придание «современной формы» структуре государственной власти. Последняя должна быть упрощена: это позволило бы ей более динамично реагировать на требования времени. Одновременно ее следовало бы напитать новой энергией, дающей возможность более активно решать встающие перед обществом задачи. Это касается как законодательной, так и исполнительной власти.

Мерриам полагал, что роль законодательного собрания в системе органов власти демократического общества не ограничивается выработкой законов. «Первостепенная роль законодательной ассамблеи заключается в объединении разума и воли сообщества. С одной стороны, это инструмент использования социального интеллекта сообщества, а с другой – формирования и выражения воли сообщества. Эта воля, в свою очередь, опирается на особые интересы и общие интересы, уравнивая их. Законодательный орган – символ этого слияния разума и воли...»²⁷⁰.

Такой подход согласуется с представлением Мерриама о том, что «общий характер (temper) представительной организации важнее ее структуры»²⁷¹; что «рационализация (streamlining) нашей законодательной демократии касается, прежде всего, не новых законов, а нового понимания и практик»²⁷² и что сила законодателя – не в проработке деталей предлагаемого политического курса, а в разработке «общих принципов». «Законодательные функции, – пишет он, – часто истолковываются неправильно. Тут дело не в деталях, а в широких принципах. Эти функции включают в себя:

Фискальное распределение национальных ресурсов в интересах всеобщего блага (general good).

Формулирование базовых решений и широких директив, касающихся национальной политики.

Общий надзор над администрацией и разработка путей и средств обеспечения подотчетности администрации на основе законов.

Организация на высоком уровне демократической полемики, в результате которой расходования в принципах и политических решениях могли бы, безусловно, быть использованы для принятия эффективного национального решения»²⁷³.

²⁶⁹ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 99.

²⁷⁰ Merriam, Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 12.

²⁷¹ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 12.

²⁷² Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 17.

²⁷³ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 17.

Введение Мерриамом пункта о полемике в перечень базовых функций законодательного органа не случайно. Возражая тем критикам демократии, которые видят в парламентских дебатах пустую говорильню и бесполезную трату денег налогоплательщиков, американский демократолог настаивает на том, что такого рода дискуссии, если они правильно построены, приносят двойную пользу. Во-первых, они помогают отыскать истину. Во-вторых, они способствуют достижению согласия в обществе, и это очень важно, ибо демократия должна строиться не на принуждении, а на согласии (consent).

Возражает Мерриам и тем, кто критикует деятельность законодательных органов на том основании, что они испытывают влияние со стороны различного рода групп давления. Подобная критика, утверждает он, просто наивна, ибо не найдется таких «человеческих ассоциаций», в которых бы не существовало давлений и контрдавлений со стороны различных групп и стоящих за ними интересов. «Именно эти давления со стороны индивидов и интересов требуют выполнения государством функции обеспечения равновесия. Если бы все интересы и давления уравнивались автоматически, то не было бы никакой надобности в государстве»²⁷⁴. Было ли это попыткой теоретического оправдания лоббизма? Вопрос открытый. Но то, что Мерриам внес определенный вклад в упорядочение и юридическое признание лоббизма как специфического института американской политической системы, нам представляется очевидным²⁷⁵.

Большую роль в обеспечении оптимального функционирования демократического государства Мерриам отводит исполнительной власти. «Без компетентного управления не выживет ни одно правительство»²⁷⁶. Особенно велика роль умелого административного управления в критических ситуациях – в частности, в условиях военного времени. Административным органам должна быть предоставлена необходимая свобода действий. Чрезмерные ограничения стали бы для «современных типов технического компетентного администрирования» настоящим «поцелуем смерти»²⁷⁷.

Демократия, утверждает Мерриам, принесла с собой поистине революционные преобразования в сферу административного управления. В прежние времена управленцы рекрутировались в основном из господствующих классов и пеклись прежде всего об их интересах. Демократия поставила на службу государству, а значит, и обществу все богатство имеющихся в стране талантов. Несколько перефразируя известную формулу Авраама Линкольна, Мерриам характеризует демократическое управление как «управление массы, осуществляемое с точки зрения массы в общих интересах»²⁷⁸.

Очень важно, считает Мерриам, установить здоровые отношения между законодательной и исполнительной властями, между президентом страны и Конгрессом. В противном случае государственный корабль может сесть на мель. При этом нет необходимости ставить президента в подчиненное положение по отношению к Конгрессу или Конгресс в подчиненное положение по отношению к президенту. Что необходимо, так это широкое обсуждение в широком плане вопросов национальной политики (финансовых, экономических, кадровых) при меньшем внимании к деталям и большей концентрации на проблемах общего порядка.

Мерриам признает, что административное управление не всегда бывает эффективным и может быть сопряжено с неудобствами для отдельных граждан и групп. Но его конечная цель – обеспечение свободы человека, развитие личности. «Здоровое администрирование не угрожает нашей демократии, а помогает ей»²⁷⁹.

²⁷⁴ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 23.

²⁷⁵ Об американском лоббизме см.: Зяблюк Н.Г. США: лоббизм и политика. М., 1976.

²⁷⁶ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 41.

²⁷⁷ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 41.

²⁷⁸ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 33.

²⁷⁹ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 50–51.

Свои рассуждения о необходимости приведения системы государственной власти в соответствие с новыми требованиями времени лидер чикагской школы завершает на гуманистической ноте: и демократия как таковая, и конкретные демократические механизмы, утверждает он, имеют одну-единственную цель – благо человека.

Но демократические государства, поясняет Мерриам, могут существовать только в демократическом мире. Поэтому перед ними стоят «две великие цели в сфере мировых отношений (world relationships): I. Гарантирование существования в мире такого правового (jural) порядка, при котором решения принимаются не путем применения насилия, а на основе справедливости. II. Максимально полное развитие национальных ресурсов всех наций и максимально полное участие всех народов в [пользовании] достижениями цивилизации»²⁸⁰. Как поясняет Мерриам, необходимо выстроить такие международные, или, как он говорит, мировые отношения, которые были бы основаны не на силе, а на праве. Это не обязательно предполагает появление всемирного государства (world-state). Нужно только «положить конец анархии [в отношениях] между государствами и создать порядок, охватывающий весь мир (world-order)²⁸¹. Это предполагает общепризнанное толкование «агрессии» и обеспечение общими силами коллективной безопасности. В рамках мирового порядка могут существовать суверенные государства, но их суверенитет не может быть «абсолютным, неограниченным и неразумным».

Мы не знаем, признается Мерриам, каким окажется грядущий мировой порядок, основанный на праве. Не исключено, что он будет найден методом проб и ошибок. Но он должен обеспечить (sic!) общий доступ к природным богатствам земли; повсеместное и максимально полное развитие природных и человеческих ресурсов, которые будут доступны для всех; передовое разделение труда и процесса производства с учетом наличия соответствующих природных ресурсов, климата и трудовых навыков населения; широкое распределение продуктов в рамках экономики, основанной на свободном предпринимательстве; свободное передвижение граждан; всеобщую (universal) свободу мышления и высказываний, а также возможность участвовать на условиях равенства в принятии общественных решений²⁸². В мире, основанном на этих принципах, был бы положен «конец эксплуатации нации нацией», установлен принцип братства и устранена такая ситуация, когда значительной части человечества приходится играть «рабскую роль»²⁸³.

Встает естественный вопрос: а как должны быть институционализированы отношения в грядущем мировом демократическом сообществе (Мерриам даже бросает слово «Союз»)? Существующий политический вокабуляр, жалуется он, не дает возможности точно идентифицировать ту форму единения, которая может возникнуть. Сам же он называет ее «высшим федерализмом» (higher federalism), предусматривающим «высшую кооперацию» наций, направленную на решение общих проблем.

Мерриам соглашается, что до создания такого мира еще далеко. Но какие-то шаги в этом направлении могут быть предприняты уже теперь (т. е. в начале 40-х годов XX века). Это касается планирования общей обороны ряда государств, проявлений политической солидарности, выработки различных форм общего гражданства, что придавало бы «политическую ценность военным, экономическим и культурным программам, которые уже существуют или еще только должны начать осуществляться»²⁸⁴. Можно было бы подумать и о «минимизации трудностей, связанных с существованием многих национальных валют»²⁸⁵. И сделать это тем легче, что хотя

²⁸⁰ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 51–52.

²⁸¹ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 53.

²⁸² Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 56–57.

²⁸³ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 64.

²⁸⁴ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 62.

²⁸⁵ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 63.

«мирового гражданства» (citizenship) не существует юридически, оно, как полагает Мерриам, существует фактически. «В известном смысле сам факт существования наших общих забот создает общее гражданское население (citizenry), состоящее из всех свободных людей»²⁸⁶. А свободные люди, объединившие усилия на базе общих ценностей и стремящиеся к реализации демократического идеала, способны на многое.

Мерриам был не одинок в своих поисках. Вопрос о том, как утвердить демократические принципы на международной арене после победы над нацизмом и выстроить новый демократический мировой порядок, рассматривался и в опубликованной в 1942 году книге известного американского публициста и издателя венгерского происхождения Эмери (Имре) Ревеша «Демократический манифест», вызвавшей сочувственный отклик Томаса Манна.

Важно не то, подчеркивал Ревеш, появится ли со временем новая Лига Наций или какие-то региональные организации или союз англоязычных государств или мировое правительство. «Важен факт понимания нами того, что значат принципы демократии в условиях двадцатого века и того, что на базе этих принципов должен начаться процесс международной интеграции»²⁸⁷.

Ревеш предлагал разработать международную хартию, воссоздающую применительно к новым императивам эпохи принципы, провозглашенные в разное время в Великой хартии вольностей, американской Декларации независимости, Билле о правах и французской Декларации прав человека и гражданина. В этой международной хартии, которая выступила бы в качестве своеобразной международной конституции, должны были бы быть сформулированы, считал Ревеш, базовые принципы демократии и определено их значение в современных условиях.

Во-первых, это «право на свободу». Применительно к сфере международных отношений это означало бы, что «каждая нация должна быть свободной и независимой, однако лишь в той мере, в какой использование этого права не наносит ущерба свободе и независимости других наций»²⁸⁸. Отсутствие такого ограничения, считал Ревеш, создавало бы условия для возникновения новых войн.

Во-вторых, это «принцип равенства». Применительно к сфере международных отношений данный принцип означал бы, что «все нации должны быть равны перед законом. При той организации мира, которая существует сегодня, в нем вообще отсутствует какое-либо международное право, а без такого права “равенство” наций лишено смысла и лишь прокладывает путь к войнам»²⁸⁹.

В-третьих, это «право на безопасность». Применительно к сфере международных отношений предлагаемый принцип означал бы, что «безопасность нации может быть обеспечена лишь посредством ее сотрудничества со всеми другими нациями, направленного на защиту прав каждой из них»²⁹⁰. При этом принципы нейтралитета и невмешательства должны быть объявлены вне закона, поскольку они не способствуют обеспечению базовых принципов демократии и ведут к возникновению войн.

Четвертый принцип касается суверенитета. «Существование нескольких сотен суверенных государств, осуществляющих суверенную власть, находится в полном противоречии с демократической концепцией суверенитета, который должен установиться в [мировом]

²⁸⁶ Merriam Ch. E. On the Agenda of Democracy. Cambr., Mass., 1941. P. 57–58.

²⁸⁷ Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 130.

²⁸⁸ Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 131. В американской политической литературе понятие «нация» (nation) имеет несколько значений: оно означает и страну, и национальную общность, а в ряде случаев и государство как синоним страны. Это нашло отражение и в нашем политическом лексиконе: United Nations Organisations мы переводим как Организацию Объединенных Наций.

²⁸⁹ Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 131.

²⁹⁰ Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 132.

сообществе (community)»²⁹¹, характеризуемом Ревешом как «всемирная совокупность граждан» (universality of citizens). Автор «Манифеста» предлагает осуществить разделение властей во всемирном масштабе, предоставив «[мировому] сообществу абсолютный суверенитет, а отдельным нациям (individual nations) и отдельным государствам (individual states) только такую суверенную власть, которая имеет своим источником всеобщий (universal) суверенитет»²⁹².

Победа, которая, как считал Ревеш уже в момент публикации «Манифеста» (а это, напомним, 1942 год), непременно будет одержана, «должна быть победой этих новых принципов, на основе которых мы сможем построить новое и лучшее мировое сообщество»²⁹³. Но прояснением и кодификацией этих принципов надо начинать заниматься еще до победы. Промедление недопустимо, ибо политическая победа должна предшествовать победе на полях сражений – только в этом случае можно надеяться на то, что послевоенное мироустройство будет разумным (reasonable).

В работе Ревеша звучат многие из идей, которые были провозглашены – пусть в более модернизированной форме – позднее, когда США повели речь о необходимости международной интеграции и ограничении национально-государственного суверенитета. «Устранение международного [политического] и экономического партикуляризма – это историческая необходимость. Результатом этой войны станут ограничение национальных суверенитетов и начало процесса международной интеграции. Такое развитие может происходить в двух формах: либо путем достижения взаимного согласия между независимыми и суверенными нациями, либо путем принуждения с помощью силы (through forceful imposition)»²⁹⁴.

Поскольку, судя по историческому опыту, весьма вероятно, что демократизацию мира придется осуществлять принудительным путем, говорит Ревеш, должен существовать лидер, способный повести за собой мир в правильном направлении. И выступить в роли такого лидера должны «англо-американские нации» (Anglo-American nations). Во-первых, потому, что (важный момент!) «от должной (proper) реорганизации мира будет зависеть выживание их собственных демократических институтов и само существование их народов»²⁹⁵. Второе основание для англо-американского лидерства в послевоенном мире Ревеш находил в истории. «... Последние несколько веков доказали, что на современной стадии человеческой истории англо-американское превосходство означает общий прогресс всего человечества, тогда как любые попытки доминирования со стороны других потенциальных мировых лидеров всегда означали реакцию на демократическую эволюцию»²⁹⁶.

В такой постановке вопроса применительно к Великобритании не было ничего нового: зависимость положения дел в этой стране от положения дел в континентальной Европе и за ее пределами признавалась на островах уже давно. Но тезис о зависимости судьбы американской демократии и самого существования американского народа не от того, кто победит в войне (ответ на этот вопрос был для Ревеша очевиден), а от того, *как* победители нацизма и фашизма сумеют обустроить мир и что будет происходить в Европе, т. е. тезис о *глобальной взаимозависимости*, звучал в 1942 году неординарно. Впрочем, это, если принять во внимание тезис о безоговорочном англо-американском лидерстве, была неравновеликая и неравноправная взаимозависимость. Но тем не менее – взаимозависимость.

И еще один момент. Ревеш едва ли не первым сформулировал тезис, который лишь более полувека спустя был открыто провозглашен Западом в качестве стратегического принципа

²⁹¹ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 132.*

²⁹² *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 132.* Под «государствами» Ревеш понимает «группы индивидов», обладающих (в данный момент) суверенитетом.

²⁹³ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 133.*

²⁹⁴ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 134.*

²⁹⁵ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 134.*

²⁹⁶ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 134–135.*

внешней политики и реализован на практике – тезис о *принуждении к демократии с помощью силы*.

Автор «Демократического манифеста» поясняет, что политическое единство, за которое он ратует, вовсе не предполагает отрицания многообразия существующих в мире традиций и культур. Необходимо лишь добиться того, чтобы имеющиеся между ними различия не приводили к вооруженным конфликтам, а вечная борьба за место под солнцем протекала в цивилизованных формах.

Формирование демократического миропорядка Ревеш увязывал с необходимостью корректировки «нашей существующей ныне системы отбора (selecting) представителей и правительства»²⁹⁷, которую он считал неудовлетворительной, поскольку она открывает доступ к власти лицам, не обладающим необходимыми лидерскими качествами. Следует добиться того, чтобы люди, направляемые в национальные ассамблеи, «были не только колоритными личностями, имели влиятельных друзей и обладали ораторскими способностями, но и чтобы у них имелся определенный минимум знаний, имеющих отношение к общественным делам и чтобы они придерживались демократических принципов»²⁹⁸.

Ревеш, по сути, выступал против одного из базовых принципов демократии – принципа толерантности. Он требовал введения ограничений для противников демократии на свободу слова, собраний и печати, полагая, что даже возможные издержки, которые появились бы в этом случае, не нанесли бы демократии того вреда, который был бы причинен ей в случае, если бы в существующие демократические институты не были внесены предлагаемые им ограничительные коррективы.

Обосновывая свою позицию, автор «Демократического манифеста» требовал отказаться от взгляда на демократию как закрытую ригидную систему. «Демократия нуждается в постоянном приспособлении (readjustment) [к изменяющейся обстановке]. Ее институты требуют непрерывного омоложения»²⁹⁹. Отсюда и переосмысление самого понятия «демократия», по сути вступающее в противоречие с выдвинутым им тезисом о необходимости перестройки системы демократических институтов. «Демократия... не может определяться какой-то системой институтов – уже существующих или тех, которые должны быть созданы. Демократия – это атмосфера, единственная атмосфера, в которой современный человек может жить, процветать и прогрессировать»³⁰⁰.

Ревеш пояснял, что демократический миропорядок, который надо начинать реформировать, не дожидаясь (победоносного) окончания войны, – не самоцель. Он должен помочь решить «социальные проблемы, проблемы производства, распределения и потребления, проблему общего подъема жизненного стандарта человеческой расы»³⁰¹.

Автор «Демократического манифеста», по сути, повторял мысль Джона Дьюи о том, что демократия – живое явление и представление о ней должно постоянно пересматриваться. Но Дьюи, судя по его высказываниям, предполагал, что этот пересмотр должен осуществляться в сторону дальнейшей либерализации демократических прав и свобод. Ревеш задает предлагаемому им пересмотру обратный вектор: демократия распространяется исключительно на демократов. И действовать эта норма должна не только в условиях военного времени (когда писалась книга), но и в рамках всемирного демократического государства, которое, по замыслу Ревеша, могло бы появиться после победы над нацизмом и фашизмом.

²⁹⁷ *Reves E. A Democratic Manifesto. N.Y., 1942. P. 139.*

²⁹⁸ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 139.*

²⁹⁹ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 143.*

³⁰⁰ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 143.*

³⁰¹ *Reves E. A Democratic Manifesto. N. Y., 1942. P. 143.*

Такую позицию, преследующую диссидентов и лишаящую их конституционных прав, нельзя оценивать иначе, как антидемократическую по сути и лишней раз свидетельствующую о том, что демократические цели могут быть достигнуты только демократическими средствами. Это подтвердил маккартизм – живое воплощение нетерпимости не только к инакомыслящим, но и к тем, кто готов был встать на их защиту, а, значит, и на защиту базовых принципов Конституции Соединенных Штатов Америки.

Идея формирования мирового демократического государства получила дальнейшее развитие и конкретизацию в книге Ревеша «Анатомия мира», увидевшей свет в 1945 году³⁰² и вызвавшей широкий отклик общественности. Он по-прежнему выступает в роли убежденного противника института национального суверенитета (как неизбежно чреватого войнами) и создания всемирной организации, которую называет «всемирным правительством» (world government), «всеохватывающей всемирной правительственной организацией» (overall world government organization) и т. п.

Но теперь альтернатива нации-государства выглядит более отчетливо. Это не Организация Объединенных Наций, которая совершенно не удовлетворяет Ревеша, поскольку сохраняет за ее членами все права на суверенитет. Это «федеративное всемирное правительство» (federal world government), напоминающее Соединенные Штаты Америки. И в условиях, когда в мире появилось атомное оружие (попытки контроля над распространением которого, считал Ревеш, будут крайне затруднены), нужно поторопиться с созданием такой федерации, которая позволит строить отношения между государствами не на основе двусторонних и многосторонних договоров (рано или поздно нарушаемых), а на основе всеобщего права и установить в мире «всемирный правовой порядок» (world-wide legal order)³⁰³. «Мы полагаем, – пишет Ревеш, – что единственным путем к предотвращению будущих мировых войн является регулирование взаимоотношений между нациями не на основе не имеющих принудительной силы договорных обязательств, которыми суверенные нации всегда будут пренебрегать, а на основе принудительного правового порядка, связывающего все нации, предоставляющего всем соотечественникам (nationals) равные права на основе установленного закона и налагающего на каждого равные обязательства»³⁰⁴.

Однако, настаивая на немедленных действиях, Ревеш рекомендует проявлять осмотрительность и не предпринимать шагов, способных нанести ущерб делу. Не стоит обращаться к национальным правительствам с призывами создать всемирную федерацию и спешить с разработкой ее конституции. Надо брать пример с отцов-основателей. Они сначала сформулировали ряд фундаментальных принципов, рассматривавшихся ими как самоочевидные и составляющие основу демократического общества. Когда эти принципы нашли отклик в сердцах и умах людей, последние уполномочили своих представителей воплотить их в жизнь и создать механизмы, обеспечивающие торжество этих принципов на законных основаниях.

Так же надо действовать и теперь. Прежде всего, настаивает Ревеш, необходимо убедить народы разных стран, «все цивилизованное население земли» в необходимости отказа от национального суверенитета (ради обеспечения мира и предотвращения атомной катастрофы) и создания всемирного федеративного демократического государства. Нужно сформировать своеобразную новую политическую веру, которая в конце концов побудила бы людей обратиться к своим правительствам с призывом к созданию всемирной федерации. А для этого необходимо, действуя через школу и церковь, используя прессу, радио, кино и другие средства, организовать широкое движение в поддержку идеи федерации. Взять старт процесс федерализации

³⁰² *Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., 1945.*

³⁰³ *Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., L., 1946 (1945). P. 257.*

³⁰⁴ *Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., L., 1946 (1945). P. 256.*

зации сможет лишь после того, как «в двух или более странах народ ясно выразит свою волю» двигаться в этом направлении. А затем начнет действовать сила примера и «сила событий».

Примечательно, что, считая добровольное согласие народов единственным путем к созданию всемирного федеративного государства, Ревеш по-прежнему проявлял присущее ему отсутствие толерантности и настаивал на том, чтобы на общественные должности не избирались люди, не проявляющие себя как искренние сторонники «предотвращения новой войны путем установления мира на основе закона и [демократического] правления»³⁰⁵.

В «Анатомии мира» Ревеш неоднократно возвращается к обсуждению вопроса о возможном отношении Советского Союза («России») к его идее и ее практическому воплощению. Он не исключает возможности возникновения войны между двумя лагерями³⁰⁶. Но не исключает и того, что поскольку создание всемирной федерации «позволило бы различным национальным группам продолжать строить свою религиозную, культурную, социальную и экономическую жизнь в соответствии с их собственным выбором, который защитил бы их с помощью силы закона от вмешательства других в их местные и национальные дела», то Россия не стала бы «упорствовать в отказе от участия [во всемирном правительстве]»³⁰⁷.

Ревеш, называвший себя «перфекционистом», но считавший, что именно перфекционизм способствует прогрессу, приложил немало усилий для пропаганды своего проекта, который получил поддержку со стороны части американской общественности. После выхода «Анатомии мира» в свет в прессе появилось «Открытое письмо к американскому народу». Его авторы призывали американских мужчин и женщин прочитать эту книгу, подумать над ее выводами, обсудить ее с соседями и друзьями – в частном порядке и публично. «Несколько недель назад (до атомной бомбардировки Хиросимы, когда появилось первое издание книги. – Э.Б.), – говорилось в письме, – эти идеи казались важными, но достижимыми, возможно, в будущем. В условиях новой реальности атомной войны они стали безотлагательной и насущной необходимостью, иначе цивилизация обречена на самоубийство». Примечательно, что среди авторов письма мы видим Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, сенатора Фулбрайта, члена Верховного суда США Робертса и еще свыше полутора десятков видных политиков, публицистов, общественных деятелей.

Ревеш поясняет, что создание всемирной федерации демократических государств – не самоцель. Это всего лишь средство, механизм, который позволит прийти со временем к разрешению стоящих перед народами мира социальных и экономических проблем и обеспечить всеобщую безопасность в условиях свободы.

В идее формирования всемирной демократической федерации, отстаивавшейся Мерриамом, Лассуэллом, Ревешем, Фулбрайтом, Эйнштейном и их сторонниками, получил новое воплощение старый вильсонский призыв сделать мир безопасным для демократии, то есть прежде всего для Соединенных Штатов Америки, как наиболее полного практического воплощения демократических порядков. Но теперь, в 40-х годах XX века, становилась более очевидной значительно возросшая со времен Вильсона зависимость прочности американской демократии от состояния демократии за пределами США. Это была «подсказка времени». Но за идеей всемирной федерации скрывалась глубокая культурная и интеллектуальная традиция, уходившая корнями в Европу и, судя по их текстам, не ведомая ни эмпирически ориентированным «чикагцам», ни другим американцам, ратовавшим за федерацию, но в силу ложного

³⁰⁵ *Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., L., 1946 (1945). P. 290.*

³⁰⁶ «Если бы между двумя группами суверенных наций, возглавляемых США и СССР разразилась война, ужасная война, то пусть это была бы, по крайней мере, гражданская война. Давайте не будем сражаться за базы, территории, престиж, границы. Давайте, по крайней мере, сражаться за идеал. Конец такой борьбы должен автоматически положить конец международным войнам и принести победу всемирной федерации» (*Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., L., 1946 (1945). P. 287.*)

³⁰⁷ *Reves E. The Anatomy of Peace. N. Y., L., 1946 (1945). P. 291.*

чувства собственной идейно-интеллектуальной самодостаточности даже не пытавшимся отыскать ее идейно-теоретическое обоснование в мировой философской и политической мысли.

Между тем в уставшем от войн Старом Свете первые планы создания мировой федерации республик как пути к установлению прочного мира и решению социальных и экономических проблем появились еще в XVIII веке. Наиболее яркое воплощение эта идея получила в трактате Иммануила Канта «К вечному миру», опубликованном в 1795 году. «...Разум, – писал Кант, – с высоты морально-законодательной власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, вменяет в непосредственный долг мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать *мирным союзом* (*foedus pacificum*) и который отличался бы от *мирного договора* (*pacium pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам и навсегда... Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи *федерации*, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру»³⁰⁸.

А далее следует высказывание, за которое американцы должны были бы ухватиться обеими руками как за рациональное обоснование центральной роли Соединенных Штатов в создании демократической федерации. Ибо Кант говорит следующее. «Если бы какому-нибудь могучему и просвещенному народу выпало счастье образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то она явилась бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы обеспечить таким образом сообразно идее международного права свою свободу, и путем многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза»³⁰⁹. В этих высказываниях Канта внимательный читатель обнаружит многое из того, о чем говорили и Мерриам, и Ревеш, и другие американцы – сторонники федерализма. Но знали ли они об этих высказываниях великого немецкого мыслителя?

В годы «холодной войны» идея создания всемирной федерации демократических государств утратила свою актуальность. Однако после ее окончания в рамках дискуссии о новом мировом демократическом порядке эта идея возродилась, хотя, естественно, в измененной форме. Теперь американские демократологи вспомнили и о Канте, и о европейской традиции. (Обо всем этом речь впереди). Но, судя по их публикациям, забыли... о собственных предшественниках. А между тем, как теперь становится ясно, размышления Мерриама, Ревеша и их единомышленников о федеративном демократическом государстве были важной промежуточной ступенью на крутой лестнице восхождения к одному из самых романтических, утопичных, но и привлекательных идеалов единения всего человечества на основе принципов свободы, равенства и безопасности.

³⁰⁸ Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М., 1994. С. 21. Курсив в тексте. – Э.Б.

³⁰⁹ Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М., 1994. С. 21.

Глава вторая

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Общие контуры поля исследования

На протяжении всей второй половины XX века заокеанские обществоведы сохраняли неизменный исследовательский интерес к проблеме демократии, хотя степень его интенсивности менялась от одного периода к другому, как менялась и эмоциональная окраска этого интереса. А вызван он был несколькими причинами.

Главным стимулом обращения американских политологов к проблеме демократии была потребность отыскать механизмы решения политических, экономических, социальных вопросов, встававших перед Соединенными Штатами во второй половине XX века. Развитие американского капитализма в этот период шло быстрыми темпами, но было отнюдь не беспроblemным, о чем свидетельствовали сопровождавшие его кризисы и протестные движения. Как заметил в одной из дискуссий известный политолог Теодор Дрейпер, «реформы [Франклина] Рузвельта были тем случаем, когда с помощью демократии спасали капитализм, а не демократию с помощью капитализма»³¹⁰. В изменившихся условиях требовалось усовершенствовать существующую политическую и экономическую систему, сделать их способными, сохраняя стабильность, оперативно реагировать на вызовы времени, связанные с дальнейшей массовизацией общества, построением государства благосостояния, решением расовой проблемы и т. п., словом – адаптировать капитализм к условиям позднего индустриального, а потом и постиндустриального общества. И тут на помощь снова должна была прийти демократия. Но в иной, обновленной, современной форме. Ее и требовалось отыскать.

Интерес американцев – как теоретический, так и политикопрактический – к проблеме демократии подогревался и состязанием двух мировых социально-политических систем, составлявших основное содержание начавшейся в конце 40-х годов «холодной войны». Одна из этих систем («Запад») отождествлялась с демократией, вторая («Восток») – с тоталитаризмом и авторитаризмом (в социалистической – прежде всего советской, а позднее и китайской – форме). В этих условиях демократия как теоретическая и практическая модель политического устройства общества и образа жизни становилась ходовым товаром в конкурентной борьбе с социализмом: демократические идеи, ценности, концепции требовалось как можно шире рекламировать, доказывая их непревзойденное качество³¹¹.

Была и еще одна причина интереса к проблеме демократии: осмыслить – по принципу контраста – трагический опыт фашизма и нацизма. Потребность в таком осмыслении ощущалась за океаном тем более остро, что многие известные американские политологи (Ханна Арендт, Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Льюис Козер и десятки других) принадлежали к числу эмигрантов, лично столкнувшихся в свое время с тоталитарными режимами (в основном – с нацизмом) и после войны испытывали острую потребность «рассчи-

³¹⁰ Capitalism, Socialism, and Democracy. A Symposium // “Commentary”, 1978, apr. P. 37.

³¹¹ Это приводило к тому, что наряду с серьезными теоретическими исследованиями, предпринимавшимися в академической среде, в стране производилось немало пропагандистской продукции (в ее изготовлении участвовали профессиональные пропагандисты, политики, представители академического мира и вездесущих спецслужб), рассчитанной, прежде всего, на внешнее потребление и зачастую не отличавшейся высоким качеством.

таться» – в идейно-теоретическом и психологическом планах – со своим недавним трагическим прошлым. Впрочем, это было не главным. Американцы считали важным извлечь уроки из опыта европейского и особенно немецкого прошлого и понять, что необходимо предпринять, чтобы не допустить подобных трагедий в будущем – и в самой Америке, и за ее пределами. Наконец, через сопоставление демократии с недемократическими режимами рассчитывали получить дополнительное представление о «советском тоталитаризме» – в первую очередь о внутренних, не лежащих на поверхности механизмах его функционирования.

Так что в американской политической науке³¹², которая за первые послевоенные десятилетия упрочила свой международный авторитет и позиции, как и в американской политической мысли в целом, исследование проблем демократии занимало в рассматриваемый период одно из главных, если не самое главное место. Об этом свидетельствуют многие сотни книг и статей, опубликованных за послевоенные годы профессорами американских университетов и сотрудниками многочисленных исследовательских центров. Еще одно тому подтверждение – американские и международные обзоры состояния политической науки в мире (а правильнее сказать – на Западе), где фиксируется и положение дел в американской демократологии³¹³.

Мы не отыщем ни одного крупного американского политического мыслителя второй половины XX века³¹⁴, который бы не «отметился» хотя бы одной-двумя статьями, так или иначе касающимися проблематики демократии. В то же время были политические теоретики, в том числе широкого профиля, которые не то чтобы специализировались на исследовании демократии (имелись и такие), но уделяли ей значительное внимание в своем творчестве и внесли заметный вклад в демократологию.

Первым среди них должен быть упомянут Йозеф Шумпетер (ему посвящен отдельный параграф в нашей работе). Его основная книга о демократии («Капитализм, социализм и демократия») была, как уже говорилось, впервые опубликована во время Второй мировой войны, однако широкую известность она обрела лишь в послевоенные годы, а его теория демократии и по сей день входит в число наиболее влиятельных как в Америке, так и за ее пределами.

Другая крупная фигура среди исследователей демократии – о нем тоже отдельный разговор – это Роберт Даль, один из патриархов современной американской и всей западной политической науки, более полувека работающий на избранном поприще. Автор десятков книг и статей о демократии, он опубликовал свой обобщающий труд («Демократия и ее критики») всего двадцать лет назад, продемонстрировав поразительную творческую молодость.

Единственная равновеликая ему или даже превосходящая его по кругозору и влиянию на развитие политической науки фигура – недавно покинувший (в весьма почтенном возрасте)

³¹² Хотя процесс глобализации и интернационализации общественной жизни затронул общественные и гуманитарные науки, разрушив разделявшие их ранее границы, различия между национальными традициями – особенно американской и немецкой, американской и французской, остаются, пусть и менее существенные, чем прежде. Это признают и современные историки политической мысли, хотя некоторые из них (в частности, авторы «Энциклопедии демократии») продолжают говорить об «англо-американской теории демократии».

³¹³ См., в частности: *A New Handbook of Political Science*. Ed. By Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford Univ. Press, 1996 (В русском переводе: Политическая наука: новые направления. М., 1999); *The Encyclopedia of Democracy*. S. M. Lipset Ed. in chief. Congressional Quarterly Incorporated. Vol. 1–4. Wash. D. C., 1995; *Galston W. Political Theory in the 1980s: Perplexity among Diversity* // Finifter A. (ed.). *Political Science. The State of the Discipline II*. Wash. (D.C.), APSA, 1993.

³¹⁴ Надо при этом заметить, что во второй половине XX столетия исследование проблем демократии не выходило за пределы академического сообщества (университеты, особенно крупные, входящие в знаменитую Лигу плюща; исследовательские центры типа Брукингского и Предпринимательского институтов или РЭНД корпорэйшн; фонды вроде Фонда Карнеги). За все послевоенные годы в США не появилось ни одного крупного политического деятеля калибра Вудро Вильсона или Роберта Лафоллетта, которые могли бы с полным на то правом претендовать одновременно и на роль теоретиков демократии. Правда, в 1978 году известный американский политический и общественный деятель, в прошлом сенатор и претендент на пост президента США Юджин Маккарти опубликовал книгу под интригующим названием «Вновь посетив Америку. Спустя 150 лет после путешествия А. де Токвиля» (М., 1981). (McCarthy E. *America Revisited. 150 Years after Tocqueville*. N. Y., 1978). Но это были всего лишь публицистические заметки. О демократии часто говорили и президенты, пребывавшие в Белом доме во второй половине XX столетия. Но до Вильсона им было далеко.

сей бранный мир Гэбриэл Алмонд, без рассмотрения трудов которого (это относится в первую очередь к его давно уже признанной классической книге – написана вместе с Сиднеем Вербой – «Гражданская культура») невозможно говорить об исследовании проблемы демократии в американской политической науке второй половины XX столетия.

Картина была бы неполной, если бы мы, говоря о Шумпетере, Алмонде и Дале, не назвали еще одного из патриархов американской демократологии, пусть и не столь влиятельного, – Сеймура Липсета, опубликовавшего почти полвека назад своего «Политического человека», а затем и множество других исследований, принесших ему известность в академических кругах.

Среди представителей старшего поколения заокеанских исследователей, писавших о демократии, нельзя не выделить также Ханну Арендт, Збигнева Бжезинского, Иммануэля Валлерстайна, Сидни Вербу, Аарона Вилдавски, Энтони Даунса, Роналда Инглхарта, Дэвида Истона, Генри Киссинджера, Арендта Лейпхардта, Чарлза Линдблома, Хуана Линца, Герберта Маркузе, Люсьена Пая, Роналда Пеннока, Джованни Сартори, Дэвида Трумэна, Майкла Уолцера, Фридриха Хайека, Луиса Харца, Ноама Чомского (Чомского), Хэрри Экстайна.

Отдельного упоминания заслуживает недавно скончавшийся Сэмюэль Хантингтон. Автор полутора десятков книг по самым разным проблемам политической науки, он заявил о себе в конце минувшего столетия и как заинтересованный исследователь демократии. За несколько десятилетий своей научной деятельности Хантингтон показал себя человеком, который чутко улавливает политические веяния времени и, реагируя в оперативном порядке на происходящие изменения, одаривает мир очередным сочинением, посвященным злободневной проблеме. Так появилась наделавшая много шума книга «Столкновение цивилизаций» – попытка ответить на вопрос, по какому пути пойдет развитие после-холодно-военного мира. Но за несколько лет до этого, когда стало очевидным, что мировая социалистическая система дышит на ладан и все большее число недемократических стран поглядывает в сторону демократии, Хантингтон подключился к разработке проблемы так называемого демократического транзита и выпустил в 1991 году книгу (на ней мы остановимся в дальнейшем) «Третья волна. Демократизация в конце XX века». А за шестнадцать лет до этого выступил (вместе с Мишеллем Крозье и Йодзи Ватануки) одним из авторов книги «Кризис демократии», представленной так называемой Трехсторонней комиссии в качестве доклада.

Но старшее поколение американских демократологов быстро сходит со сцены, и сегодня большую часть когорты исследователей демократии составляют представители среднего поколения. Это Эми Гуттман, Лэрри Даймонд, Марк Дойл, Гильермо О’Доннел, Роберт Патнэм, Адам Пшеворский, Брюс Рассетт, Денис Томпсон, Йэн Шапиро, Филипп Шмиттер и другие. О многих из них также пойдет речь в соответствующих разделах предлагаемой работы.

Американская демократология второй половины XX века формировалась на *междисциплинарной основе*, используя научный инструментарий и принципы, на которые опиралась не только политическая наука³¹⁵, но также политическая философия, политическая социология, экономика и другие научные дисциплины. Естественно, она несла на себе печать господствовавших методологических подходов, трижды изменявшихся на протяжении рассматриваемого периода³¹⁶.

До 1960 годов доминирующим подходом был *бихевиорализм* (с его отчетливо выраженной позитивистской направленностью)³¹⁷, ориентированный на проведение эмпирических исследований и поиск систематизированных объяснений, основанных на объективном наблю-

³¹⁵ О современном понимании политической науки см.: Гудин Р.И., Клигеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. Гл. 1.

³¹⁶ См.: Easton D. Political Science in the United States. Past and Present // Divided Knowledge. Ed. by D. Easton, C. Schelling. Newbury Park, London, New Delhi, 1991.

³¹⁷ Термин «бихевиорализм», используемый в политической науке, не тождествен термину «бихевиоризм», используемому в психологии.

дении; использование строгих методов сбора и анализа информации; разработку эмпирически обоснованных и (что не менее важно) эмпирически ориентированных теорий (в основном – теорий среднего уровня). На смену ему пришел в качестве доминирующего подход, основывающийся на *теории рационального выбора* и ориентирующей на рациональное моделирование политических процессов и политического поведения при ограниченных ресурсах и подчас сводивший политику к взаимодействию узко понятых материальных интересов. К концу XX века он был потеснен так называемым *новым институционализмом*. Не будучи в прямом смысле слова синтезом первых двух подходов, новый институционализм в какой-то степени объединил и сблизил их, предложив исследовать поведение (с использованием эмпирических методов) в рамках существующих институтов и в пределах выявленных возможностей. При этом он не препятствовал исследовательскому плюрализму и выработке альтернативных решений и допускал использование разных научных подходов, методологий и методик.

Все это, как мы увидим, знакомясь с теориями Шумпетера, Даля, Липсета, Даунса, Фишкина и других, нашло отражение в американской демократологии рассматриваемого периода. В том числе в подходе к исследованию обозначившихся в ней проблем, которые можно условно разделить на две группы. Одни проблемы достались «по наследству» от прошлого и были связаны с вызовами эпохи лишь косвенным образом. Другие представляли прямой отклик на эти вызовы.

Как и прежде, обсуждались вопросы о *сущности демократии*, ее природе, путях становления, функциях, роли в общественном развитии, а в связи с этим – о *народном представительстве*, его формах и масштабах и прежде всего – о соотношении демократии прямой и представительной, охранительной и развивающей и т. п.

Активно исследовался феномен *демократического участия*, т. е. включенности граждан в демократический процесс, чему в Америке всегда придавали большое значение. При этом одним из самых острых был вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных действий. В сущности, это был вопрос о роли гражданского общества как института демократии и об отношениях между гражданским обществом в целом и отдельными его институтами и государством.

Сохранил актуальность *вопрос об отношениях между демократией, равенством и свободой*, который был поставлен еще «отцами-основателями» и уже больше не выпадал из поля зрения американских обществоведов, постоянно вопрошавших себя, не грозит ли стране «тирания большинства».

Оставались в этом поле и вопросы о *путях совершенствования демократических институтов, об отношении между ветвями власти в демократическом обществе, о демократическом воспитании и формировании демократической гражданской ответственности* и ряд других, обсуждавшихся в первой половине XX века или даже ранее.

Надо, однако, заметить, что даже традиционные вопросы рассматривались зачастую в более или менее тесной увязке с новой ситуацией, сложившейся в стране и мире и порой – под новым углом зрения. Характерный пример – проблема природы демократии. Хотя некоторые американские политологи первой половины XX века так или иначе касались вопроса о связи между демократией и капитализмом, они не пытались выявить наличие или отсутствие генетической зависимости между ними. Шумпетер предпринял такую попытку. Больше того, он поставил целью выявить характер генетических связей как между демократией и капитализмом, так и между демократией и социализмом. Но решал он эту проблему в академическом ключе, отвлекаясь от политической конъюнктуры. В разгар «холодной войны» известный американский общественно-политический журнал «Комментари» вернулся к этой проблеме, но уже в откровенно политизированном виде. В апреле 1978 года он провел симпозиум на тему

«Капитализм, социализм и демократия», предложив его участникам³¹⁸ ответить на вопрос, согласны ли они с распространившейся в последние годы, но прежде многими отвергавшейся идеей о существовании «неотвратимой (inescaphable) связи между капитализмом и демократией».

За такой постановкой вопроса просматривалось явное желание организаторов симпозиума отвергнуть все претензии социализма на возможность иметь демократическое «лицо»³¹⁹ и, напротив, показать наличие органической, внутренней связи между капитализмом и демократией³²⁰.

Наряду с традиционными обсуждались и новые вопросы. Много внимания уделялось исследованию и идентификации *форм демократии*, уже утвердившихся (утверждающихся) в современном западном обществе и за его пределами или пока еще не сложившихся, но, как считали некоторые демократологи, востребованных временем. В этом русле складывались теории полиархии, консociативной демократии, вертикальной демократии, партиципаторной демократии и т. п.

Исследовалась *зависимость между демократией и культурой*. Особое внимание уделялось вопросам о *роли политической культуры* в формировании демократического сознания и демократических институтов и типах политической культуры, конгруэнтных стабильному демократическому обществу.

Заметным направлением развития американской демократологии рассматриваемого периода становится исследование *связей между демократией и экономикой*, вылившееся в работы, посвященные экономической теории демократии, экономической демократии, экономических предпосылок демократического транзита.

С конца 70-х годов активно обсуждается и сам феномен транзита, т. е. *перехода стран с недемократическими режимами к демократии*. Рассматривались вопросы о предпосылках, условиях и формах транзита, были предприняты попытки выявить закономерности перехода к демократическим режимам (что вылилось, в частности, в теорию «волн демократизации»).

Бурное развитие науки о международных отношениях во второй половине XX века способствовало дальнейшему развертыванию исследования таких проблем, как *условия и пути становления демократического мирового порядка, зависимость между внешней и военной политикой государств и существующим в них демократическим строем (демократия и война) и т. п.*

Большое внимание, как и прежде, уделялось исследованию *истории становления и развития демократии в Соединенных Штатах*. Но теперь американцев интересует и *история демократии в других странах* – и в тех, где ей удалось устоять в 20-30-е годы, как в Великобритании, и в тех, где она пала в этот период и где ее пришлось восстанавливать, как в Германии.

³¹⁸ Среди них были Нобелевские лауреаты Кеннет Эрроу и Милтон Фридман, видные политологи, экономисты, историки, в том числе Сеймур Липсет, Ричард Пайпс, Дэвид Рисмен, Артур Шлесинджер-мл., Роберт Хейлброннер, Чарлз Линдблом, Сидни Хук, Ирвинг Кристол, Роберт Нисбет.

³¹⁹ Справедливости ради надо сказать, что еще в 1848 году о несовместимости демократии с социализмом говорил – и говорил предельно жестко – Алексис де Токвиль. «Демократия, – утверждал он, – расширяет сферу индивидуальной свободы, социализм ее ограничивает. Демократия утверждает высочайшую ценность каждого человека, социализм превращает человека в простое средство, в цифру. Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но посмотрите, какая разница: если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм – к равенству в рабстве и принуждении» (Tocqueville A.de. Discours prononce a assemblee constituante le 12 Septembre 1848 sur la question du droit au travail // Oeuvres completes d Alexis de Tocqueville. [Paris] 1866. Vol. IX. P. 546. Цит. по: Хайек Ф. Дорога к рабству. Пер. с англ. М., 2005. С. 50). Почти сто лет спустя с этой позицией солидаризировался Фридрих Хайек. В книге «Дорога рабству» он утверждал, что если капитализм – это система свободной конкуренции, основанной на свободном владении частной собственностью, то только такая система и может быть совместима с демократией.

³²⁰ Мнения участников симпозиума разделились. Одни дали ответы, на которые рассчитывали его организаторы. Другие отвергли саму идею жесткой детерминации демократии капиталистическими либо социалистическими отношениями, заявив, что ни о какой «неотвратимости» не может идти речи.

Возрастает интерес к исследованию демократии через призму *энвайронменталистских, гендерных и расовых проблем*. Но можно сказать и по-другому: *энвайронменталистские, гендерные и расовые проблемы* рассматриваются некоторыми их исследователями в тесной увязке с проблемой демократии.

Многие из демократологических исследований рассматриваемого периода имеют узкую, если не сказать «точечную» предметную фокусировку. В центре исследования оказываются *конкретные частные аспекты демократии*, к тому же нередко имеющие узкие хронологические границы (тот или иной штат, округ, графство или государство на том или ином этапе его развития). Исследователей интересует функционирование местных, штатных и федеральных органов власти и управления; электоральный процесс на всех уровнях (механизмы, эволюция, участие в нем представителей возрастных, этнических и иных групп); права человека; деятельность и взаимодействие групп интересов, политических партий и других институтов гражданского общества; роль оппозиции; социально-политические движения (женские, *энвайронменталистские*, молодежные и т. п.); роль прессы как демократического института; функционирование судебной системы на всех ее уровнях.

Едва ли не по всем этим вопросам шли острые дебаты и сталкивались разные позиции, на основе которых, в конце концов, сложилось несколько общих интерпретаций демократии, получивших отражение в соответствующих концепциях и теориях. Важную роль в определении направлений и путей развития американской демократологии второй половины XX века играла начавшаяся в 50–60-е годы дискуссия по вопросу о сущности демократии, о демократическом идеале, об отношении между этим идеалом и его реальным воплощением, о носителях демократической власти.

Эта дискуссия, развернувшаяся между сторонниками так называемой «классической теории» демократии (созданной усилиями Джона Локка, Шарля-Луи Монтескье, Жан-Жака Руссо, Томаса Джефферсона, Джона Стюарта Милля и других мыслителей Нового времени) и ее критиками (получившими имя «ревизионистов»), представленными Йозефом Шумпетером, Робертом Далем, Сеймуром Липсетом и их единомышленниками, отчетливо высветила необходимость адаптации демократического идеала к новым социальным и политическим условиям. Споры затянулись на долгие годы и протекали в разных формах. Выходили книги и статьи, авторы которых защищали собственные позиции и выдвигали аргументы против своих оппонентов. Созывались научные конференции, на которых сталкивались разные позиции. В числе последних следует выделить конференцию «Демократия в середине XX века», проведенную в Вашингтонском университете в мае 1958 года³²¹ и собравшую сильных участников, среди которых были Луис Харц, Чарлз Линдблом, Роналд Пеннок и другие.

«Ревизионисты» не представляли собой единого лагеря, и их взгляды на демократию отличались друг от друга. Объединяло их критическое отношение к «классической теории»³²², суть которого можно выразить примерно следующим образом. В условиях массового, развитого индустриального общества «классическая теория» демократии не работает. Она исходит из того, что демос, каков бы ни был его состав, постоянно держит в своих руках бразды политического правления. Он может править непосредственно, а может делать это через своих представителей, но последние должны выражать волю и интересы демоса. При этом главной политической силой оказывается атомизированный индивид. Это, естественно, предполагает наличие у него таких качеств, как политическая компетентность, рациональность, толерант-

³²¹ Позднее материалы этой конференции были изданы (в доработанном виде) отдельной книгой. См.: *Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects*. St. Louis, MO, 1960. В 1962 году книга была переиздана под названием «Демократия сегодня. Проблемы и перспективы» (*Democracy Today. Problems and Perspectives*). Ed. by William N. Chambers and Robert H. Salisbury. N. Y., 1962).

³²² То, что «ревизионисты» называли «классической теорией», тоже не было чем-то единым. Это была группа разных теорий, объединенных общими чертами, которые и стали объектом критики.

ность (без которой невозможно уважение иного мнения, без чего, в свою очередь, нет демократии), реализм суждений (отсутствие которого не позволяет принимать взвешенные решения), инициативность и самостоятельность.

А что, спрашивали «ревизионисты», показывают результаты эмпирических исследований? И о чем свидетельствовал политический опыт первой половины XX века и, в частности, опыт Италии и Германии, где фашисты и нацисты пришли к власти при активной поддержке народа? Не о том ли, что демос политически некомпетентен, иррационален (падок на мифы и утопии), нетерпим (не только в политическом, но также в религиозном и расово-этническом отношениях), безынициативен и не способен к самостоятельным конструктивным действиям. То есть нуждается в компетентном, разумном, инициативном «поводыре»...

С другой стороны, продолжали «ревизионисты», опыт тех же Соединенных Штатов, Великобритании, других западных стран, претендующих на звание демократических, свидетельствует о том, что такие «поводыри», именуемые «народными избранниками» (и действующие зачастую в тесном контакте с представителями бизнеса и государственных органов), давно уже держат в своих руках реальную политическую власть и, будучи, как правило, профессиональными политиками, представляющими определенные политические партии, отправляют властные функции гораздо лучше, чем это сделал бы «человек с улицы».

Таким образом, обнаруживалась скандальная ситуация: выяснялось, что в «демократических» странах начала второй половины XX века, включая США, никакой демократии как власти демоса, о которой говорили «классические теории», на самом деле не существует. Что оставалось делать в сложившейся ситуации? Одно из двух: либо констатировать смерть демократии как таковой, ее несовместимость с условиями времени и существование в Америке и Европе каких угодно, но только не демократических, или – в лучшем случае – полудемократических режимов; либо призвать к изменению ситуации и созданию условий, позволяющих демосу обрести необходимые для властвования качества, а в конечном итоге и саму власть. Впрочем, был еще и третий путь. По нему и пошли «ревизионисты» во главе с Шумпетером.

Автор «Капитализма, социализма и демократии» не верил в демос. Но он не хотел, да и не мог публично хоронить «демократию». Напротив, он хотел ее «спасти»! И он сделал это путем *редукции содержания демократии до практиковавшейся в Америке и ряде других западных стран процедуры (метода) конкурентного избрания «компетентных лидеров» и признания этой процедуры сутью и основным содержанием демократии*³²³.

Как писал в 1991 году Сэмюэль Хантингтон, принявший на вооружение «ревизионистскую» теорию, «в своем новаторском исследовании “Капитализм, социализм и демократия” Шумпетер вскрыл недостатки “классической теории демократии”, определявшей последнюю в таких выражениях, как “воля народа” (источник [власти]) и “общее благо” (цель [власти]). Успешно развенчав подобный подход, он выдвинул “другую теорию демократии”. “Демократический метод, – писал он, – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей”»³²⁴.

«Ревизионисты» обвиняли классиков в том, что те не делают необходимых различий между нормативными спекуляциями и научными эмпирическими исследованиями, то есть, проще говоря, между идеалом и реальностью, и судят о наличии или отсутствии демократии по степени соответствия реального положения вещей умозрительному идеалу, сформулированному классической теорией. Отсюда и призывы как можно скорее расстаться с последним.

³²³ Почти двадцать лет спустя этот трюк (не укравшийся, конечно, от глаз пронизательных критиков) повторил Гэбриел Алмонд: давайте, сказал он, считать политической культурой, адекватной демократическому обществу, так называемую смешанную (он ее называет также «гражданской») политическую культуру, существующую в Соединенных Штатах Америки и ряде других демократических стран.

³²⁴ Хантингтон С. Третья волна. С. 16.

Одним из первых, кто выступил с таким призывом (на упомянутой выше Вашингтонской конференции), был крупный историк Луис Харц, автор известной в научных кругах книги «Либеральная традиция в Америке». Пессимистические оценки реального состояния демократии, говорил он в своем докладе «Демократия: образ и реальность», вызваны тем, что «мы отождествляем [демократическую] систему с теорией, как если бы мы действительно жили старым джефферсоновским образом демократии, который мы лелеем, и потому когда мы сталкиваемся с практикой, приводящей демократию в действие, то с ужасом обнаруживаем, что демократия рушится»³²⁵. Но это, успокаивал Харц, обманчивое чувство, фиксирующее не кризис демократии, а состояние нашего сознания. «...Внутренний “кризис демократии”... – скорее агония разума, нежели реального мира»³²⁶.

О том, что классический образ демократии – «индивидуалистический, эгалитаристский образ прямого народного контроля на основе рационального соглашения и действия»³²⁷, уже не соответствует реальности, говорили в своих выступлениях и другие участники Вашингтонской конференции. Признавая, что классические теории демократии были мощным оружием в борьбе против феодализма и монархии, они сходились в том, что «демократия, фактически существующая в массовых обществах, не может выполнить обещаний, содержащихся в прежнем образе [демократии]»³²⁸. Поэтому требуется создать «новый образ» демократического общества, отвечающий реальностям новой эпохи. Это тем более важно, настаивали участники конференции, в условиях борьбы «против мирового коммунизма с его революционным *elan* и утопическими обещаниями»³²⁹.

«Ревизионисты» полагали, что современная теория демократии должна являть собой систему эмпирически верифицируемых пропозиций, имеющих целью предсказание поведения операционально определяемых переменных и быть свободна от ценностных суждений. Это была типично бихевиоралистская позиция, чего «ревизионисты», собственно, и не скрывали и что отражало дух времени.

Как и следовало ожидать, «ревизионисты» попали под огонь критики – причем сразу с двух сторон: со стороны приверженцев «классической теории демократии» (они не переводились в Америке никогда) и со стороны сторонников так называемой партиципаторной демократии, ратовавшей, о чем свидетельствует ее название, за активное и широкое участие граждан в политико-властном процессе. «Ревизионистов» упрекали – и не без оснований – в редукции демократического процесса до верифицируемых переменных, которая уничтожала демократический идеал как таковой, а значит, устраняла и горизонт развития демократии; пессимистическом и статичном взгляде на человеческую природу; необоснованном отождествлении демократии с одним – а именно процедурным – ее элементом, презрительном отношении к основной массе граждан и т. п.

Но были и чисто политические – и тоже не лишённые оснований – упреки. Критики «ревизионистов», конечно же, разглядели трюк (мы говорили о нем выше), с помощью которого те спасали существующий строй, отождествляя демократию со сложившейся в Соединенных Штатах системой политических отношений. А поскольку, по мнению этих критиков, реальная власть в Америке находится в руках элиты, то «ревизионистские» концепции демо-

³²⁵ Hartz L. Democracy: Image and Reality // Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects. St. Louis, MO, 1960. P. 13.

³²⁶ Hartz L. Democracy: Image and Reality // Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects. St. Louis, MO, 1960. P. 13. По-видимому, эти идеи лежали и в основе курса «Демократия и ее критики», который, как сообщает Роберт Даль, Харц читал в Гарвардском университете.

³²⁷ Chambers W and Salisbury R. The Democratic Issue: Values and Structures // Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects. St. Louis, MO, 1960. P. 2.

³²⁸ Chambers W and Salisbury R. The Democratic Issue: Values and Structures // Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects. St. Louis, MO, 1960. P. 2–3.

³²⁹ Chambers W and Salisbury R. The Democratic Issue: Values and Structures // Democracy in the Mid-Century: Problems and Prospects. St. Louis, MO, 1960. P. 2–3.

кратии квалифицировалась одновременно и как апология демократии для элиты. Апология скрытая, ибо в отличие от некоторых стран Европы, где еще в первой половине XX века проповедовались (и принимались частью общества) откровенно элитистские теории власти (Моска, Парето, Михельс, Ортега-и-Гассет), открыто пропагандировать власть элиты (пусть и элиты «из народа») в Америке было труднее, хотя и в США, как увидим далее, имелись свои элитисты.

Если верить Хантингтону, дебаты между «ревизионистами» и их критиками «к 1970-м гг... закончились и Шумпетер победил. Теоретики все чаще стали проводить различие между рационалистическими, утопическими и идеалистическими определениями демократии, с одной стороны, и эмпирическими, дескриптивными, институциональными, процедурными – с другой, приходя к выводу, что лишь второй тип определений обеспечивает аналитическую точность и эмпирическую референтность, делающие понятие пригодным к использованию. Широкие дискуссии о нормативной теории резко сократились, по крайней мере, в американских научных кругах, и на смену им пришли попытки понять природу демократических институтов, механизм их функционирования, причины их расцвета и гибели. Стало превалировать стремление к тому, чтобы в слове “демократия” было меньше лозунговости и больше здравого смысла»³³⁰.

Хантингтон прав лишь отчасти. За тридцать лет, минувших с тех пор, как знаменитый австроамериканец обнародовал свою теорию, ряды тех – в них оказался и сам автор «Третьей волны»³³¹, – кто стал ориентироваться на предложенную Шумпетером методологию исследования феномена демократии, расширились. Однако разногласия между спорящими сторонами, как и сами стороны, остались, что достаточно отчетливо прослеживалось в демократологической литературе. Как констатировал – не без сарказма – Пэтрик Нил в своей обзорной статье, и в 80-х, и в начале 90-х годов «демократическая теория продолжала колебаться между тем, что Джон Данн называет “унылым идеологическим” голосом позднейшей версии ревизионистской теории, и “тупым утопическим” голосом позднейшей версии партиципаторной теории»³³².

При этом важно иметь в виду, что отмеченные «колебания» происходили на фоне кризиса, охватившего американскую (но не только американскую) демократию в конце 60-х – начале 70-х годов и продолжавшегося, пусть и с меньшей остротой, в 80-е годы. «Переживает ли демократия кризис? Этот вопрос все более настоятельно ставят некоторые ведущие государственные деятели Запада, журналисты, ученые и даже – если верить результатам опросов общественного мнения – общественность. В некоторых отношениях нынешние настроения напоминают настроения начала 20-х, когда широкую популярность обрели представления Освальда Шпенглера о “закате Запада”»³³³

³³⁰ Хантингтон С. Третья волна. С. 16–17.

³³¹ «Следуя традиции Шумпетера, в настоящем исследовании, – писал Хантингтон в 1991 году, – политическая система какого-либо государства в XX в. определяется как демократическая в той мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население. Определенное таким образом понятие демократии включает два аспекта – соревновательность и участие, – которые Роберт Даль считал жизненно важными для своей реалистической демократии или полиархии» (Хантингтон С. Третья волна. С. 17).

³³² Neal P. Theory, Postwar Anglo-American // The Encyclopedia of Democracy. S. M. Lipset Ed. in chief. P. 1252.

³³³ Brzezinski Z. Introductory Note // Crosier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N., Y., 1975. P. I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.